МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГАОУ ВО «БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени ИММАНУИЛА КАНТА»

На правах рукописи

Васильева Ольга Александровна

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОВЕРКИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Специальность 12.00.12 –

криминалистика; судебно-экспертная деятельность;

оперативно-розыскная деятельность

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук,
профессор
Холопова Елена Николаевна

Калининград

2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……. **3**

Глава 1. Информация, имеющая значение для уголовного дела, как объект криминалистического исследования ……. **16**

§ 1. Понятие, свойства и виды криминалистически значимой информации…..... **16**

§ 2. Криминалистические аспекты проверочно-оценочной деятельности лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование …….. **36**

Глава 2. Тактико-психологическое обеспечение проверки криминалистически значимой информации, полученной от участников уголовного судопроизводства…… **64**

§ 1. Особенности изучения личности участников уголовного судопроизводства при проверке криминалистически значимой информации…. **64**

§ 2. Использование специальных знаний при проверке криминалистически значимой информации …….. **87**

Глава 3. Организационно-тактические приемы работы с криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий …… **108**

§ 1. Ситуационный подход к проверке криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий…….. **108**

§ 2. Алгоритмизация проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной в ходе проведения следственных действий …… **129**

Заключение…… **146**

Список использованных источников ……..... **152**

Приложение 1. Результаты анкетирования следователей (руководителей подразделений органов предварительного расследования) дознавателей по вопросам проверки и оценки криминалистически значимой информации…… **178**

Приложение 2. Справка по результатам изучения уголовных дел …… **185**

Приложение 3. Обзор методов проверки и оценки информации, сообщаемой участниками судопроизводства…….. **187**

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется совокупностью следующих факторов.

При раскрытии, расследовании и профилактике преступлений большое значение имеет криминалистически значимая информация, полученная от участников судопроизводства. Однако ретроспективно восстановить обстоятельства события преступления, используя данную информацию, можно лишь при условии ее соответствия действительности. Поэтому грамотно проведенная проверка, а также оценка качества сведений, сообщаемых участниками процесса, являются залогом принятия обоснованных процессуальных решений по уголовному делу.

Результаты анкетирования сотрудников органов предварительного следствия и дознания, проведенного соискателем в десяти субъектах Российской Федерации (Республике Крым, Чеченской Республике, Камчатском, Приморском, Хабаровском краях, Калининградской, Мурманской, Сахалинской областях, Еврейской автономной области, городе федерального значения Севастополь), показали, что проверочно-оценочную деятельность субъекты, несущие бремя доказывания, осуществляют, преимущественно, при проведении следственных действий – допроса (83,9%), осмотра места происшествия (66%), проверки показаний на месте (44,8%), обыска (36,1%), а также путем использования специальных знаний, прежде всего, в форме судебной экспертизы (27,2%).

Отличие целей, задач, правового и криминалистического механизмов производства следственных действий предопределяет необходимость разграничения форм, средств и методов получения, проверки и оценки информации, имеющей значение для дела. Одним из основных направлений научных исследований, призванных повысить эффективность деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности, является обобщение имеющихся и разработка новых технологий проверки криминалистически значимой информации в целях решения вопроса о возможности использования ее в качестве доказательственной.

Это особенно важно на фоне снижения показателей раскрываемости преступлений в Российской Федерации[1].

Очевидно, что тактика проверки криминалистически значимой информации, сообщаемой участниками судопроизводства, во многом зависит от их индивидуально-психологических особенностей и условий получения сведений об обстоятельствах, интересующих следствие. В связи с этим возникает множество вопросов, касающихся надежности человеческой памяти и влияния различных объективных и субъективных факторов на сохранность воспоминаний. Исследуемые криминалистами, криминологами, психологами данные вопросы почти не привлекают внимания представителей судейского корпуса. Кроме того, ученые и практики зачастую не видят различий между правдивостью сообщаемых участниками судопроизводства сведений и достоверностью их показаний как доказательства, ошибочно считая эти понятия синонимичными.

Важный шаг по пути вывода дискуссии в конструктивную плоскость был сделан Международной торговой палатой – Всемирной организацией бизнеса (ICC), влиятельной некоммерческой организацией, созданной в 1919 г. для выработки международных стандартов торговли и разрешения коммерческих споров. Комиссия ICC по арбитражу и дружественному разрешению споров проанализировала научные данные (с привлечением ведущих психологов мира в сфере изучения человеческой памяти) и арбитражную практику (с участием известных специалистов в области международного арбитража). К ноябрю 2019 г. был подготовлен отчет «Обеспечение максимальной доказательственной силы свидетельских показаний», где намечены актуальные с позиций науки XXI века способы решения проблем, негативно сказывающихся на принятии решений арбитрами[2].

---

[1] Согласно статистическим данным общий уровень раскрываемости преступлений за 2020 г. снизился до 52% по сравнению с 54% в 2019 г. В 2020 г. остались нераскрытыми 963 тысячи криминальных деяний. См.: Материалы ежегодного доклада Генерального прокурора Российской Федерации Совету Федерации о состоянии преступности в стране по итогам года // Российская газета. 25.04.2021. № 89 (8440).

[2] URL: http://www.iccwbo.ru/komissii/rabochaya-gruppa-po-voprosam-psikhologii-v-mezhdunarodnom-arbitrazhe/dokumenty-rabochey-gruppy/ (дата обращения: 20.12.2021).

Экстраполируя выводы Комиссии ICC на сферу уголовного процесса, надо признать, что проверку криминалистически значимой информации при расследовании перступлений следует осуществлять на основе комплексного и системного подходов. Криминалистические методы и средства должны быть дополнены приемами, разработанными в других отраслях знания (психологии, психофизиологии, кибернетике, медицине и т.п.), позволяющими (с учетом объективно имеющихся ограничений) выявлять признаки искажения информации, поступающей от участников судопроизводства. Только так при расследовании преступлений может быть достигнут синергический эффект, без которого реализация принципа свободы оценки докзательств невозможна.

Изложенное свидетельствует об актуальности исследования вопросов, связанных с оптимизаций проверочно-оценочной деятельности лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование, за счет формирования системы научных знаний об организационно-тактических основах проверки криминалистически значимой информации, полученной от участников судопроизводства в ходе следственных действий.

Степень разработанности темы исследования. Феноменам информации и информационного взаимодействия при раскрытии и расследовании преступлений в науках уголовно-процессуального права и криминалистики посвящено значительное число трудов известных ученых: Р.С. Белкина, А.И. Винберга, Т.С. Волчецкой, А.Н. Григорьева, С.В. Дубровина, Е.П. Ищенко, В.Я. Колдина, Н.Н. Лысова, В.А. Образцова, А.В. Победкина, Н.С. Полевого, С.Б. Россинского, Н.П. Яблокова и других.

Работы, в которых рассматривались отдельные вопросы по теме диссертационного исследования, условно можно разделить на несколько групп.

Теоретические и прикладные аспекты использования информации при противодействии преступности, как правило, подробно рассматриваются в рамках методики расследования отдельных видов преступлений. Здесь можно выделить комплексные диссертационные исследования В.И. Галагана «Использование следователем информации на первоначальном этапе расследования» (1992),

Р.А. Усманова «Теория и практика использования криминалистической информации» (2006), Д.А. Ефремова «Научные и правовые основы использования информации при расследовании преступлений» (2008). Непосредственно анализу криминалистически значимой информации посвящены работы Н.С. Колесниковой «Заключение судебного эксперта в системе криминалистически значимой информации» (2021) и А.Г. Себякина «Тактика использования знаний в области компьютерной техники в целях получения криминалистически значимой информации» (2021).

Личность участников уголовного судопроизводства с позиций криминалистики рассматривалась многими учеными, в том числе, в трудах М.А. Лушечкиной «Криминалистическое изучение личности в тактике расследования» (2002), В.Н. Чулахова «Криминалистическое учение о навыках и привычках человека» (2004), И.А. Макаренко «Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого» (2006), Н.И. Малыхиной «Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление» (2017), ряде других работ.

Особенности тактики работы с информацией, полученной от участников судопроизводства, исследовались Т.А. Сорокиной «Тактико-психологические приемы получения, проверки и оценки показаний свидетелей и потерпевших» (2001), Н.В. Кручининой «Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации» (2003), Т.М. Вагабовым «Теоретические и практические основы криминалистической тактики проверки показаний подозреваемого и обвиняемого в ситуациях противодействия расследованию» (2014), О.А. Карпенко «Криминалистические средства и методы преодоления дачи заведомо ложных показаний свидетелями и потерпевшими» (2018) и другими учеными.

Таким образом, самостоятельное комплексное исследование организационно-тактических основ проверки криминалистически значимой информации, полученной при расследовании преступлений от участников судопроизводства, до настоящего времени не проводилось.

Цель исследования заключается в разработке качественных организационно-тактических рекомендаций по проверке криминалистически значимой информации при расследовании преступлений на основе комплексного теоретико-прикладного анализа структуры и специфики проверочно-оценочной деятельности правоохранительных органов.

Задачи исследования:

– раскрыть сущность криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, выделить ее свойства, имеющие значение, как для расследования преступления, так и для принятия процессуальных решений;

– выявить совокупность криминалистически значимых составляющих проверочно-оценочной деятельности лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование;

– выделить особенности изучения личности участников уголовного судопроизводства при проверке криминалистически значимой информации;

– сформулировать тактические рекомендации по использованию специальных знаний при проверке криминалистически значимой информации;

– на основе ситуационного подхода выработать тактические приемы работы с криминалистически значимой информацией, полученной при производстве следственных действий;

– разработать алгоритм проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий.

Объектом исследования являются: криминалистически значимая информация, полученная от участников уголовного судопроизводства, деятельность по ее проверке, осуществляемая уполномоченными лицами, и складывающиеся при этом проблемные ситуации, осложняющие расследование преступлений.

Предмет исследования – закономерности проверки криминалистически значимой информации, полученной при расследовании преступлений от участников уголовного судопроизводства, отраженные в нормативных правовых актах,

материалах уголовных дел, статистических данных, трудах ученых, опубликованных по избранной соискателем теме исследования.

Методология исследования базируется на диалектическом методе познания, а также общенаучных (общелогических, теоретических, эмпирических) и частнонаучных (психологических, социологических, криминалистических и др.) методах.

Так, при изучении личности участников уголовного судопроизводства и специфики получения от них криминалистически значимой информации преимущественно использовались методы наблюдения и системного анализа; при изучении следственной и судебной практики – анализа, синтеза, обобщающих характеристик, статистический метод. Применение деятельностного и ситуационного подходов, а также метода моделирования позволило разработать алгоритм проверки и оценки криминалистически значимой информации при производстве следственных действий.

Нормативную правовую базу исследования составляют Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», иные федеральные законы и подзаконные акты, связанные с проблематикой исследования (в действующей на 01.12.2021 редакции).

Теоретическую основу работы составили научные труды ведущих ученых-юристов и криминалистов: Р.Л. Ахмедшина, О.Я. Баева, М.О. Баева, А.А. Бессонова, Т.С. Волчецкой, А.Ю. Головина, А.В. Дулова, А.Г. Зорина, И.М. Комарова, В.И. Комиссарова, Я.В. Комиссаровой, В.В. Конина, В.Д. Кормы, А.М. Кустова, Ю.К. Орлова, Е.Р. Россинской, А.С. Рубиса, Н.А. Селиванова, Т.В. Толстухиной, Е.Н. Холоповой, Л.Г. Шапиро, С.А. Шейфера и других.

Эмпирической основой исследования послужили данные, полученные в результате:

– изучения и обобщения материалов 158 уголовных дел, возбужденных правоохранительными органами Республики Крым, Калининградской и Ленинградской областей в период с 2017 по 2020 гг.;

– анкетирования 324 сотрудников органов предварительного следствия и дознания в десяти субъектах Российской Федерации (Республике Крым, Чеченской Республике, Камчатском, Приморском, Хабаровском краях, Калининградской, Мурманской, Сахалинской областях, Еврейской автономной области, городе федерального значения Севастополь);

– анализа экспертной практики, исходя из избранной соискателем темы исследования (изучены 40 заключений экспертов).

При подготовке диссертации учитывались актуальные обобщения и обзоры, статистические данные МВД России, Следственного комитета Российской Федерации, а также результаты эмпирических исследований, проведенных другими авторами.

Немаловажное значение в осмыслении рассмотренных проблем сыграл личный опыт работы соискателя в должности следователя 2-го отдела следственного управления Министерства внутренних дел России по г. Калининграду Калининградской области.

Научная новизна исследования состоит в том, что автором на основе комплексного исследования получено качественно новое знание о природе и содержании криминалистически значимой информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства, а также технологии ее проверки при расследовании преступлений.

Автором предложены новые подходы к определению некоторых категорий криминалистики: «криминалистически значимая информация»; «проверка криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий», «оценка криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий».

Выявлены особенности изучения личности участников уголовного судопроизводства, а также использования специальных знаний в целях получения и проверки криминалистически значимой информации.

На основе деятельностного и ситуационного подходов предложено:

– выделять криминалистически значимую информацию разного качества;

– дифференцировать сведения, сообщаемые участниками судопроизводства при расследовании преступлений, исходя из необходимости оценки в последующем их доказательственной значимости;

– алгоритмизировать процесс проверки и оценки информации, полученной в ходе следственных действий.

Изложены научно-практические рекомендации по оптимизации проверочно-оценочной деятельности лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование, при работе с криминалистически значимой информацией.

Положения, выносимые на защиту:

1. Криминалистически значимая информация, полученная при производстве следственных действий, – это особый вид информации, характеризующей механизм преступления и отражение его вовне, которая обладает совокупностью общих и уникальных свойств, определяющих ее качество, и основанное на его оценке доказательственное значение.

Общие свойства данной информации (объективность, достоверность, полнота, относимость, актуальность, достаточность) позволяют определить ее значимость при раскрытии, расследовании и профилактике преступлений, а также возможность использования в процессе доказывания. Уникальные свойства (релевантность, преобразуемость, декларативность и адекватность) отражают ее криминалистическую природу и целевую направленность.

2. Проверочно-оценочная деятельность лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование, при работе с криминалистически значимой информацией характеризуется:

– внутренним единством при наличии внешне обусловленной дифференциации (проверка и оценка полученных от участников

судопроизводства сведений могут осуществляться в неразрывной взаимосвязи либо опосредованно в качестве двух самостоятельных многоступенчатых процессов);

– наличием нормативно обусловленных форм реализации (процессуальная и непроцессуальная) и конкретных используемых при этом способов, разрабатываемых криминалистикой;

– объективностью на этапе проверки и субъективностью на этапе оценки сообщаемых участниками судопроизводства сведений;

– целевой направленностью на дифференциацию информации в зависимости от качественных характеристик;

– возможностью осуществления в инициативном порядке (в том числе, в качестве непрерывного мыслительного процесса) при наличии у лица, несущего бремя доказывания, сомнений в ее объективности, достоверности, полноте, относимости, актуальности, достаточности;

– зависимостью от наличия у лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование, соответствующих компетенций (коммуникативной, интерактивной, социально-перцептивной, организационно-правовой, а также в области построения межличностных отношений с различными категориями граждан).

3. Криминалистическое изучение личности участников уголовного судопроизводства является необходимым этапом, предшествующим проверке и оценке всей информации, добываемой при расследовании преступления. Тактика криминалистического изучения личности участников уголовного судопроизводства определяется не только процессуальным статусом конкретного лица, но напрямую зависит от ситуаций, складывающихся в ходе предварительного расследования: лицо сообщает при производстве следственных действий заведомо правдивую, заведомо ложную информацию либо информацию, соответствие которой действительности предстоит установить.

4. Тактика использования специальных знаний в рамках проверочно-оценочной деятельности лиц, осуществляющих предварительное расследование, зависит от характера следственной ситуации и может быть реализована в следующих формах:

– назначение судебных экспертиз при необходимости установления способности участников уголовного судопроизводства воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания; выявления психофизиологического состояния лица в момент совершения преступления, непосредственно влияющего на содержание и характер сообщаемой субъектом информации;

– привлечение специалистов и назначение экспертиз при необходимости проверки сведений, сообщаемых участниками уголовного судопроизводства относительно механизма преступления и формирования его следовой картины;

– самостоятельное использование следователем (дознавателем) собственных знаний в различных областях, а также профессионального и жизненного опыта при необходимости устранения противоречий, имеющихся в сведениях, сообщаемых участниками уголовного судопроизводства.

5. На основе ситуационного подхода к проверочно-оценочной деятельности лиц, осуществляющих предварительное расследование, выделены и сгруппированы классические и нетрадиционные тактические приемы, которые могут быть эффективно использованы в целях урегулирования складывающихся на практике проблемных ситуаций.

В первой ситуации противоречия в криминалистически значимой информации, сообщаемой различными участниками уголовного судопроизводства, могут быть устранены за счет привлечения иных участников процесса и использования специальных знаний при проведении действий и операций, предусмотренных УПК РФ.

Вторая ситуация связана с возможностью самостоятельного использования следователем (дознавателем) собственных знаний в различных областях,

наличием осведомленности о современных методах и методиках диагностики информационного состояния субъекта, навыков по их практическому применению и грамотной интерпретации полученных таким образом результатов.

6. Алгоритм проверочно-оценочной деятельности лиц, осуществляющих предварительное расследование, может быть представлен в виде совокупности процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также иных организационно-тактических приемов, последовательно реализуемых в конкретных следственных ситуациях в целях решения задач по раскрытию и расследованию преступлений.

Этапы алгоритма: анализ криминалистически значимой информации, имеющейся по делу; дифференциация информации в зависимости от ее качественных характеристик; выявление признаков искажения информации; анализ возможных мотивов сообщения участниками уголовного судопроизводства не соответствующей действительности криминалистически значимой информации; итоговая оценка криминалистически значимой информации на предмет возможности использования ее в качестве доказательственной.

Теоретическая значимость исследования. Представленные в диссертации результаты разработки организационно-тактических основ проверки криминалистически значимой информации при расследовании преступлений могут рассматриваться как решение научной задачи, имеющей значение для развития криминалистики, поскольку, во-первых, органично дополняют ряд криминалистических теорий (диагностики, распознавания, прогнозирования, криминалистическую ситуалогию) и учений (о противодействии расследованию и мерах по его преодолению, о криминалистическом изучении личности), а, во-вторых, позволяют наметить новые перспективные направления научных изысканий.

Практическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные соискателем теоретические положения и практические рекомендации, направленные на повышение эффективности криминалистического

изучения личности участников уголовного судопроизводства, а также проверочно-оценочной деятельности лиц, осуществляющих предварительное расследование, могут быть использованы:

– непосредственно следователями (дознавателями) при проверке и оценке криминалистически значимой информации при проведении расследования по различным категориям уголовных дел (в том числе, в проблемных ситуациях);

– следователями (дознавателями) с привлечением специалистов и экспертов для проверки криминалистически значимой информации;

– в ходе повышения квалификации следователей (дознавателей), экспертов по вопросам, связанным с реализацией комплексного и системного подходов при проверке и оценке криминалистически значимой информации;

– в учебном процессе образовательных учреждений юридического профиля;

– при подготовке учебников и учебных пособий по криминалистике, уголовно-процессуальному праву, судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность полученных соискателем результатов определяется методологической, теоретической, эмпирической и нормативно-правовой базой исследования.

Теоретические положения и выводы, содержащиеся в диссертационном исследовании, опубликованы в 11 научных статьях, 4 из которых – в рецензируемых научных изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Основные результаты исследования обсуждались на международных, всероссийских и региональных конференциях: международной научно-практической конференции «Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики» (Калининград, 2017); международной научно-

практической конференции «Современные проблемы юридической науки и правоохранительной практики: Трибуна молодых ученых» (Калининград, 2017); международной научно-практической конференции «Совершенствование мер борьбы с преступностью» (Калининград, 2018); всероссийской научно-практической конференции «Судебная экспертиза в XXI веке. Традиции, инновации, практика» (Волгоград, 2019); международных научно-практических конференциях «Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»», проводившихся в Калининграде в 2017, 2019, 2020 гг.; IX всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов «Государство, право и правоприменительная практика: современные вызовы» (Калининград, 2021); международной научно-практической конференции «Технологии ситуационного подхода в международных криминалистических исследованиях» (Калининград, 2021); международном круглом столе «Проблемы теории и практики противодействия идеологии терроризма и другим информационно-мировоззренческим угрозам в киберпространстве» (Калининград, 2021).

Положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

Изложенные в диссертационном исследовании научные положения и криминалистические рекомендации внедрены в практическую деятельность МВД по Карачаево-Черкесской Республике, УМВД России по Калининградской области, а также в учебный процесс Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, что подтверждают соответствующие акты.

Структура и объем диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

ГЛАВА 1. ИНФОРМАЦИЯ, ИМЕЮЩАЯ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА, КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Понятие, свойства и виды криминалистически значимой информации

Деятельность по расследованию преступлений с позиции криминалистики всегда связана с поиском криминалистически значимой информации и ее последующим использованием при раскрытии, расследовании и профилактике преступлений. Инновационные преобразования современного общества, связанные с расширением возможностей информационных технологий, появлением новых видов и носителей информации, ускорением и видоизменением информационных процессов, осложняют восприятие, анализ и оценку информации субъектом ее получения. Эффективность расследования преступлений зависит не только от умения сотрудников правоохранительных органов получать информацию, имеющую значение для дела, но также грамотно ее проверять, оценивать и использовать при принятии процессуальных решений. Как справедливо писал Р.С. Белкин, «в сущности, весь процесс расследования состоит из перемежающихся актов анализа имеющейся информации, выбора соответствующих этой информации приемов и средств работы с доказательствами и их применения»[3].

Если обратиться к этимологии слова «информация», то происходит оно от латинского лат. *iniomiatio* – разъяснение, изложение: «1. =Информирование. Сообщить в порядке информации. Средства массовой информации (о газетах, радио, телевидении). 2. Сообщение о положении дел где-л., о каких-л. событиях и т.п. Снабдить нужной информацией. Дать подробную информацию о происшедшем. 3. Спец. Сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальными устройствами. Поток информации. Теория информации (раздел кибернетики, изучающий способы

[3] Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристь, 1997. С. 430.

измерения и передачи информации). Генетическая информация. (заложенные в наследственных структурах сведения о его строении и функциях). «Информационный, -ая, -ое. И. бюллетень. И-ое сообщение. И. процесс. И-ое общество (концепция о новой стадии развития общества, в которой ведущая роль отводится сфере услуг, науке, образованию, а основным объектом деятельности является торговля информацией). И. язык (искусственный язык, используемый в различных системах обработки информации). Информационность, -и; ж. И. сообщения»[4].

Слово «информация» вошло в русский язык в начале XVIII в. как термин дипломатии и военного дела со значением «указание, научение»[5]. В обиход отечественной криминалистики он был введен в 20-х гг. прошлого столетия[6]. В современных исследованиях используется, как нормативно определенное понятие «информации», так и его научное обоснование, исходя из различных подходов в других областях знаний (например, материалистическая философия рассматривает информацию как отражение реального мира с помощью сведений).

В самом общем смысле информация есть обозначение некоторой формы связей или зависимостей объектов, явлений, мыслительных процессов. Информация есть понятие, абстракция, относящееся к определенному классу закономерностей материального мира и его отражения в человеческом сознании. В зависимости от области, в которой ведется исследование, и от класса задач, для которых вводится понятие информации, исследователи подбирают для него различные определения, что является результатом познания информационных проблем применительно к той или иной сфере научного знания.

---

[4] Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 397.

[5] Тамерьян Т.Ю. Историко-этимологический словарь латинских заимствований: Учебное пособие. Владикавказ: Изд-во СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2009. С. 98.

[6] Григорьев А.Н. Информация как объект криминалистического познания // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел России. № 3 (45), 2016. С. 13.

Законодатель определяет информацию как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления»[7]. В криминалистике распространение и поддержку получило понятие, сформулированное Р.С. Белкиным на основе положений теории отражения, согласно которому информация есть мера связи событий и вызванных ими изменений (содержание изменений), которая не может существовать без материальной основы (информационного сигнала)[8].

Этот подход получил развитие в трудах многих ученых, но, несмотря на предпринимаемые усилия, до настоящего времени универсальная дефиниция понятия «информация» применительно к криминалистике отсутствует. Как отмечают исследователи, термин «информация» обладает широчайшим смысловым полем и трудно поддается определению[9].

Сегодня в научной литературе используются понятия «криминалистическая информация», «доказательственная информация», «криминалистически значимая информация». Между ними существуют объективные различия, обусловленные содержанием и свойствами указанных видов информации.

Согласно мнению некоторых ученых, можно говорить о «криминалистической информации», представляющей собой систематизированные данные о людях, трупах, способах и средствах совершения преступления, похищенных вещах, следах и вещественных доказательствах, а также других объектах, имеющих значение для расследования преступлений. Выдача такой информации производится по запросу следователя, работника дознания, суда, которые в необходимых случаях направляют в подразделения, осуществляющие учет, требование установленной формы[10].

---

[7] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (с изм. по сост. на 03.04.2020) // СПС «Гарант».

[8] Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М.: Высшая школа МВД СССР, 1970. С. 10-11.

[9] Савельева М.В., Степанов В.В. О понятии криминалистической информации // Вестник криминалистики. Вып. 4 (32), 2009. С. 14.

[10] Чернышов В.Н., Сысоев Э.В., Селезнев А.В., Терехов А.В. Технико-криминалистическое обеспечение следствия. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. С. 61.

Фактически речь идет о криминалистических учетах как источниках криминалистической информации[11].

Не оспаривая аргументацию, приводимую учеными в обоснование своей позиции, в данном случае следует согласиться с Р.С. Белкиным, который указывал: «Термин «криминалистическая информация» бессодержателен и беспредметен. Он не несет никакой смысловой нагрузки, поскольку невозможно определить, какая информация является криминалистической, а не процессуальной или оперативной, каковы исключительно ее источники. В природе не существует такой информации, а есть лишь криминалистически значимая информация»[12].

В изученных нами источниках прослеживается тесная связь понятия «доказательственная информация» с такими категориями, как «юридическая информация» (А.Н. Иванов)[13], «следственная информация» (О.Я. Баев)[14], «тактически значимая информация» (В.И. Комиссаров)[15] и некоторыми другими. Представляется, что неоднозначность толкования указанных понятий обусловлена объектом и предметом исследования, проводимого конкретным ученым-криминалистом и вектором его научного поиска. В целом можно согласиться с мнением, что доказательственная информация может быть получена исключительно путем производства следственных действий, то есть таких процессуальных действий, целью которых является собирание, исследование, оценка и использование доказательств. При этом мы солидарны с теми учеными, кто разграничивает понятия «доказательство» (сведения, полученные из

---

[11] См., например: Ищенко П.П. Информационное обеспечение следственной деятельности: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 13-16; Савельева М.В., Степанов В.В. Указ. раб. С. 14-21.

[12] Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики: монография. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2001. С. 237.

[13] Подробно см.: Иванов А.Н. Обыск как средство поиска и предварительного исследования материальных источников криминалистической информации: дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 1999.

[14] Подробно см.: Баев О.Я. Основы криминалистики: Курс лекций 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экзамен, 2003.

[15] Подробно см.: Комиссаров В.И. Криминалистическая тактика: история, современное состояние и перспективы развития. М.: Юрлитинформ, 2009.

ограниченного ч. 2 ст. 74 УПК РФ перечня источников) и «доказательственная информация» (фактические данные, имеющие значение для дела, полученные при проведении следственных действий)[16].

Некоторые криминалисты считают, что «с точки зрения криминалистического доказывания нет существенных, принципиальных различий между доказательственной и вспомогательной информацией – есть процесс установления следов-отражений криминалистической структуры преступления и криминалистической структуры преступной деятельности»[17]. Другие обособляют эти понятия, указывая, что криминалистически значимую информацию («как любого рода сведения, получаемые процессуальным и не процессуальным путем в ходе расследования преступления, которые могут быть доказательствами по делу либо могут способствовать получению доказательств и принятию мер для предупреждения и пресечения преступлений») следует делить на доказательственную, ориентирующую и вспомогательную[18].

Мы полагаем возможным солидаризироваться с позицией Д.С. Хижняка. Криминалистически значимую информацию он рассматривает «как совокупность двух взаимосвязанных информационных систем: 1) система доказательственной информации, в которую входят фактические данные, полученные в ходе производства следственных и иных процессуальных действий; 2) система непроцессуальной или ориентирующей (оперативно-розыскной) информации, в которую входит информация, полученная до возбуждения уголовного дела либо в

---

[16] По данному вопросу см.: Шхагапсоев К.З. Понятие доказательственной информации и производства следственных действий по ее проверке в районах вооруженного конфликта // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. № 2, 2017. С. 184-185. От себя поясним: зафиксированное экспертами признание вины обвиняемым при производстве в отношении него комплексной психолого-психиатрической экспертизы – доказательственная информация, которая станет полноценным доказательством, если субъект подтвердит ее в ходе последующего допроса.

[17] Дулов А.В., Рубис А.С. Основы формирования криминалистической теории доказывания: монография. Минск: Харвест, 2005. С. 224.

[18] Комиссарова Я.В., Холопова Е.Н. Информационная база криминалистического установления и изучения личности // Криминалистические средства и методы собирания доказательств: учебное пособие / Отв. ред. Е.П. Ищенко. М.: Проспект, 2016. С. 162-162.

ходе расследования, но без соблюдения норм уголовно-процессуального закона»[19].

Криминалистически значимая информация в любом случае связана с процессом доказывания. В широком смысле слова, «вся информация, используемая в ходе расследования преступлений, может быть определена как криминалистически значимая»[20]. Ее важным признаком, объединяющим множество имеющихся суждений, является целевая направленность на решение задач уголовного судопроизводства, отражающих его назначение, закрепленное в ст. 6 УПК РФ: «Криминалистически значимая информация - информация, имеющая значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, или способствующая получению таковой, а также любая информация, имеющая значение для достижения целей уголовного судопроизводства»[21].

Ориентируясь на необходимость достижения цели и решение задач исследования, чтобы раскрыть сущность проверочно-оценочной деятельности лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование, попытаемся конкретизировать понятие криминалистически значимой информации, исходя из ее свойств. Очевидно, что среди многообразия свойств информации при определении ее специфики как криминалистически значимой важны далеко не все.

Результаты опроса следователей (дознавателей) показали, что наиболее важными свойствами криминалистически значимой информации, по мнению практических работников, являются: объективность (75,9%), достоверность (87,9%) и полнота (52,1%)[22]. Ученые, помимо перечисленных, указывают на ее

---

[19] Хижняк Д.С. Источники получения криминалистически значимой информации о совершенных транснациональных преступлениях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 4 (87), 2012. С. 162.

[20] Григорьев А.Н. Теоретические аспекты информации и ее защиты в предварительном расследовании преступлений: дисс. … канд. юрид. наук. Калининград, 2002. С. 34.

[21] Паршина Е.Н. Проблемы информационного обеспечения и защиты информации в предварительном расследовании: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 14.

[22] См. Приложение 1 к диссертации.

ценность, своевременность (актуальность), относимость, доступность, понятность, достаточность, защищенность, знаковую природу, независимость[23]. Что касается «ценности», то, по нашему мнению, с одной стороны, она может рассматриваться как синоним значимости. Но что более важно, с другой стороны, это наводит на мысль о различии криминалистически значимой информации, добываемой в ходе следствия, по качеству, которое может и должно быть правильно оценено.

Принимая во внимание мнение ученых и практиков, анализу которых, учитывая длительность дискуссии, можно посвятить отдельное исследование, ограничимся выделением таких универсальных общих свойств криминалистически значимой информации как объективность, достоверность, полнота, относимость, актуальность, достаточность.

Помимо общих свойств, представляется необходимым указать уникальные свойства, присущие всей без исключения криминалистически значимой информации, полученной при расследовании преступлений, но при этом отражающие ее специфику (криминалистическую природу) и целевую направленность на решение задач предварительного расследования.

Изучение суждений специалистов по данному вопросу, позволило выявить такое свойство криминалистически значимой информации как релевантность. В науке информационного права под релевантностью подразумевается соответствие найденного документа или набора документов информационным нуждам пользователя[24]. В общенаучном смысле так обозначают субъективно оцениваемую степень соответствия чего-либо в определенном моменте времени[25].

Интерес представляет подход, согласно которому релевантность информации рассматривается как «возможность информации, существующей

---

[23] См., например: Усманов Р.А. Информационные основы предварительного расследования / Под ред. А.А. Белякова. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 24-25.

[24] Чубукова С.Г., Элькин В.Д. Основы правовой информатики (юридические и математические вопросы информатики): Учебное пособие. Изд. 2-ое, испр. и доп. / Под ред. М.М. Рассолова, В.Д. Элькина. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2007. С. 76.

[25] Цветков В.Я. Информационное соответствие // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 1. Ч. 3, 2016. С. 454-455.

объективно и вне связи с конкретными обстоятельствами, быть применимой при возникновении определенных обстоятельств и в складывающихся ситуациях теми субъектами, от которых исходит запрос в отношении данной информации и образуется потребность в ней»[26]. С этой точки зрения, релевантность корреспондируется с относимостью, которая является неотъемлемым свойством доказательств, но не всеми учеными включается в число общих свойств криминалистически значимой информации.

В свое время Р.С. Белкин и А.И. Винберг указывали, что нет противоречия между объективностью существования обнаруживаемых доказательств и субъективностью процесса их обнаружения: «Субъективность же означает, что процесс обнаружения проводится не безлично, а определенным субъектом, отражающим объективную реальность не пассивно, а активно-деятельно, целенаправленно, переживающим определенным образом само это отражение»[27].

Выделение релевантности как свойства криминалистически значимой информации отражает необходимость учета специфики складывающейся по делу ситуации и роли субъектов предварительного расследования, заинтересованных в получении данной информации. Посредством использования деятельностного и ситуационного подходов (а именно о них идет речь) к изучению феномена информации можно получить качественно новое знание о природе и содержании информационных процессов, специфике профессиональной деятельности лиц, осуществляющих предварительное расследование. Следователь (дознаватель) взаимодействует с окружающей средой и создает свою информационную модель имеющейся ситуации, а затем в зависимости от характера конечной цели принимает определенные решения для ее достижения. Как верно в данной связи отмечает А.Н. Григорьев, «именно субъективность процесса формирования информации объясняет то, почему от одного и того же объекта - следа

---

[26] Лекторский В.А., Кудж С.А., Никитина Е.А. Эпистемология, наука, жизненный мир человека // Российский технологический журнал. № 2 (3), 2014. С. 4.

[27] Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973. С. 34.

преступления - разные субъекты могут получить разную по полноте, объему и другим параметрам информацию[28].

Изучение уголовных дел, отражающих практику расследования различных категорий преступлений, а также смежных аналитических материалов позволяет выделить такое важное свойство криминалистически значимой информации как ее преобразуемость. Данное свойство означает, что информация может менять способ и форму своего существования в зависимости от времени, прошедшего с момента совершения преступления, характера следственной ситуации и восприятия участниками предварительного расследования. Достаточно наглядно данное свойство иллюстрирует следующий пример.

Соседи сообщили о длительном отсутствии пожилой гр-ки К. При этом в ее квартире эпизодически слышался шум. Сама соседка дверь не открывала на протяжении пяти дней. Волнуясь за ее здоровье, соседи обратились к оперативному дежурному. Поскольку родственников у К. не было, решили вскрыть жилое помещение в присутствии понятых. В комнате обнаружили труп К. без видимых признаков насилия. Все присутствующие отметили наличие стойкого запаха газа в квартире. Визуальный осмотр газового оборудования не выявил утечки газа в квартире. При этом на запястьях трупа были отмечены следы связывания, средства связывания на месте отсутствовали. Прибывшая на место следственно-оперативная группа отразила наличие постороннего запаха в протоколе осмотра места происшествия. При повторном осмотре данный запах в квартире отсутствовал.

По результатам проведенной экспертизы было установлено, что смерть К. наступила в результате токсического отравления вдыхаемыми веществами. Позже в процессе расследования было установлено, что Л., не являвшийся К. родственником, но на которого она оформила договор пожизненной ренты, желая скорейшего наступления смерти К. в целях завладения ее квартирой, на

---

[28] Григорьев А.Н. Информация как объект криминалистического познания // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел России. № 3 (45), 2016. С. 13-15.

протяжении нескольких дней держал ее в связанном состоянии. При этом каждый вечер он открывал кран конфорки ее бытовой газовой плиты, а через несколько часов приходил и выключал его, открывая настежь окно. Таким образом он действовал, пока не убедился в том, что К. мертва. Свои действия позже Л. объяснил тем, что пытался имитировать картину естественной смерти К., полагая, что в момент обнаружения тела запах газа выветрится[29].

Таким образом, в данной ситуации следователем своевременно был зафиксирован в протоколе факт наличия запаховых следов, которые должным образом были изъяты. По аналогии с приведенным примером информация, существующая в виде идеальных следов в памяти свидетелей, материализуется в протоколах допросов, очных ставок, проверок показаний на месте. Исследование экспертами материальных объектов, связано с построением ими множества информационных моделей на уровне сознания, завершается формированием иного источника криминалистически значимой информации - заключения эксперта.

Результаты проведенного исследования (анкетирование следователей и дознавателей, изучение материалов уголовных дел) свидетельствуют об отсутствии общеобязательной и общепринятой формы выражения криминалистически значимой информации. Данное свойство можно обозначить как декларативность.

В толковых словарях отмечается три значения слова «декларация»: 1) официальное или торжественное, программное заявление (книжн.); 2) название некоторых официальных документов, содержащих требуемые сведения; 3) предложение вступить в брак (устар.)[30].

Таким образом, декларативность отражает содержательное значение информации, ее универсальность, отсутствие временных рамок использования и адресность (обращение к заинтересованным лицам). Применительно к криминалистике декларативность означает о том, что массив информации

---

[29] Материалы уголовного дела № 020145/19 // Архив СОСК по Ленинградскому району г. Калининграда СУСК по Калининградской области за 2019 год.

[30] См., например: Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. В 2-х т. М.: Русский язык. 2000. Т. 1. С. 128.

содержит то, что составляет предмет интереса следователя. Если источник информации является неодушевленным и не может выразить ее вербально (например, вещественные доказательства пр.), он непосредственно (сам собой) отображает имеющую значение для дела информацию.

Также следует выделить такое свойство криминалистически значимой информации как адекватность. Адекватность информации - это соответствие создаваемого с помощью полученной информации образа реальному объекту, процессу, явлению и т.п. В жизни вряд ли возможна ситуация, когда можно ориентироваться на полную адекватность информации. Всегда присутствует некоторая степень ее неопределенности, но именно она указывает на реальность этой же информации и различия в особенностях ее восприятия субъектами передачи и получения[31]. Проявление свойства адекватности криминалистически значимой информации, во многом, зависит от мастерства и опыта следователя (дознавателя). Поскольку он, как основной и непосредственный обработчик данной информации, обязан оценивать степень ее адекватности.

Данное свойство информации зависит от факторов, влияющих на восприятие субъектом деятельности по расследованию преступлений полученной информации, которые разделяются на объективные (условия восприятия, продолжительность и характеристика объектов, например, количество и др.) и субъективные (особенности личности субъекта, его психоэмоциональное состояние, степень загруженности, наличие профессиональных компетенций, отношение к событию преступления и др.).

Применительно к рассматриваемой теме интерес представляет мнение исследователей, характеризующих адекватность через синтаксис, семантику, прагматику информации: «Синтаксические свойства адекватности отражают структурный аспект информации. Семантические свойства адекватности выражают смысловой аспект информации. Прагматические свойства адекватности отражают потребительский аспект информации. Таким образом,

[31] Зайцева О.Н. О необходимости введения понятия «риски адекватности информации» // Фундаментальные исследования. № 1 (Часть 3), 2013. С. 808.

перечисленные свойства информации соответствуют трем ступеням познания истины: от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него практике - таков диалектический путь познания истины, объективной реальности»[32].

Приведем пример, характеризующий данное свойство криминалистически значимой информации, который наглядно подтверждает необходимость ее проверки именно на предмет адекватности.

В процессе расследования убийства, совершенного по найму, одним из свидетелей предполагаемый преступник характеризовался как человек огромного роста (2,5-3 метра) в шапке-ушанке. Повторный допрос свидетеля позволил судить о том, что в своих показаниях свидетель опирается не на личную визуализацию подозреваемого, а видел его тень, которая соответствует вышеуказанному описанию. Проведенная экспертиза видеозаписи камер наружного наблюдения при плохом качестве изображения все же позволила установить, что подозреваемый – мужчина среднего роста (1,70-1,75 м) в наушниках, без головного убора. Свидетель позже пояснил, что в своих показаниях ориентировался на тень, отбрасываемую подозреваемым, сопоставимую по размерам с другими тенями, в частности, уличного фонаря (наушники принял за шапку-ушанку). Он решил, что эти объекты сопоставимы[33].

Рассмотренные общие и уникальные свойства криминалистически значимой информации отражают ее общую направленность на достижение целей раскрытия, расследования и профилактики преступлений и, одновременно, необходимость критического осмысления, проверки и оценки субъектом, несущим бремя доказывания.

Данную позицию подкрепим мнением А.В. Дулова и А.С. Рубиса: «Мыслительная, творческая, эвристическая деятельность субъекта доказывания уже на этапе выявления преступлений должна быть постоянно направлена на проникновение в пространственно-временную, ситуационную и содержательную

---

[32] Гусеница Я.Н., Малахов А.В., Панина А.А. О формализации адекватности информации // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. № 12, 2018. С. 436.

[33] Материалы уголовного дела № 000395/20 // Архив СОСК по Ленинградскому району г. Калининграда СУСК по Калининградской области за 2020 год.

сущность совершения и сокрытия преступления, то есть ту ретроспективную зону, в которой действовал преступник, а также на предвидение будущего, то есть прослеживание движения доказательств и другой информации по делу на всех этапах доказывания, уяснение их связей и взаимозависимостей»[34].

Таким образом, можно сделать вывод, что криминалистически значимая информация, полученная при производстве следственных действий, – это особый вид информации, характеризующей механизм преступления и отражение его вовне, которая обладает совокупностью общих и уникальных свойств, определяющих ее качество, и основанное на его оценке доказательственное значение[35].

Далее с опорой на деятельностный и ситуационный подходы необходимо систематизировать представление о криминалистически значимой информации путем упорядочивания и классификации, чтобы исследовать специфику процессов ее проверки и оценки.

Целью научной классификационной деятельности в криминалистике является построение системы соподчиненных криминалистических понятий. Следовательно, криминалистическая классификация как научно-исследовательская деятельность является разновидностью систематизации криминалистического научного знания. Криминалистическая классификация имеет большое значение для эффективного познания изучаемого объекта, служит важным средством проникновения в его базисные слои, а также обеспечения продуктивного движения мысли исследователей от исходного целого к образующим его частям и от них снова к целому для выявления закономерностей, знание которых необходимо для его научного объяснения и описания[36].

Следует согласиться с тем, что криминалистическая классификация должна осуществляться непрерывно по принципу «от общего - к менее общему» (от рода

---

[34] Дулов А.В., Рубис А.С. Указ. раб. С. 224.

[35] Васильева О.А. Криминалистически значимая информация: понятие, свойства // Закон и право. № 9, 2017. С. 121-122.

[36] Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений: монография. Красноярск: Красноярский университет, 1988. С. 5.

к виду, от вида к разновидности, от системы - к ее частям и далее к их элементам). Такой подход выполняет методологическую функцию как при построении всей системы научного знания, так и при определении конструкций отдельных блоков и разделов данной системы[37].

Криминалистическая классификация должна осуществляться с соблюдением правил и принципов логического деления не самих объектов реальной действительности, а объема их понятий. Каждое криминалистическое понятие обозначается таким термином, который отражает: принадлежность элемента (соподчиненного понятия) к классификационной системе определенного родового понятия; индивидуальность элемента, его отличительный от других элементов классификационной системы признак[38].

В криминалистике принято классифицировать криминалистически значимую информацию по различным основаниям. Сразу оговорим, что перечисление всех предлагаемых классификаций не входит в нашу задачу. Рассмотри лишь те из них, которые помогут нам продвинуться в исследовании тактических особенностей проверочно-оценочной деятельности лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование.

В специальной литературе существует разделение криминалистически значимой информации на информацию, имеющую актуальное и потенциальное криминалистическое значение[39]. Информация, образовавшаяся в результате совершенного преступления, пока она не воспринята субъектом расследования, является потенциальной. Чтобы такая информация стала актуальной, она должна быть обнаружена, воспринята лицом, производящим расследование, и найти свое отражение в его сознании. Однако, как справедливо заметил Н.С. Полевой, в реальной действительности ни на первоначальном, ни на последующих этапах

---

[37] Хвалин В.А. Орудия преступления как объект криминалистики и следственной практики: курс лекций. М.: Старая Басманная, 2000. С. 17.

[38] Виденин В.И. Некоторые черты классификации как средства познания в советской криминалистике // Сборник статей адъюнктов и соискателей. М.: ВШ МВД СССР, 1973. Вып. 1. С. 67.

[39] Аверьянова Т.В. Криминалистика / Под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, Ю.Г. Корухова, Е.Р. Россинской; под общ. ред Р.С. Белкина. М.: НОРМА, 2003. С. 368.

расследования преступлений весь объем подобного рода информации не используется в силу того, что, во-первых, ее не всегда возможно обнаружить и закрепить, а во-вторых, для достижения целей раскрытия и расследования преступлений выявление полного объема этой информации зачастую оказывается необязательным[40].

Как отметил И.Д. Кучеров: «Эффективность расследования конкретного преступления во многом зависит от умения из потока разнообразной информации извлечь полезную, отсеять избыточную информацию и «шумы» с тем, чтобы оперировать только точными данными»[41]. Это означает, что из всего разнообразия криминалистически значимой информации необходимо выявить именно ту информацию, которая является необходимой и достаточной для решения текущих задач и достижения конечных целей уголовного судопроизводства.

На основании изложенного можно констатировать, что потенциальную криминалистически значимую информацию, которую субъект расследования смог обнаружить и осознать как необходимую для решения задач и достижения конечной цели расследования, можно считать актуальной криминалистически значимой информацией. В дальнейшем будем говорить именно о ней.

В науке криминалистически значимая информация разграничивается по такому основанию как структурные элементы события преступления на субъектную, объектную и модальную. Субъектную информацию составляют психические и анатомические особенности субъекта преступления, в частности его интеллектуальные способности, внешний облик и индивидуальности в строении отдельных частей тела (лица, рук, ног, зубного аппарата и т.п.), а также биологические особенности организма и (или) его выделений (крови, мочи, слюны, пота и т.п.). Объектная информация - это информация, характеризующая индивидуальные особенности качественного состояния и (или) внешнего строения того или иного объекта как материального предмета или вещественного

---

[40] Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: МГУ, 1989. С. 73, 129.

[41] Кучевой И.Д. Соотношение тождества и различия (на материале криминалистики) Минск: Наука и техника, 1968. С. 58.

образования, которое связано с событием преступления. Модальная информация характеризует особенности способа действий субъекта при совершении преступления или сокрытии последствий преступления, а также ту обстановку, в условиях которой было совершено преступление[42].

Также в специальной криминалистической научной литературе существует деление криминалистически значимой информации в зависимости от формы ее получения субъектом расследования – на внешнюю и внутреннюю. Л.А. Соя-Серко справедливо писал: «Следователь получает два потока информации, один из которых является внешним, возникающим при изучении обстановки и обстоятельств расследуемого преступления. Второй поток – внутренний, содержится в памяти следователя в виде знаний, понятий, полученных как в процессе профессиональной подготовки, так и в ходе практической работы»[43].

С указанной связана классификация криминалистически значимой информации в зависимости от режима правового доступа на общедоступную и информацию ограниченного доступа. К общедоступной информации, то есть информации, не требующей специальных правовых механизмов для получения и использования, относится публично доступная, а также другая, не охраняемая в режиме тайны информация.

По отношению к фактическим обстоятельствам преступления различают правдивую и ложную криминалистически значимую информацию, а по степени доказанности – достоверную и недостоверную. Всесторонне исследовав данный вопрос, Н.В. Кручинина пришла к выводу, что «достоверной в уголовном судопроизводстве следует считать не просто информацию, соответствующую действительности, тому, как все было на самом деле, а лишь такие сведения, соответствие (адекватность) которых действительности не вызывает сомнений в силу их доказанности, установленности достаточными по объему, характеру и

---

[42] Савельева М.В. Криминалистика. / Под ред. М.В. Савельевой, А.Б. Смушкина. М.: Издательский дом «Дашков и К», 2009. С. 92

[43] Соя-Серко Л.А. Программирование и творчество в деятельности следователя // Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1980. С. 32.

содержанию сведениями, полученными из других источников, информационная надежность которых не вызывает сомнения»[44].

Мы полностью солидарны с указанной позицией. О необходимости разграничения понятий «истинность» и «достоверность» в судопроизводстве неоднократно писали известные отечественные процессуалисты и криминалисты (А.Р. Ратинов, А.А. Эйсман, Ю.К. Орлов и другие)[45]. К сожалению, на практике их не всегда разграничивают.

Так, 28 апреля 2020 г. заместитель Председателя Верховного Суда РФ В.А. Давыдов, проверив постановление судьи Верховного Суда РФ от 9 декабря 2019 г. об отказе в передаче кассационной жалобы осужденного для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, а также уголовное дело, указанное постановление отменил и постановил передать кассационную жалобу вместе с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. В данном случае нас интересует не существо дела, а мотивировка решения: «Как видно из материалов дела, на разрешение экспертов были поставлены вопросы, которые фактически сводились к разрешению вопроса о достоверности или недостоверности показаний П. при допросе в качестве свидетеля по делу. Однако постановка перед экспертами правовых вопросов, в том числе связанных с оценкой правдивости или лживости, то есть достоверности или недостоверности показаний П., данных в ходе производства следственного действия, в силу требований уголовно-процессуального закона не допускается»[46].

В русском языке и науке слова «правдивость» и «истинность» могут употребляться в качестве синонимов, в то время как «достоверность» по отношению к ним синонимом не является. Филологи подчеркивают: «природа языка такова, что синонимы нельзя назначить произвольно по желанию того или иного носителя языка»; «слова «правдивый» и «достоверный» не могут быть

---

[44] Кручинина Н.В. Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации: автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 18-19.

[45] Подробно см.: Овсянников И.В. Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам: дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 93-117.

[46] URL: https://e.ugpr.ru/820995 (дата обращения: 21.06.2021).

взаимозаменяемыми в одних и тех же контекстах»; «семантические отношения прилагательных «правдивый» и «достоверный» таковы, что если высказывание правдиво, то оно не обязательно достоверно, но достоверное высказывание правдиво всегда»[47].

Важной с практической точки зрения является разграничение криминалистически значимой информации в зависимости от источника и формы представления на вербальную и невербальную. В широком смысле эта классификация соотносится с делением доказательств на личные и вещественные по источнику сведений – участники судопроизводства (живые люди) или неодушевленные объекты материального мира. В то же время, когда дело касается межличностного общения, надо учитывать, что в зависимости от используемых средств различают два вида общения: вербальное (от лат. *verbalis* – словесный), осуществляемое при помощи языковых средств, воспринимаемых на слух, и невербальное, осуществляемое посредством несловесных знаковых систем[48]. Речевого взаимодействия субъектов, предполагает использование в качестве дополнительного источника информации невербальной составляющей общения[49].

Приведенные классификации хотя и отражают особенности криминалистически значимой информации, но не позволяют в полном объеме с опорой на них целенаправленно осуществлять проверку и оценку поступающих к субъекту расследования сведений. Поэтому дополним имеющийся перечень практико-ориентированной классификацией, основанной на анализе выделенных нами свойств криминалистически значимой информации.

В ходе общения с практическими работниками мы обратили внимание, что следователи и дознаватели нередко употребляют такие речевые обороты, как

---

[47] Фролова О.Е. О языке научного исследования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 2 (78), 2021. С. 147-154.

[48] Аудиовизуальная психодиагностика: Практикум для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений / Авт.-сост. А.И. Ушатиков, О.Г. Ковалев, В.Н. Борисов. М.: Издательский центр «Академия», 2000. С. 94.

[49] Подробно см.: Комиссарова Я.В., Семёнов В.В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений. М.: Юрлитинформ, 2004.

«информация высокого качества», «сведения низкого качества», «качественная криминалистически значимая информация» и т.п. Это побудило нас обратиться к понятию «качество информации».

Качество информации – совокупность свойств, характеризующих степень ее соответствия потребностям (целям, ценностям) пользователей (средств автоматизации, персонала и др.)[50]. Следовательно, качество криминалистически значимой информации отражает степень выраженности ее общих и уникальных свойств в конкретной ситуации при раскрытии, расследовании и профилактике преступлений.

Определение качества (применительно к отдельным направлениям деятельности также используется термин «управление качеством») - процесс или результат формирования требуемых свойств и характеристик чего-либо, а также поддержание этих характеристик на протяжении необходимых временных отрезков. Очевидно, что при работе с криминалистически значимой информацией определение ее качества является обязательной составляющей мыслительного процесса следователя (дознавателя) и непосредственно влияет на результативность процесса доказывания. Умение выделять из массива информации криминалистически значимую позволит следователю (дознавателю) принимать взвешенные решения по делу.

На основании вышеизложенного, в основу предлагаемой классификации целесообразно положить универсальный критерий определения качества криминалистически значимой информации, выражающийся в количественно-качественных показателях[51]:

1. Если в имеющейся по делу информации проявляются все ее свойства (как общие, так и уникальные), то можно с уверенностью утверждать, что информация является криминалистически значимой высокого качества. Придание ей статуса доказательственной – вопрос технико-процессуальный.

---

[50] Зубец В.В., Ильина И.В. О качестве сетевой информации // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 12 (164). С. 168-172.

[51] Васильева О.А. Криминалистически значимая информация: понятие, свойства // Закон и право. № 9, 2017. С. 121-122.

2. Если имеющаяся по делу информация обладает большинством указанных свойств, но часть из них отсутствует, это будет криминалистически значимая информация среднего качества. Такого рода ситуации на практике встречаются чаще всего[52], когда уже на этапе получения информации есть основания полагать, что при наличии одних свойств (например, объективность, достоверность, релевантность, преобразуемость) другие представлены не в полной мере (например, под вопросом полнота и актуальность, а также адекватность). Это лишает следователя (дознавателя) возможности однозначно трактовать имеющиеся сведения и принимать процессуальные решения. Такую криминалистически значимую информацию, несомненно, надлежит использовать в качестве ориентирующей, но она нуждается либо в дополнении (уточнении, проверке).

3. Если информация обладает лишь несколькими из указанных свойств, ее следует отнести к низкокачественной. Такую информацию нельзя использовать в рамках предварительного расследования до тех пор, пока она не будет подкреплена информацией, полученной из других источников.

Как справедливо пишет Е.П. Ищенко: «Поскольку процесс расследования носит выраженный информационный характер, особое значение приобретает разработка методов и средств по работе с имеющейся информацией. Знание и умелое их использование в деятельности правоохранительных органов способствуют решению задач уголовного судопроизводства»[53]. Поэтому вопросы определения критериев качества криминалистически значимой информации могут и должны стать предметом самостоятельного научного исследования ввиду объемности и дискуссионности, а также необходимости обобщения достижений различных отраслей наук.

---

[52] См. Приложение 2 к диссертации.

[53] Ищенко Е.П. К проблеме качества предварительного расследования преступлений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 5, 2017. С. 128.

§ 2. Криминалистические аспекты проверочно-оценочной деятельности лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование

Реализация назначения уголовного судопроизводства, обеспечение справедливого разбирательства и разрешения дел достигаются не только за счет процессуальных средств и предусмотренных УПК РФ способов. Очевидна значимость использования достижений из разных областей знания, прежде всего, криминалистики, а также наук о человеке, поскольку осуществление правосудия, по сути, представляет собой непрерывный процесс взаимодействия между живыми людьми. Уголовно-процессуальная деятельность и деятельность по раскрытию и расследованию преступлений тесно взаимосвязаны на всех этапах производства по уголовному делу, начиная с получения разноплановой криминалистически значимой информации до обособления той ее части, которая однозначно в качестве доказательственной может быть положена в основу процессуальных решений.

Результаты обобщения литературы свидетельствуют, что ученые-процессуалисты обычно выделяют этапы поиска, получения и фиксации доказательств. Поисковые действия представляют собой работу с источниками информации, осуществляемую процессуальным и не процессуальным путем (например, осмотр места происшествия и обращение к населению через средства массовой информации). Получение доказательств рассматривается через призму ст. 86 «Собирание доказательств» и ст. 75 «Недопустимые доказательства» УПК РФ. Фиксация связана с процессуальным оформлением доказательств. Криминалисты при собирании доказательств акцентируют внимание на действиях по обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию объектов, имеющих значение для дела, то есть на получении и исследовании криминалистически значимой информации[54].

Криминалистика изучает закономерности возникновения, сохранения, переработки информации, результаты их проявлений при доказывании, но в иных

[54] Организация неотложных следственных действий: учеб. пособие / Под ред. канд. юрид. наук, доц. О.В. Волоховой. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 43.

целях, чем теория доказательств, – в целях оптимизации средств и способов информационно-познавательной деятельности при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде. О.Я. Баев писал: «Теория доказательств и криминалистика имеют общий объект исследования: практическую деятельность по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств, доказывание в уголовном судопроизводстве. В этом смысле доказывание в уголовном судопроизводстве – системный, междисциплинарный объект. Иными словами, теория доказательств и криминалистика изучают различные стороны, различные аспекты доказывания в уголовном судопроизводстве (первая – процессуальные, вторая – криминалистические) и разрабатывают соответствующие средства и способы оптимизации названного вида человеческой деятельности (процессуальные - теория доказательств, криминалистические – криминалистика) в рамках уголовного процесса»[55].

Криминалистические средства и методы используются лицами, уполномоченными осуществлять предварительное расследование, преимущественно, в рамках процессуальной деятельности путем осуществления предусмотренных УПК РФ действий при условии соблюдения порядка их производства. Исходя из цели и задач исследования далее под лицами, уполномоченными осуществлять предварительное расследование, будем рассматривать следователей (дознавателей) как субъектов, одновременно, криминалистической и процессуальной деятельности, несущих бремя доказывания. Они являются субъектами определения качества полученной информации. Руководствуясь внутренним убеждением, на основании сформированных профессиональных компетенции следователь (дознаватель) формулирует умозаключения о качестве имеющейся по делу криминалистически значимой информации с учетом складывающейся следственной ситуации. Данное обстоятельство имеет ключевое значение при определении направлений

[55] Баев О.Я. Следователь (основы теории и практики деятельности). Научно-практическое издание. М.: Прометей, 2017 // СПС «Гарант».

расследования каждого конкретного преступления, выборе тактических приемов, необходимых для их реализации криминалистических средств и методов.

Многоаспектный характер деятельности лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование, позволяет нам использовать в дальнейших научных изысканиях в качестве методологической основы деятельностный подход.

Весомый вклад в разработку деятельностного подхода внесли такие видные отечественные ученые-психологи, как Б.Г. Ананьев, Е.А. Климов, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, К.К. Платонов, С.Л. Рубинштейн и другие. В частности, А.Н. Леонтьев писал: «В общем, потоке деятельности, который образует человеческую жизнь в ее высших, опосредствованных психическим отражением проявлениях, анализ выделяет, во-первых, отдельные деятельности – по критерию различия побуждающих их мотивов. Далее выделяются действия – процессы, подчиняющиеся сознательным целям. Наконец, это операции, которые непосредственно зависят от условий достижения конкретной цели. Эти «единицы» человеческой деятельности и образуют ее макроструктуру»[56]. При этом ученый указывал на подвижность структуры деятельности, ее изменчивость, возможность трансформации деятельности в действие, а действия – в относительно целостную деятельность[57].

В криминалистике проверка и оценка криминалистически значимой информации исследуются как взаимосвязанные категории. Достаточно обратить внимание на то, каким образом описывается предмет криминалистики в учебной литературе: «Наука о закономерностях отражения криминальной деятельности лиц, связанных с преступлением, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования криминалистически значимой информации в целях

---

[56] Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. С. 109.

[57] См.: Суворова Г.А. Психология деятельности: учебное пособие для студентов психологических и педагогических вузов. М.: Пер Сэ, 2003. С. 28.

раскрытия, расследования и предупреждения преступлений»[58]. Приведенная и другие известные близкие по смыслу дефиниции отражают органичное единство деятельности лиц, несущих бремя доказывания, по получению, проверке, оценке и использованию криминалистически значимой информации.

Этот же подход просматривается при разработке частных учений в криминалистике. Так, В.А. Жбанков под криминалистической теорией изучения личности обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего и иных участников уголовного судопроизводства понимает «систему научных положений о выявлении, анализе и использовании информации о криминалистически значимых свойствах личности указанных лиц и разработанных на их основе практических рекомендаций по собиранию, исследованию, оценке и использованию информации для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений»[59].

Изложенное свидетельствует о том, что проверку и оценку криминалистически значимой информации можно и нужно рассматривать не только в качестве самостоятельных действий, но и как единую, скажем так, проверочно-оценочную деятельность следователя, направленную на решение вопроса о возможности использования данной информации в доказывании.

В данном случае термин «проверочно-оценочная деятельность» мы используем как условное выражение для удобства изложения и восприятия материала. В русском языке возможно формирование слов за счет соединения в одно смысловое целое двух самостоятельно употребляемых существительных[60]. Это не криминалистическая категория и возводить ее в ранг таковой, на наш взгляд, нецелесообразно.

---

[58] См., например: Топорков А.А. Криминалистика: учебник: для курсантов, слушателей и студентов высших учебных заведений по специальности «Юриспруденция». М.: Контракт: ИНФРА-М, 2012. С. 128.

[59] Жбанков В. А. Криминалистическая теория изучения личности участников уголовного судопроизводства // Вестник Российской Таможенной академии. № 2, 2012. С. 52.

[60] URL: https://cooksy.ru/articles/slova-sostoyaschie-iz-dvuh-slov-suschestvitelnyh/ (дата обращения: 20.12.2021).

Количественные и качественные изменения преступности требуют совершенствования работы правоохранительных органов и экспертных учреждений, разработки новых методов и методик борьбы с преступностью, выявления лиц, причастных к правонарушениям, а не приумножения наукообразных понятий. При необходимости повышения темпов приращения нового научно-прикладного знания некоторые специалисты и так слишком много внимания уделяют сугубо теоретическим проблемам. При этом, как справедливо отмечает А.Е. Гучок, разногласия по основополагающим вопросам теории и методологии криминалистики между учеными сохраняются: «Анализ содержания криминалистической научно-исследовательской деятельности свидетельствует об излишней распространенности в трудах криминалистов научной дискуссии. Это придает догматический характер методологии познания, переориентирует его на теоретическую работу, не имеющую практической значимости в ущерб методологии деятельной»[61].

Говоря о проверочно-оценочной деятельности лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование, подчеркивая таким образом единство процессов проверки и оценки криминалистически значимой информации, для начала необходимо уяснить суть и специфику каждого их них. Важно изучить данные категории отдельно друг от друга (поскольку это два значительных самостоятельных этапа работы следователя с полученной информацией), чтобы в последующем выявить обобщающие и связующие признаки.

Согласно ст. 87 УПК РФ проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Иными словами, проверка нацелена на сопоставление и сравнение имеющихся по делу доказательств с целью

[61] Гучок А.Е. Криминалистическое учение о материальной структуре преступления: дисс. … д-ра юрид. наук. Минс, 2014. С. 18.

выявления противоречий, указывающих на недостоверность отдельных доказательств, либо подтверждающих достоверность имеющихся доказательств.

Приведем пример ситуации, когда очевидность и результативность проверки доказательств не вызывает сомнений.

Например, показания обвиняемого Л., отрицающего свое нахождение в месте, откуда было похищено имущество, подтверждаются показаниями свидетелей С. и Т., указывающими, что в момент совершения преступления Л. отдыхал с ними в загородном гостевом доме. Имеются карта прибытия гостя и кассовый чек, оформленные администратором гостевого дома «Бреховский луг», расположенного в Суксунском районе Пермского края. При этом согласно результатам дактилоскопической экспертизы, назначенной по инициативе следователя, установлено, что на месте происшествия имеются следы пальцев рук обвиняемого Л. Кроме того, согласно ответу на запрос, полученному от компании сотового оператора региона, Л. в указанный период не покидал пределов города Челябинска, все входящие и исходящие звонки совершались с использованием его абонентского номера исключительно в пределах города[62].

Термин «проверка» для обозначения отдельной стадии работы с имеющимися по делу доказательствами является устоявшимся в науке уголовно-процессуального права[63]. Вместе с тем, сфера использования данного понятия не ограничивается рамками доказывания.

Например, до определенного момента проведение такого процессуального действия как проверка показаний на месте закон не предусматривал, его понятие и процедура разрабатывались в криминалистике. В УПК РФ это следственное

---

[62] Материалы уголовного дела № 002114/19 // Архив Отдела МВД России по Ашинскому району Челябинской области за 2019 год.

[63] Подробно см., например: Орлов Ю.Р. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе: монография. М.: Юристъ, 2009; Рудин А.В. Проверка доказательств в ходе досудебного производства в российском уголовном процессе: дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб., 2019; Янин М.Г., Кочедыкова К.М. Проблемы сбора, проверки и оценки электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Управление в современных системах. № 2 (22), 2019. С. 28-31; и др.

действие включено в число средств доказывания. Соответственно, оно стало предметом уголовно-процессуальных теоретических исследований[64].

Еще шире трактуют понятие «проверка» А.В. Дулов и А.С. Рубис, полагающие что «криминалистические методы проверки выявленных криминогенных фактов и средств их установления органическим образом входят в содержания понятия “методы доказывания”»[65].

На этапе выявления преступления, а затем в ходе предварительного расследования нередки ситуации, когда у субъекта доказывания отсутствует возможность эмпирического изучения объекта исследования, а также возможность непосредственного контакта с ним в целях проверки выдвинутых версий. В таких случаях следователь (дознаватель) мысленно моделирует различного рода ситуации, что позволяет планировать расследование, добывать криминалистически значимую информацию и проверять полученные результаты.

Закономерности возникновения, сохранения и переработки информации изучаются, конечно, не теорией судебных доказательств или криминалистикой. Согласно общей теории информатики, проверка предшествует аналитической обработке информации. Проверочная деятельность нацелена на установление достоверности информации – того, насколько полно и правильно она отражает объективное состояние процессов и явлений в реальном мире[66].

Здесь еще раз следует подчеркнуть необходимость разграничения понятий истинности и достоверности применительно к уголовному судопроизводству. Достоверность – форма существования истины, обоснованной каким-либо способом, например, экспериментом, логическим доказательством[67]. Авторы

---

[64] Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. С. 21.

[65] Дулов А.В., Рубис А.С. Указ. раб. С. 155.

[66] Информационные технологии в юридической деятельности: учебник для студентов, магистров и аспирантов / Под общ. ред. П.У. Кузнецова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 43.

[67] Корнакова С.В. Соотношение понятий «достоверность» и «истинность» доказательств в уголовном процессе // Всероссийский криминологический журнал. № 2 (12), 2010. С. 70.

логического словаря характеризуют достоверность как обоснованность, доказательность, бесспорность знания[68].

Таким образом, проверка информации представляет собой процесс установления соответствия реальности имеющейся информации, по завершении которого информация может быть признана истинной или ложной.

Задачами судопроизводства являются привлечение виновных к уголовной ответственности, возмещение вреда, причиненного преступлением, установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления и принятие мер, направленных на предупреждение причин и условий преступлений. Соответственно, вся добываемая в ходе расследования криминалистически значимая информация подлежит проверке на предмет выявления по следам преступления его подлинного механизма. По свидетельству 63,9% сотрудников органов предварительного следствия и дознания, принявших участие в анкетировании, они постоянно проверяют криминалистически значимую информацию, 24,1% сообщили, что проверяют ее часто[69].

При проверке изначально полученной информации, как правило, происходит собирание и последующий анализ новой криминалистически значимой информацией. Если получение информации в большей мере связано с криминалистической идентификацией, то проверка опирается на диагностику – распознавание свойств информации.

Ученые-криминалисты сходятся во мнении относительно сущности криминалистической диагностики как процесса познания изменений, произошедших в результате преступного посягательства, а также их причин и условий на основе изучения состава, структуры, свойств и состояния объектов[70]. В свою очередь, «информационная диагностика – это технология анализа информации об объекте, реализуемая с помощью специальных процедур и методов в фиксированном предметном поле по избранным индикаторам для

---

[68] Краткий словарь по логике / Под ред. Д.П. Горского. М.: Просвещение, 1991. С. 51.

[69] См. Приложение 1 к диссертации.

[70] См., например: Криминалистика: учебник (уровень специалитета) / Под ред. А.И. Бастрыкина, Е.П. Ищенко, Я.В. Комиссаровой. М.: Проспект, 2019. С. 60.

оценки состояния, тенденций и перспектив развития объекта»[71]. Информационная диагностика составляет методологическую основу проверки криминалистически значимой информации при расследовании преступлений.

Таким образом, проверка криминалистически значимой информации при расследовании преступлений – это деятельность сотрудников органов предварительного следствия и дознания, направленная на распознавание свойств информации, уже имеющейся по уголовному делу, содержащейся в следовой картине преступления, документах, показаниях участников судопроизводства, а также на получение новой информации, которая может быть использована в расследовании[72].

В процессе исследования нами были выявлены следующие особенности проверки криминалистически значимой информации при расследовании преступлений:

– объективный характер (не зависящий от внутренних мыслительных и аналитических процессов в структуре личности субъекта, осуществляющего проверку информации);

– целевая направленность на реализацию диагностической функции;

– обусловленность складывающимися при расследовании преступлений следственными ситуациями;

– специфичность в зависимости от форм реализации и конкретных способ, избранных лицом, осуществляющим предварительное расследование;

– осуществление исключительно в инициативном порядке при наличии у следователя (дознавателя) сомнений в ее достоверности, объективности и полноте.

Как уже отмечалось ранее, результаты исследования разных научных подходов к анализу процессов работы с информацией в различных сферах

---

[71] Гордукалова Г.Ф. О методах и процедурах информационной диагностики объекта // Библиосфера. № 1, 2008. С. 29.

[72] Васильева О.А. Содержание проверки и оценки криминалистически значимой информации при производстве следственных действий // Евразийский юридический журнал. № 2 (129), 2019. С. 334-338.

жизнедеятельности общества, обобщения и систематизации правоприменительной практики подтверждают вывод о том, что проверку криминалистически значимой информации нужно рассматривать в неразрывной диалектической связи с ее оценкой. При этом некоторые ученые-криминалисты в ходе оценки информации, которая может иметь значение для уголовного дела, предлагают использовать те же критерии, что и при оценке доказательств. Так, П.П. Ищенко, анализируя содержание деятельности по раскрытию и расследованию преступлений сквозь призму последовательно реализуемых взаимосвязанных информационных процессов, пишет об оценке информации («фильтрации») именно с точки зрения относимости, достоверности, доказательственной силы и допустимости[73].

Поскольку криминалистически значимая информация не может и не должна сводиться к информации доказательственной, попытаемся взглянуть на проблему шире. На наш взгляд, оценка криминалистически значимой информации представляет собой не спрессованный во времени комплекс действие, а длящийся процесс, с разной интенсивностью реализуемый следователем (дознавателем) на всех этапах раскрытия и расследования преступлений.

Оценка криминалистически значимой информации – это мыслительная деятельность следователя (дознавателя) по распознаванию и выявлению совокупности общих и уникальных свойств имеющейся по делу информации и принятию решения о возможности (невозможности) ее использования в процессе доказывания[74]. Результат оценочной деятельности основывается на внутреннем убеждении лиц, осуществляющих предварительное расследование.

В отличие от проверки информации ее оценка – процесс субъективный, специфика которого зависит от множества факторов: интеллекта субъекта, его мировоззрения, профессиональной компетенции, желания установить истину и пр. Как пишет А.И. Власов, талантливого следователя характеризуют следующие критерии: «целенаправленный сбор криминалистически значимой информации;

---

[73] Ищенко П.П. Указ. раб. С. 8-9.

[74] Васильева О.А. Содержание проверки и оценки криминалистически значимой информации при производстве следственных действий // Евразийский юридический журнал. 2019. № 2 (129). С. 334-338.

быстрый перевод (кодирование) этой информации в знаковую систему криминалистических понятий; переработка полученной информации в закодированном виде, разработка гипотез; проверка выдвинутых гипотез, формирование версии и разработка на ее основе плана расследования; высокий уровень владения технологиями выявления заведомо ложных показаний в следственной деятельности; высокий уровень самопроверки: диагностика ошибок, состоящая в периодическом сопоставлении выдвинутой версии с реальными обстоятельствами; профессиональная направленность: интерес к профессии юриста, мотивы следственной деятельности, степень удовлетворенности юридическим трудом»[75].

Г.А. Зорин полагает, что при раскрытии преступления процесс оценки информации является более значимым, чем процесс ее обнаружения. Субъективный характер оценки криминалистически значимой информации он связывает со способностями конкретного субъекта; трансформировать в знания информацию из внешнего мира; анализировать полученные знания для принятия решения об их использовании или не использовании для достижения целей доказывания; применять в процессе доказывания добытые знания[76].

Оценка информации всегда нацелена на выявление тех ее свойств, которые заявлены в качестве принципиально значимых для конкретного вида информации. Ей присущи свои формы, способы и методы, обусловленные субъективным характером данного вида деятельности и неразрывной связью с психологическими закономерностями формирования внутреннего убеждения следователя (дознавателя), не подлежащими формализации.

Рассматривая оценку информации в целях решения вопроса о том, является ли она криминалистически значимой, как целенаправленную деятельность следователя (дознавателя) по выявлению совокупности общих и уникальных свойств

---

[75] Власов А.И. Психолого-акмеологические технологии выявления заведомо ложных показаний в следственной деятельности: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2010. С. 78.

[76] Зорин Г.А. Криминалистическая методология: монография. Минск: Амалфея, 2000. С. 192.

информации, выделенных нами ранее, можно указать следующие особенности данного процесса:

– субъективный характер, требующий от субъекта (следователя, дознавателя) максимально возможного уровня беспристрастности в отношении участников уголовного судопроизводства;

– неограниченность жесткими временными рамками, осуществление без фактической инициативы в качестве непрерывного мыслительного процесса;

– тесную взаимосвязь и взаимопроникновение криминалистических и правовых составляющих (в первую очередь правил и принципов оценки доказательств) со сложнейшими проблемами мировоззрения, теории познания, логики, психологии и других смежных наук;

– прямую зависимость результатов от уровня интеллектуального развития следователя (дознавателя), его нравственных качеств и заинтересованности в установлении истинности информации;

– невозможность осуществления оценки без предшествующего ей этапа собирания криминалистически значимой информации;

– невозможность осуществления в отрыве от проверки в случае наличия сомнений в истинности и достоверности криминалистически значимой информации.

– целевую направленность на определение качества информации (установление наличия совокупности общих и уникальных свойств в оцениваемой криминалистически значимой информации)[77].

На данном этапе исследования возникает вопрос о неразрывности исследуемых понятий, то есть всегда ли на практике проверке криминалистически значимой информации сопутствует ее оценка, либо данные процессы могут протекать независимо друг от друга. Поскольку проверка криминалистически значимой информации имеет объективный характер, как было обосновано ранее,

[77] Васильева О.А. Содержание проверки и оценки криминалистически значимой информации при производстве следственных действий // Евразийский юридический журнал. 2019. № 2 (129). С. 334-338.

осуществляется она строго в инициативном порядке при наличии сомнений в соответствии информации действительности. В силу субъективного характера оценки криминалистически значимой информации, ее тесной взаимосвязи с внутренними мыслительными (интеллектуальными) процессами субъектов, можно обоснованно говорить о том, что при возникновении сомнений принятие решения о ее использовании в процессе доказывания невозможно без проверки.

Таким образом, принципиально важным моментом является наличие либо отсутствие у следователя (дознавателя) сомнений в соответствии действительности имеющейся криминалистически значимой информации. При наличии таких сомнений, формирующихся в процессе оценки, информация подлежит проверке, а после проверки – повторной оценке путем сопоставления с исходной информацией и с иными доказательствами, имеющимися по делу. В таких случаях проверка и оценка криминалистически значимой информации существуют в строгой взаимозависимости и не могут осуществляться отдельно друг от друга. При отсутствии сомнений в достоверности, объективности и полноте имеющейся криминалистически значимой информации, а также отсутствия противоречий доказательств по делу между собой ее проверка может не требоваться. В данном случае оценка криминалистически значимой информации осуществляется согласно внутреннему убеждению следователя как самостоятельный мыслительный процесс. Это имеет важное практическое значение, поскольку оказывает непосредственное влияние на выбор тактики в рамках расследования конкретного уголовного дела с учетом складывающихся следственных ситуаций.

Итак, на практике оба исследуемых действия часто реализуются в совокупности. В тоже время проверка и оценка криминалистически значимой информации могут быть самостоятельными процессами, которые осуществляются при расследовании преступлений опосредованно друг от друга. В любом случае, когда имеет место проверка криминалистически значимой информации, в дальнейшем полученная информация подвергается следователем (дознавателем) оценке.

Проверочно-оценочная деятельность лицами, осуществляющими предварительное расследование, судя по результатам анкетирования, имеет место при проведении: вербальных следственных действий (допроса – 83,9%); невербальных следственных действий (осмотра места происшествия – 66%; обыска – 36,1%; назначения судебных экспертиз – 27,2%, выемки – 23,1%; следственного эксперимента – 20,9%); смешанных следственных действий (проверки показаний на месте – 44,8%). Как отмечают сотрудники органов предварительного следствия и дознания, именно на этапе проверки и оценки полученной криминалистически значимой информации чаще всего складываются проблемные ситуации, связанные с противодействием участников судопроизводства расследованию (23,1%), затруднениями при использовании специальных знаний (53,4%), нехваткой времени (71,3%)[78].

С учетом изложенного, ориентируясь на потребности практики, принимая во внимание объективный характер проверки криминалистически значимой информации, далее рассмотрим некоторые процессуальные и криминалистические особенности ее проведения. При этом, учитывая ограниченный объем диссертации, здесь и далее сосредоточим внимание, преимущественно, на проблемных аспектах работы с информацией, полученной от участников судопроизводства в ходе вербальных следственных действий[79].

Проверка криминалистически значимой информации, может осуществляться в двух формах: процессуальной и непроцессуальной. Процессуальная форма предполагает проверку имеющейся криминалистически значимой информации, полученной при производстве ранее проведенных следственных действий, способами, непосредственно предусмотренными процессуальным законодательством: производство следственных действий, направленных на проверку имеющейся криминалистически значимой информации; истребование

---

[78] См. Приложение 1 к диссертации.

[79] В данном направлении большая работа была проделана Т.М. Вагабовым. См.: Вагабов Т.М. Теоретические и практические основы криминалистической тактики проверки показаний подозреваемого и обвиняемого в ситуациях противодействия расследованию: автореферат дисс. ... кандидата юридических наук. М., 2014.

предметов и документов от предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан; принятие (либо мотивированный отказ в принятии) доказательств, представленных участниками уголовного судопроизводства, гражданами, предприятиями, учреждениями, организациями.

Как верно указывает Е.С. Токаренко, производство следственных действий является основным способом собирания и проверки доказательств. Достижение целей уголовного судопроизводства не представляется возможным без проверки доказательственной информации для объективного установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Такие следственные действия, как опознание, следственный эксперимент, очная ставка, проверка показаний на месте, получение образцов для сравнительного исследования, судебная экспертиза, имеют своим основным назначением проверку доказательств[80]. Кроме того, при проверке криминалистической значимой информации, как свидетельствуют результаты изучения уголовных дел, важна классификация следственных действий в зависимости от взаимодействия человека с окружающим миром: вербальные (допрос и очная ставка), невербальные (следственный осмотр, обыск, выемка, освидетельствование, следственный эксперимент) и смешанные (предъявление для опознания и проверка показаний на месте)[81].

Рассматривая процессуальную форму проверки криминалистически значимой информации необходимо признать, что основным способом ее реализации является проведение следственных действий, направленных на проверку ранее полученной информации, что подтверждается результатами проведенного исследования. Результаты анкетирования позволили выделить следственные действия, при которых осуществляется именно проверка криминалистической значимой информации: вербальные - допрос свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого и очная

---

[80] Токаренко Е.С. Признаки следственных действий, связанных с проверкой доказательств // Вестник Краснодарского университета МВД России. № 4 (38), 2017. С. 73.

[81] Зинатуллин З.З., Перевощикова А.А. Следственные действия: понятие, система и перспективы ее развития в условиях перехода в эпоху цифровых технологий // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sledstvennye-deystviya-ponyatie-sistema-i-perspektivy-eyo-razvitiya-v-usloviyah-perehoda-v-epohu-tsifrovyh-tehnologiy (дата обращения: 20.10.2020).

ставка (их отметили 57% опрошенных); невербальные - осмотр места происшествия (66%); обыск (32,1%); выемка (25,9%); назначение судебных экспертиз (65,1 %), следственный эксперимент (49,1%); смешанные - проверка показаний на месте (74,1%)[82].

Проверка криминалистически значимой информации при производстве вербальных следственных действий обусловлена необходимостью диагностики информационного состояния участника судопроизводства. Данное понятие в криминалистику ввел О.Я. Баев. В зависимости от отношения субъекта к искомой следователем (дознавателем) информации он классифицировал состояния, в одном из которых может находиться вызванный на допрос:

1) обладает нужной следствию информацией, желает и может достаточно объективно и полно изложить ее;

2) обладает нужной информацией, желает ее сообщить, но в силу разных причин неумышленно искажает в общении со следователем (дознавателем);

3) обладает информацией, может передать ее, но не желает этого делать;

4) информацией не обладает, однако следователь (дознаватель) полагает обратное и рассчитывает получить развернутые показания[83].

Показания участников судопроизводства зависят от индивидуальных особенностей восприятия, памяти, внушаемости, заинтересованности в исходе дела, личной оценки отдельных обстоятельств события преступлений и т.д. Они являются субъективным отражением объективной действительности. Проверка криминалистически значимой информации при производстве вербальных следственных действий, в первую очередь в ходе допроса, возможна за счет использования приемов, рекомендуемых криминалистической тактикой, например:

– детализации обстоятельств, входящих в предмет допроса, побуждении допрашиваемого к логическому рассуждению относительно излагаемой им информации по делу;

---

[82] См. Приложение 1 к диссертации.

[83] Баев О.Я. Тактика следственных действий: учебное пособие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. С. 93, 102-103.

– разъяснения допрашиваемому реальности объективного установления скрываемых им фактов путем проведения без его участия определенных следственных действий либо использования научно-технических средств;

– смещения акцентов в допросе на изучение второстепенных фактов с получением при этом косвенной информации об основных обстоятельствах, интересующих следствие;

– создания преувеличенного представления у допрашиваемых лиц об информированности следователя путем демонстрации знания мелких подробностей из их жизни;

– разъяснения допрашиваемому особенностей его процессуального положения и правовых последствий занимаемой им позиции;

– акцентирования внимания на положительных качествах личности (обращение к чувству собственного достоинства, справедливости, сострадания и т.п.)[84].

Очевидно, что проверка криминалистически значимой информации, даже если речь идет о сведениях, сообщаемых людьми (независимо от условия и порядка их получения) не ограничивается рамками вербальных следственных действий. Мы разделяем мнение Т.М. Вагабова, который считает целесообразным разработку и реализацию «тактической операции по проверке показаний подозреваемого и обвиняемого в ситуациях противодействия этой проверке как подчиненного единому замыслу следователя комплекса следственных и иных процессуальных действий, организационных и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на решение процессуально-криминалистических задач по проверке достоверности и разоблачению ложности показаний подозреваемого и обвиняемого, выявление и пресечение любых действий подозреваемых (обвиняемых) и иных связанных с ними лиц, имеющих цель воспрепятствования нормальному ходу такой проверки и процессу расследования в целом»[85].

---

[84] Подробно см., например: Криминалистика: учебник (уровень специалитета) / Под ред. А.И. Бастрыкина, Е.П. Ищенко, Я.В. Комиссаровой. М.: Проспект, 2019. С. 403-404.

[85] Вагабов Т.М. Указ. раб. С. 20-21.

Очевидно, что такого рода тактические операции могут и должны быть проведены не только в указанной Т.М. Вагабовым ситуации и не только в части проверки показаний подозреваемого, обвиняемого, но и в иных проблемных следственных ситуациях.

Примером может служить случай из следственной практики автора данного диссертационного исследования. *По факту поджога автомобиля было возбуждено уголовное дело. Потерпевший Ф. утверждал, что не знает, кто мог совершить преступление, однако у следствия возникли сомнения в правдивости его слов. В целях проверки показаний Ф. следователь решил провести комплекс оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Это позволило получить информацию о наличии у Ф. любовницы, с которой он регулярно встречался, о чем узнал ее муж (впоследствии – обвиняемый Н.) и пригрозил Ф. поджогом автомобиля. Чтобы избежать огласки обстоятельств личной жизни, потерпевший Ф., имевший жену и ребенка, позиционировавший себя в качестве добропорядочного семьянина, давал ложные показания.*

Особенности проверки криминалистически значимой информации при производстве невербальных следственных действий определяются: объективным характером получения информации; отсутствием контакта с иными участниками уголовного судопроизводства; целевой направленностью на установление природы и состояния объектов, имеющих отношение к совершенному преступлению; возможностью получения информации в ситуациях отсутствия свидетелей и очевидцев; непосредственным выявлением особых признаков, характеризующих исследуемые объекты; установлением объективных причин и поводов совершения преступления.

Особенности проверки криминалистически значимой информации при производстве смешанных следственных действий заключаются в: целевой направленности на сопоставление информации, полученной ранее из различных источников (в вербальной и невербальной формах); необходимости одновременного (параллельного) осуществления проверки и оценки получаемой информации;

наиболее полной реконструкции события преступления; выявлении причин несоответствия ранее полученной информации по уголовному делу.

В некоторых случаях целесообразно фиксировать показания участников судопроизводства с применением видеосъемки (при допросе, в ходе очной ставки, проверки показаний на месте, опознания), чтобы в дальнейшем поручить специалистам диагностику информационного состояния участника судопроизводства по динамике параметров невербального поведения человека[86] либо на основе анализа динамики параметров невербального и вербального компонентов экспрессивной речи[87]. Также можно назначить экспертизу коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий)[88].

Востребованным на практике средством проверки криминалистически значимой информации является судебная психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа[89].

Таким образом, особенности проверки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, определяются: спецификой следственного действия (вербальное, невербальное, смешанное); особенностями решения диагностических задач; наличием у следователя соответствующих компетенций (коммуникативной, интерактивной, социально-

---

[86] См. Приложение 3 к диссертации: Способ диагностики ложности сообщаемой информации по динамике параметров невербального поведения человека. Патент РФ № 2415645 МПК A61B5/16. Публикация патента: 10.04.2011.

[87] См. Приложение 3 к диссертации: Способ оценки достоверности сообщаемой информации на основе анализа динамики параметров невербального и вербального компонентов экспрессивной речи. Патент № 2438558 МПК A61B5/00. Публикация патента: 10.01.2012.

[88] Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий): научно-практическое пособие / А.М. Багмет, А.Н. Гусев, В.Ф. Енгалычев, Г.К. Кравцова, В.И. Седин, Е.Н. Холопова. М.: Московская академия СК России, ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна ФМБА Росси, 2018.

[89] См. Приложение 3 к диссертации.

перцептивной, организационно-правовой, а также в области построения межличностных отношений с различными категориями граждан)[90].

Рассмотрим содержание еще одного способа проверки криминалистически значимой информации, обозначенного в рамках процессуальной формы проверки, – истребования предметов и документов. Истребование субъектами расследования преступлений предметов и документов, способствующих установлению по делу фактических данных, является достаточно распространенным способом как первичного получения криминалистически значимой информации, так и ее последующей проверки. Этот способ проверки криминалистически значимой информации выступает более простым приемом собирания информации по сравнению с рассмотренными выше следственными действиями, дополняя их[91].

Также принципиально важно понимать, что истребованы могут быть любые объекты материального мира, имеющие значение для установления обстоятельств уголовного дела, кроме предметов и документов, имеющих признаки вещественных доказательств. Это также оказывает важное значение на содержание данного способа проверки криминалистически значимой информации. То есть истребование предметов и документов направлено именно на получение определенной информации, а не материального объекта как такового. Даже в случае заключения искомой информации в материальный объект и форму (например, документ, информационная база и пр.) ценность представляет исключительно содержащаяся в нем информация, а не сам по себе объект.

Сам термин «истребование» упоминается только в ч. 2 ст. 144 УПК РФ. Часть 2 ст. 21 УПК РФ говорит о требованиях, поручениях и запросах. В.В. Степанов под требованием понимает «обязательное для выполнения основанное на законе предписание органов расследования осуществить определенные

---

[90] Васильева О.А. Содержание проверки и оценки криминалистически значимой информации при производстве следственных действий // Евразийский юридический журнал. № 2 (129), 2019. С. 334-338.

[91] Сазонова Т.П. Истребование предметов и документов как способ собирания доказательств // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. № 19, 2009. С. 48.

действия, представить документы и другие материальные объекты»[92], а «под запросом – обязательное для исполнения обращение органов расследования в пределах их полномочий учреждениям, предприятиям, организациям, должностным лицам и гражданам о предоставлении интересующей информации, официальном разъяснении по поводу имевших место фактов, явлений, процессов, соответствующих материальных объектов»[93]. В отличие от запроса требование направлено на собирание потенциальной информации, которой в момент направления требования не существует, так и представление имеющихся данных (предметов, документов).

Представляет интерес определение Т.П. Сазоновой, согласно которому «истребование предметов и документов в досудебном производстве – процессуальное действие, предназначенное для собирания и проверки доказательств и осуществляемое дознавателем, следователем, органом дознания, руководителем следственного органа путем предъявления (направления) письменного требования к гражданам (в том числе участникам уголовного процесса), должностным лицам органов государственной власти и местного самоуправления, предприятиям, организациям, учреждениям о представлении предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела»[94].

Граждане, должностные лица организаций, учреждений и иные субъекты, к которым обращено требование о предоставлении предметов и документов, в случае сомнений в его законности и обоснованности могут обжаловать предъявляемое требование в установленном законом порядке. Но инициирование процедуры обжалования не отменяет обязательности исполнения требований, содержащихся в требовании. При этом подразумевается, что выдача предметов и документов при истребовании происходит добровольно и без принуждения, в отличие от такого следственного действия как выемка.

---

[92] Степанов В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлении. Саратов: Изд-во Сарат. юрид. ин-та, 1972. С. 97.

[93] Там же.

[94] Сазонова Т.П. Указ. р. С. 50-51.

Соответственно, на основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что особенности истребования предметов и документов заключаются в: приоритетном значении информационных свойств истребуемого объекта (вне зависимости от его материальной формы); отсутствии принудительного компонента в процедуре истребования, обязательности предоставления требуемого объекта субъектом, к которому обращено требование; целевой направленности данного способа на проверку уже имеющейся информации, возможность использования данного способа в качестве самостоятельного тактического приема.

Следующим способом проверки криминалистически значимой информации, подлежащим рассмотрению в рамках процессуальной формы, является принятие доказательств от участников уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования уголовного дела. Данное действие наравне с рассмотренным выше является процессуальным, но не относится к следственным действиям. Основная цель применения данного способа заключается в устранении имеющихся у следователя (дознавателя) противоречий, либо устранения пробелов в доказательственной базе, имеющейся по делу, основанный на принципе состязательности сторон.

В нормах действующего законодательства, определяющих процессуальное положение участников процесса, предусмотрено их право представлять доказательства органам расследования и суду. Этим правом на стороне обвинения согласно УПК РФ наделены потерпевший (п. 4 ч. 2 ст. 42), частный обвинитель (ч. 2 ст. 43), гражданский истец (п. 2 ч. 4 ст. 44), а на стороне защиты – подозреваемый (п. 4 ч. 4 ст. 46), обвиняемый (п. 4 ч. 4 ст. 47), защитник (п. 2 ч. 1 ст. 53), гражданский ответчик (п. 7 ч. 2 ст. 54). Такими же правами наделены и представители этих участников. В норме, регламентирующей собирание доказательств, законодатель, повторяя эти предписания, употребляет несколько иную формулу и уточняет, что подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для

приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств (ч. 2 ст. 86 УПК РФ), а защитник вправе собирать доказательства. Но вне зависимости от законодательной специфики, во всех этих случаях применительно к принятию доказательств от участников уголовного судопроизводства речь идет о пополнении собранного следователем доказательственного материала по инициативе и выраженному желанию участников процесса, располагающих таким материалом.

Важно отметить, что реализация данного способа проверки криминалистически значимой информации требует от следователя особого профессионализма, критичности мышления и повышенного внимания, поскольку каждая из сторон заинтересована в предоставлении информации, выгодной лично для нее. Также при рассмотрении содержания данного способа проверки информации следует обратить внимание на то, что предоставлена она может быть, как в качестве материальных носителей (предметы, документы и т.д.), так и в качестве сведений (как письменных, так и устных), содержащих в себе информацию о каком-либо событии, явлении, нуждающимся в отдельной процессуальной фиксации.

Так, на этапе предварительного расследования уголовного дела по факту убийства матерью новорожденного ребенка и предъявления подозреваемой Л. обвинения в совершении содеянного, она была заключена под стражу. Имеющиеся по делу доказательства указывали на возможность совершения ей преступления. В период нахождения Л. под стражей ее защитник С. сообщил следователю о том, что в поселке, где проживала обвиняемая, накануне рано утром были совершены убийства еще двух новорожденных детей. При этом он представил письменно зафиксированные результаты опроса жителей поселка, которые указывали, что у них вызывает обоснованные опасения поведение одной из их соседок, недавно потерявшей ребенка на поздних сроках беременности. Принятие представленных доказательств, их дальнейшая проверка и оценка

позволили изобличить лицо, совершившее преступления, и освободить от уголовного преследования Л.[95]

Таким образом, можно выделить следующие особенности принятия доказательств от участников уголовного судопроизводства, как процессуального способа проверки криминалистически значимой информации: необходимость всесторонней проверки и критической оценки принимаемой информации ввиду возможной заинтересованности представляющей ее стороны; возможность восполнения имеющихся противоречий либо пробелов в доказательственной базе по уголовному делу; тесная взаимосвязь с криминалистической тактикой в части восприятия, оценки и дальнейшего использования принимаемой информации.

Выявленные особенности содержания процессуальных способов проверки криминалистически значимой информации оказывают непосредственное влияние на выбор и последующее применение тактических приемов, направленных на повышение эффективности и результативности расследования уголовного дела, а также на разработку криминалистических рекомендаций при проверке криминалистически значимой информации, полученной ранее в ходе расследования преступления.

Непроцессуальные формы проверки криминалистически значимой информации подразумевают инициативную деятельность следователя (дознавателя) с использованием любых доступных средств и методов, не являющихся по своей природе процессуальными.

Чаще всего следователь (дознаватель) обращается с поручением о производстве оперативно-розыскных мероприятий к органам, уполномоченным осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Субъект оперативно-розыскной деятельности может получить необходимую информацию, как с помощью гласных мероприятий из гласных источников, так и при проведении негласных мероприятий из негласных источников.

---

[95] Материалы уголовного дела № 005836/19 // Архив СУ СК по Ленинградской области за 2019 год.

В целом способы проверки криминалистически значимой информации, применяемые в рамках непроцессуальной формы, можно разделить на: инструментальные (осуществляемые с применением технических средств, ресурсов и технологий); неинструментальные (не предусматривающие применения техники, основанные на использовании знаний, навыков, опыта).

Лица, уполномоченные осуществлять предварительное расследование, в целях проверки криминалистически значимой информации в непроцессуальной форме используют, как правило, новые технические средства, действие которых основано на результатах применения научных положений кибернетики, геофизики, астрономии, применения инновационных технологий (геоинформационных, космических, локационных и пр.).

Стремительно развиваются технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, которые сегодня являются лидерами в области цифровых телекоммуникаций. Системы на основе искусственного интеллекта находят активное применение в криминалистике, являясь логическим продолжением процесса цифровизации и алгоритмизации расследования преступлений. В настоящее время ведутся разработка применения искусственного интеллекта на уровне создания концепции системы информационно-аналитической поддержки принятия решений[96].

Современная практика расследования преступлений, особенно, в условиях отсутствия, недостаточности, противоречивости имеющейся по делу информации содержит в себе примеры обращения следователя (дознавателя) к обладателям нетрадиционных знаний. Интерес к данному направлению в криминалистике не стихает[97], несмотря на неоднозначность, противоречивость и отсутствие должного

---

[96] Подробно см.: Бессонов А.А. Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений: монография. М.: Проспект, 2021.

[97] См., например: Кольчурин А.Г. О допустимости использования информации, полученной «нетрадиционным» способом в процессе формирования доказательств по уголовному делу // Уголовно-процессуальное доказывание и другие актуальные проблемы досудебного производства: сб. науч. тр. Краснодар, 2010. С. 60-61; Шейфер С.А. Трансформация правового регулирования и научных представлений о системе следственных действий // Вестник Самарского государственного университета. № 1 (11), 2014. С. 11-22;

научного обоснования большинства такого рода способов верификации информации. Ряд исследователей допускают возможность применения нетрадиционных методов получения и проверки криминалистически значимой информации, в том числе, при производстве следственных действий.

По мнению А.Л. Протопопова, под нетрадиционными методами раскрытия и расследования преступлений следует понимать «методы, результаты которых широко не вошли в следственную практику, не апробированы, не обобщены, не проанализированы, научная обоснованность которых вызывает сомнение и критику»[98]. С точки зрения Н.Н. Китаева, нетрадиционные - это методы, используемые для воздействия на конкретное лицо, - «следственные хитрости» и «психологические ловушки»[99].

Мы разделяем позицию Т.С. Волчецкой, обоснованно выделяющей три группы нетрадиционных методов получения и проверки криминалистически значимой информации: «1) нетрадиционные для уголовно-процессуальной и криминалистической сферы методы, получившие разработку в других отраслях научных знаний (гипнология и биоритмология); 2) методы, порожденные криминалистикой, но не получившие всеобщего признания (применение полиграфа при опросе); 3) методы околонаучного знания (астрология, физиогномика, графология, парапсихология)»[100].

Как отмечает А.С. Вуаль, нетрадиционные методы познания в определенных сложившихся условиях могут значительно удешевить работу по расследованию преступлений, сэкономить время и силы и дать исходные данные для применения иных методов, в том числе тех, которые официально признаны,

---

Смолькова И.В. Нетрадиционные методы расследования преступлений и доказывание // Законы России: опыт, анализ, практика. № 5, 2017. С. 30-34.

[98] Протопопов А.Л. Нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 4. С. 5.

[99] Китаев Н.Н. Нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений // Вестник криминалистики. 2007. Вып. 4 (24). С. 48.

[100] Волчецкая Т.С. Методы познания в уголовном судопроизводстве: современные проблемы // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе: Материалы Всерос. науч-практ. конф. Краснодар, 2002. С. 34.

то есть традиционных[101]. Соглашаясь с изложенной позицией, А.Л. Протопопов полагает, что «в настоящее время в России уголовно-процессуальное законодательство неадекватно состоянию преступности, а борьба с ней не соответствует ее уровню, структуре, динамике», этой борьбе порой мешают совершенно фальшивые лозунги незыблемости прав человека, поэтому государство вправе бороться с преступностью теми способами, методами, которые считает необходимыми, тем более, если она начинает представлять угрозу его национальной безопасности[102].

Особенности проверки криминалистически значимой информации в рамках непроцессуальной формы (как инструментальными, так и неинструментальными способами) заключаются в: инициативной заинтересованности следователя (дознавателя) в применении данных способов; невозможности проверки криминалистически значимой информации процессуальными способами; возможности применения нетрадиционных приемов и методов проверки криминалистически значимой информации; применения полученной информации в качестве ориентирующей без придания ей процессуального статуса и приобщения к материалам уголовного дела в качестве доказательств.

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы, проверочно-оценочная деятельность лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование, при работе с криминалистически значимой информацией характеризуется:

– внутренним единством при наличии внешне обусловленной дифференциации;

– наличием нормативно обусловленных форм реализации (процессуальная и непроцессуальная) и конкретных используемых при этом способов, разрабатываемых криминалистикой;

---

[101] Вуль А.С. Экстрасенсорика в экспертизе. Применение мысленного экстрасенсорного анализа ситуации. М.: Амрита-Русь, 2003. С. 27.

[102] Протопопов А.Л. Указ. раб. С. 9.

– объективностью на этапе проверки и субъективностью на этапе оценки сообщаемых участниками судопроизводства сведений;

– целевой направленностью на дифференциацию информации в зависимости от качественных характеристик;

– возможностью осуществления в инициативном порядке лицами, несущими бремя доказывания, при наличии сомнений в ее объективности, достоверности, полноте, относимости, актуальности, достаточности;

– зависимостью от наличия у лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование, соответствующих компетенций (коммуникативной, интерактивной, социально-перцептивной, организационно-правовой, а также в области построения межличностных отношений с различными категориями граждан).

Выделенные особенности проверки и оценки криминалистически значимой информации имеют важное значение, поскольку позволяют сформировать целостное восприятие расследования преступлений и процесса доказывания, основанных не только на юридических конструкциях и категориях, но и на учете субъективных компонентов человеческой деятельности.

Глава 2. ТАКТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОВЕРКИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПОЛУЧЕННОЙ ОТ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Особенности изучения личности участников уголовного судопроизводства при проверке криминалистически значимой информации

Значительный объем криминалистически значимой информации поступает от участников судопроизводства в первую очередь при проведении следственных действий. Это обусловливает необходимость изучения личности тех, кто может сообщить интересующие следствие сведения.

Субъектам, уполномоченным осуществлять предварительное расследование, необходимо проверить условия восприятия, выявить индивидуально-психологические особенности, а также множество других объективных и субъективных факторов, влияющих на достоверность показаний участников судопроизводства. Чтобы деятельность по проверке и оценке сообщаемой ими информации была результативной, следователю (дознавателю) необходимо наметить оптимальную линию поведения при взаимодействии с каждым потерпевшим, свидетелем, подозреваемым и др. Облегчить выбор эффективных способов действия в конкретных складывающихся по делу следственных ситуациях – задача криминалистической тактики.

Учение о методах и средствах изучения личности в отечественной криминалистике имеет давнюю историю, его корни – в трудах исследователей XIX – начала XX вв. Значительное число работ в 60-70 гг. прошлого столетия было посвящено анализу личности преступника (М.Г. Коршика, С.С. Степичева, А.С. Кривошеева, Н.Т. Ведерникова, П.П. Цветкова, Ф.В. Глазырина и др.). В это же время криминалисты стали уделять внимание личности жертвы (В.В. Вандышев, Е.Е. Центров, А.А. Закатов, Д.А. Турчин, В.И. Шиканов и др.).

Позже появились работы, где с позиций криминалистики анализируется личность свидетелей, адвокатов, экспертов[103].

Сегодня криминалисты активно разрабатывают данную проблематику, как с учетом процессуального статуса участников уголовно судопроизводства, так и в зависимости от вида совершенного преступления[104]. В то же время формирование научно и практически обоснованной методики криминалистического исследования личности субъектами, несущими бремя доказывания, пока остается открытым[105].

Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что в ходе проверочно-оценочной деятельности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства, при изучении их личности в первую очередь следует принимать во внимание не процессуальный статус, а ситуацию, складывающуюся в ходе предварительного расследования[106]. Данное умозаключение обусловлено тем, что ключевым фактором, обусловливающим соответствие действительности сообщаемых ими сведений, является не процессуальный статус, а комплекс факторов как объективного, так и субъективного характера, оказывающих непосредственное влияние на качество и содержание воспринятой и передаваемой информации.

Так, на практике нередки случаи сообщения обвиняемыми при производстве следственных действий информации, непротиворечащей

---

[103] Подробно см.: Криминалистическое изучение личности: научно-практическое пособие для магистров / Отв. ред. Я.В. Комиссарова. М.: Проспект, 2017. С. 5-14, 155-220.

[104] См., например: Бакин А.А. Личность обвиняемого (подозреваемого) как объект криминалистического исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 1 (37), 2008. С. 83-87; Рудая Т.Ю. Личность преступника, совершившего экономическое преступление // Юристъ-Правоведъ. № 1 (68), 2015. С. 49-52; Палий А.Ю. Использование специальных знаний при составлении психолого-криминалистического портрета участников организованных преступных сообществ // Эксперт-криминалист. № 1, 2018. С. 10-12; Бедризов А.Г. Личность свидетеля как объект криминалистического исследования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2020.

[105] На это обращают внимание молодые ученые: Михайлова М.С. Криминалистическое исследование личности участника уголовного процесса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 12-4 (39), 2019. С. 107.

[106] Васильева О.А. Ситуационный подход как основа криминалистического изучения личности свидетеля и потерпевшего при оценке и проверке их показаний / Союз криминалистов и криминологов. № 2, 2019. С. 51-58.

установленным фактам и обстоятельствам, несовпадающей по объему с показаниями других участников процесса. Нижеприведенный пример это иллюстрирует.

В ходе расследования уголовного дела при проведении проверки показаний на месте подозреваемый Н. сообщил следователю, что напал на территории садового общества на потерпевшего С. в одиночку с применением обрезка арматуры из хулиганских побуждений. Потерпевший С. подтвердил показания подозреваемого Н., уточнив, что плохо запомнил внешность нападавшего, мотивы совершенного преступления ему неизвестны. Спустя некоторое время, по делу в качестве свидетеля вызвалась выступить В. Она пояснила, что постоянно проживает н территории садового общества и в момент совершения преступления наблюдала, как подозреваемый Н. и двое его сообщников поджидают С. с целью нападения для завладения крупной суммой денег, которая, по предположениям нападавших, должна находиться у С. После нанесения удара арматурой, С. потерял сознание, а Н. с двумя сообщниками обыскали его и, не найдя предполагаемой суммы денег, скрылись. Свидетель В. пояснила, что является инвалидом-колясочником и самостоятельно не может покинуть территории своего участка, а в момент подготовки к преступлению и его совершения находилась на территории летней кухни, откуда хорошо видела Н. с сообщниками и слышала их разговоры. В ходе дальнейшего расследования информация, сообщенная В., нашла свое подтверждение, после переквалификации действий Н. и поиска его сообщников удалось установить истину по делу[107].

В данной ситуации от участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и со стороны защиты первоначально была получена криминалистически значимая информация, не соответствующая действительности. Очевидно, что причины и мотивы сообщения такой информации у субъектов различны. Предполагаемые цели преступления не были

[107] Материалы уголовного дела № 001218/19 // Архив СО ОМВД по Кировскому району Ленинградской области за 2019 год.

достигнуты, поэтому Н. желал утаить информацию о его сообщниках и исказить истинные цели нападения. Поскольку С. почти сразу после нападения потерял сознание и не мог знать точное количество нападавших и истинные цели нападения (либо скрывал их), он сообщил информацию, исходя из особенностей субъективного восприятия ситуации. Лишь вмешательство в дело свидетеля В. помогло прояснить механизм преступления.

Приведенный пример подтверждает необходимость криминалистического изучения личности участников уголовного судопроизводства не в соответствии с их процессуальным статусом, а в зависимости от условий и мотивов, влияющих на точность и полному сообщаемых сведений.

Так как изучение личности участников уголовного судопроизводства определяется необходимостью проверки и оценки сообщаемой ими криминалистически значимой информации, одной из задач криминалистической тактики является выработка приемов по изучению личности, которые на практике обеспечат возможность оперативного распознавания сущности и оценки качества поступающей информации.

Анкетирование показало, что на практике 47,8% следователей (дознавателей) часто, а 34,9% – эпизодически сталкиваются с фактами предоставления участниками судопроизводства недостоверной, а именно заведомо ложной информации[108]. Полученные данные в сочетании с результатами анализа материалов уголовных дел позволили выделить три типичные следственные ситуации, урегулирование которых связано с изучением личности участников уголовного судопроизводства:

1) лицо сообщает при производстве следственных действий заведомо правдивую информацию, то есть соответствующую действительности;

2) лицо сообщает заведомо ложную информацию, то есть не соответствующую действительности;

[108] См. Приложение 1 к диссертации.

3) лицо сообщает информацию, соответствие которой действительности предстоит установить[109].

Ситуации сообщения участниками уголовного судопроизводства правдивой информации, как правило, являются благоприятными, бесконфликтными. Задача лица, осуществляющего предварительное расследование сводится к проверке полученных сведений, которая позволит признать их достоверными. Работа по криминалистическому изучению личности участников уголовного судопроизводства сводится к минимуму, достаточному для выявления общих и уникальных свойств информации и оценке ее качества. Чаще всего правдивые сведения, в ходе проверки признанные достоверными, оцениваются как криминалистически значимая информация высокого качества и переходят в ранг доказательственной информации.

Наибольшую сложность представляют ситуации сообщения участниками сведений, не соответствующих действительности, причем это несоответствие может быть очевидным и неочевидным.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой разграничения понятий «ложь», «неправда», «обман» в русском языке, философии, психологии, юриспруденции в целом и криминалистике, в частности. Изучение данной проблематики не входит в круг решаемых нами задач. За основу в ходе дальнейших рассуждений примем тот факт, что, оперируя общим понятием «ложная информация», при необходимости детализации следует разграничивать заведомую ложь (лживое сообщение) и добросовестное заблуждение (ложное сообщения)[110].

Результаты проведенного анкетирования показали, что наиболее ценной криминалистически значимой информацией обладают: свидетели (82,7%), потерпевшие (75,6%), подозреваемые и обвиняемые (65,7%), а также специалисты

---

[109] См. Приложения 1 и 2 к диссертации.

[110] Холопова Е.Н., Макарова О.А. Выявление психологических признаков достоверности / недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства // Криминалистическое обеспечение национальной безопасности: учеб. пособие / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Е.П. Ищенко. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 449-452.

и эксперты (35,5%)[111]. Но в то же время согласно результатам обобщения следственной практики, именно свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые чаще всего становятся источниками ложной информации, действуя, как умышленно, так и ненамеренно.

Нами в ходе изучения материалов уголовных дел были выделены три типичные проблемные следственные ситуации, обусловливающие необходимость криминалистического изучения личности участников судопроизводства, влияющие на содержание проверки и оценки криминалистически значимой информации:

– сообщение участниками уголовного судопроизводства ложной информации умышленно;

– сообщение участниками уголовного судопроизводства ложной информации ввиду объективных обстоятельств;

– сообщение участниками уголовного судопроизводства ложной информации по субъективным причинам[112].

Специфика каждой из обозначенных ситуаций требует от лиц, осуществляющих предварительное расследование, выполнения определенного объема действий, направленных на установление мотивов сообщения информации не соответствующей действительности.

На данном этапе развития науки существует множество подходов к определению мотива действий различных участников уголовного судопроизводства. Как писал А.Н. Леонтьев, «работы по проблеме мотивации почти не поддаются систематизации – до такой степени различны те значения, в которых употребляется термин «мотив», в связи с чем это понятие превратилось как бы в большой мешок, в который сложены самые различные вещи»[113].

Исходя из многоаспектности понятия мотива, применительно к данному исследованию будем его рассматривать, как внутриличностный побудитель к

---

[111] См. Приложение 1 к диссертации.

[112] См. Приложение 2 к диссертации.

[113] Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2000. С. 89-90.

действию конкретного человека в определенных обстоятельствах, основным содержанием которого являются причины (детерминанты) действия, поступка или деятельности, обусловленные не только непосредственными желаниями и стремлениями человека, но и внешними факторами (стимулами), детерминирующими те или иные физиологические и психические реакции, включая и непроизвольные[114]. В этом состоит главное отличие мотива от цели, выражающейся в предполагаемом и ожидаемом конечном результате поступка, поведения или деятельности человека[115].

Рассмотрим мотивы сообщения участниками уголовного судопроизводства ложной информации, которые оказывают существенное влияние на проверочно-оценочную деятельность лиц, осуществляющих предварительное расследование.

Несмотря на законодательно установленные запреты на умышленное сообщение в рамках судопроизводства заведомо ложной информации и установленные уголовным законом санкции в случае нарушения имеющихся предписаний, такого рода ситуации встречаются достаточно часто при производстве по уголовным делам.

Согласно результатам анализа и обобщения следственной практики и изучения аналитических материалов по теме диссертационного исследования, основными мотивами умышленного сообщения ложной информации являются:

– желание подвергнуть уголовному преследованию определенное заведомо невиновное лицо в силу мотивов личного, корыстного, профессионального и иного характера, добиться максимально сурового наказания

---

[114] См. например: Асмолов А.Г. Мотивация // Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. С. 190-191; Гордеева Т.О. Мотивация: новые подходы, диагностика, практические рекомендации // Сибирский психологический журнал. № 62, 2016. С. 38-53; Шелдон К.М., Сучков Д.Д., Осин Е.Н., Гордеева Т.О., Рассказова Е.И., Бобров В.В. Разработка универсальной шкалы типов мотивационной регуляции (UP-LOC) // Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса: сборник материалов III Всероссийской конференции по психологической диагностике: в 2 т. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. Т. 1. С. 336-343; и др.

[115] См. например: Круть О.В. Мотивация, мотив и цель преступления: соотношение понятий // Вестник Института экономических исследований. № 3 (17), 2017. С. 172-177; Сидоров К.Р. Уровневая модель психики: психологическая теория деятельности // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2010. Вып. 2. С. 62-68; и др.

для лица, совершившего преступление, улучшить показатели служебной статистики (как правило, свойственно участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения);

– желание избежать уголовной ответственности за совершенное преступление либо максимально смягчить наказание за содеянное, переложить ответственность на иное лицо, оказать противодействие расследованию (как правило, свойственно участникам со стороны защиты);

– оказание прямого давления со стороны других участников уголовного судопроизводства, в целях избегания участия в уголовном судопроизводстве, корыстная либо иная личная заинтересованность (как правило, свойственно иным участникам).

Поэтому криминалистическое изучение личности участников уголовного судопроизводства в случаях умышленного сообщения ими ложной криминалистически значимой информации должно способствовать распознаванию тех индивидуально-психологических особенностей, которые непосредственно влияют на общие и уникальные качества криминалистически значимой информации, сообщаемой ими при производстве следственных действий, и на выявление мотива (мотивов) искажения предоставляемой информации.

Так, например, Л., желая отомстить своему бывшему сожителю М. за разрыв отношений, сообщила об изнасиловании, указав М. в качестве лица, его совершившего. Показания Л. подтвердили результаты проведенной судебно-медицинской экспертизы. В дальнейшем неоднократно при проведении различных следственных действий Л. настаивала на правдивости своих показаний ввиду отсутствия свидетелей и иных доказательств по делу. На допросе следователь обратил внимание на излишнюю настойчивость потерпевшей и на неоднократные уточнения о возможном сроке лишения свободы для М. Ответы на запросы, направленные по месту работы Л., содержали в себе информацию о ее повышенной эмоциональности. Имеющиеся по делу свидетели, напротив,

характеризовали М. как человека эмоционально устойчивого, надежного и порядочного, указывая на то, что. М. неоднократно предпринимал попытки расстаться с Л., но получал от последней угрозы и ввиду мягкости своего характера продолжал еще некоторое время отношения с ней. Сам М. пояснял, что в день событий Л. под различными предлогами заманила его к себе в квартиру, где вся атмосфера располагала к совместному проведению времени в интимной обстановке, и все происходило по обоюдному согласию. Соседка Л. подтвердила, что накануне потерпевшая приходила к ней за свечами, ссылаясь на то, что не успевает их купить в магазине и обязалась вернуть аналогичные новые на следующий день. Во время повторного допроса следователь предъявил Л. Собранные по делу доказательства и предложил пройти исследование с применением полиграфа, в ходе которого Л. сообщила, что оговорила М.[116]

Особого внимания заслуживает практика сообщения ложной информации участниками уголовного судопроизводства из нежелания участвовать в нем, либо из опасений за свою жизнь и здоровье ввиду возможных угроз и соответствующих действий со стороны преступников. В данном случае следует согласиться с мнением А.И. Жяляева и С.Н. Данилина: «Изучение правоприменительной практики показывает, что в последние годы отмечается падение социального престижа свидетельствования, увеличение случаев уклонения граждан от участия в уголовном процессе. Нельзя отрицать при этом то, что в настоящее время человек, становясь свидетелем, больше теряет, чем приобретает. Вставая на чью-то сторону при даче показаний, он всегда влияет на судьбу, жизнь, состояние других людей. Посредством этого данный участник уголовного процесса зачастую портит отношения с людьми или наживает врагов, создавая проблемы себе, своей семье, как минимум тратит свое личное время, участвуя в различных действиях правоохранительных органов»[117].

---

[116] Материалы уголовного дела № 001832/20 // Архив СО ОМВД России по Гурьевскому району Калининградской области за 2020 год.

[117] Жиляев А.И., Данилин С.Н. Актуальные проблемы защиты свидетелей // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика: сб. науч. тр. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. С. 102.

Урегулирование данной проблемной ситуации требует от следователя применения предусмотренных законом мер по защите соответствующих категорий участников процесса, а также использования своих профессиональных и личных качеств в целях убеждения субъектов в принципиальной важности и высокой значимости имеющейся у них криминалистически значимой информации, избегая при этом различных приемов прямого давления и принуждения. Основной смысл криминалистического изучения участников уголовного судопроизводства при проверке и оценке криминалистически значимой информации в данном случае сводится к выявлению индивидуальных личностных и психологических особенностей участников, причин и мотивов умышленного искажения ими предоставляемой при производстве следственных действий криминалистически значимой информации. Решение данной задачи в дальнейшем напрямую способствует выбору верной и наиболее рациональной тактики общения с указанной категорией участников.

Еще одним важным обстоятельством, заслуживающим отдельного внимания, является умышленное сообщение ложной информации участниками уголовного судопроизводства при наличии у них корыстных мотивов, а также личной, профессиональной и иной заинтересованности.

Так, например, Т., привлеченная по делу в качестве переводчика, осуществляя в процессе производства различных следственных действий с участием подозреваемого С.-Т. перевод с узбекского на русский язык, намеренно неоднократно искажала смысл сообщаемой им информации. Данные противоречия и несоответствия были выявлены в ходе длительной аналитической работы следователя и сопоставления полученной информации с комплексом иных доказательств, собранных по делу. В результате был привлечен иной переводчик, который при просмотре видеозаписей проведенных ранее следственных действий с участием переводчика Т. выявил существенные и значительные искажения при переводе устной речи подозреваемого. Как позже удалось установить, Т. прониклась глубокой симпатией к С.-Т. и за непродолжительное время между ними возникли чувства личного характера.

Желая помочь подозреваемому избежать уголовной ответственности за совершенное преступление, Т. приняла решение об умышленном искажении сообщаемой С.-Т. информации при сообщении ее следователю[118].

Сложнее аналогичная ситуация разрешается в случае предоставления экспертом заведомо ложного заключения. Основная проблема заключается в установлении именно заведомо ложного, то есть лживого, а не просто ложного (при добросовестном заблуждении) характера заключения. Эксперт всегда может сослаться на неумышленную ошибку.

Верно отмечают А.В. Мишин и П.Н. Мазуренко: «Одним из направлений современной судебной реформы является формирование и обеспечение реальных состязательных основ уголовного судопроизводства. В процессе реализации данного принципа возникла насущная необходимость в проверке и оценке результатов экспертных исследований. Особенно это актуально в связи с наличием монополии государственных экспертных учреждений на многие виды судебных экспертиз»[119]. Примером этому может служить неоднозначная остро конфликтная ситуация с погибшим под колесами автомобиля «пьяным мальчиком», когда эксперт дал заключение о наличие в крови шестилетнего ребенка 2,7 промилле алкоголя[120].

На практике следственные ситуации, когда участники уголовного судопроизводства умышленно сообщают ложную информацию, зачастую осложняются отсутствием иных доказательств по делу. Соответственно, проверка полученной при производстве следственных действий информации невозможна путем проведения иных аналогичных следственных действий (допросов, очных ставок, проверки показаний на месте и пр.). В этом случае в задачи следователя

---

[118] Материалы уголовного дела 013400/17 и материалов доследственной проверки КУСП № 8954 // Архив СО ОМВД России по Бахчисарайскому району Республики Крым за 2018 год.

[119] Мишин А.В., Мазуренко П.Н. Проблемы разграничения экспертной ошибки от заведомо ложного заключения эксперта // Вестник экономики, права и социологии. № 1, 2018. С. 104.

[120] Эксперты доказали трезвость «пьяного мальчика // Официальный портал СМИ «Газета.ru».[Электронный ресурс]. Режим доступа: https://news.rambler.ru/other/37941746-poyavilis-rezultaty-ekspertizy-po-delu-pyanogo-malchika/ (дата обращения: 24.06.2021).

(дознавателя) при криминалистическом изучении участников уголовного судопроизводства входит выявление факта конфликта интересов: межличностных связей профессионального и личного характера, отношений власти-подчинения и иных зависимостей участников и заинтересованных лиц. В подавляющем большинстве случаев такая следственная ситуация характеризуется как неблагоприятная, часто сопровождается сложной психологической обстановкой, трудным процессом доказывания.

Так, например, в производстве у следователя находилось уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ (умышленное причинения тяжкого вреда здоровью). Доказательственная база уголовного дела строилась на показаниях потерпевшего Л., обвиняемого Ф., а также одного свидетеля-очевидца К. Показания потерпевшего Л. и обвиняемого Ф. имели противоречия, показания свидетеля К. полностью подтверждали показания потерпевшего Л. Через неделю после дачи показаний свидетель К. заявил ходатайство о дополнительном допросе, в ходе которого дал противоположные первоначальным показаниям. У следователя возникли сомнения в достоверности новых показаний, он принял решение о всестороннем криминалистическом изучении личности свидетеля К. Было установлено, что свидетель К. находится в личных отношениях с обвиняемым Ф., связанных с его служебной деятельностью. При допросе лиц из числа коллег свидетеля К. стало известно, что К., находясь под угрозой возникновения проблем, касающихся его профессиональной деятельности, изменил показания. Была проведена судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа, в результате которой удалось выявить устойчивые выраженные психофизиологические реакции, свидетельствующие о том, что подэкспертный свидетель К. располагает информацией о деталях преступления, противоречащей сообщенной в ходе дополнительного допроса. В дальнейшем, после предъявления заключения

эксперта-полиграфолога, свидетель К. добровольно отказался от лживых утверждений и подтвердил первоначально данные показания[121].

Раскрытие смысла, содержания и доказательственного значения имеющейся по делу информации, убеждение участников в бессмысленности и нелепости лжи, бесперспективности ложных обвинений - основа тактики следователя в ситуациях сообщения участниками уголовного судопроизводства заведомо ложной информации. Для этого от следователя требуются проявление таких качеств как убедительность, личная заинтересованность, компетентность, проницательность, способность критически и беспристрастно оценивать криминалистически значимую. Важное значение имеет и изобличающая деятельность следователя - его способность применять провоцирующие тактические приемы, не выходя за рамки предъявляемых процессуальных требований к процессу сбора доказательств, умение убедить участника уголовного судопроизводства в несостоятельности сообщения заведомо недостоверных сведений, вскрыть противоречия в показаниях, с наибольшим эффектом предъявить имеющиеся доказательства.

Таким образом, основной задачей по проверке и оценке криминалистически значимой информации, получаемой от участников уголовного судопроизводства в ситуациях сообщения ими ложной информации умышленно, является не привлечение их к уголовной ответственности (поскольку это непосредственно не относится к расследуемому уголовному делу и является отдельной формой реагирования), а подтверждение не соответствия действительности данной информации в целя недопущения продолжения расследования по ошибочному пути. Криминалистическое изучение личности участников уголовного судопроизводства в данном случае имеет важное значение с точки зрения выявления у лица (лиц) мотивов лжи для последующего выбора тактики расследования.

---

[121] Материалы уголовного дела 010256/18 // Архив СО ОМВД России по г. Калининграду за 2018 год.

Обобщая вышеизложенное, опираясь на результаты проведенного исследования, изучения материалов следственной практики и аналитических материалов по теме исследования, можно сделать вывод о том, что криминалистическое изучение личности участников уголовного судопроизводства при проверке и оценке криминалистически значимой информации при сообщении ими ложной информации умышленно заключается в:

1) установлении целей и мотивов умышленного искажения участником уголовного судопроизводства криминалистически значимой информации;

2) изучении биологических, психологических и социальных свойств участника уголовного судопроизводства;

3) выявлении индивидуальных особенностей личности, оказывающих непосредственное влияние на его позицию по делу;

4) определении характера межличностных связей участников событий;

5) сопоставлении имеющихся по делу доказательств в целях выбора процессуальных действий, которые могут использоваться для разоблачения лгущего;

6) выбора тактических приемов проведения следственных действий, которые предстоит провести с данным участником процесса; и пр.[122]

В случаях сообщения участниками уголовного судопроизводства ложной информации ненамеренно, их криминалистическое изучение при проверке и оценке криминалистически значимой информации обладает иной целевой направленностью. Принципиально важным является установление обстоятельств объективного и субъективного характера, оказывающих непосредственное влияние на искажение информации, сообщаемой участником уголовного судопроизводства.

Рассмотрим особенности криминалистического изучения личности участников уголовного судопроизводства при проверке и оценке

---

[122] Васильева О.А. Ситуационный подход как основа криминалистического изучения личности свидетеля и потерпевшего при оценке и проверке их показаний // Союз криминалистов и криминологов. № 2, 2019. С. 51-58.

криминалистически значимой информации в ситуациях сообщения ими ложной информации ввиду объективных обстоятельств (таких как особенности среды восприятия; индивидуальные психофизиологические особенности лица, воспринимающего информацию; специфика источников информации и пр.).

На основании результатов изучения и обобщения следственной практики, а также руководствуясь личным опытом соискателя, можно обоснованно утверждать, что данные ситуации обоснованы рядом основных причин:

– влиянием обстановки, в которой происходит восприятие информации (погодные условия, специфика местности и ландшафта, особенности освещения и пр.);

– предпринимаемыми попытками лиц, совершающих преступление, исказить достоверную информацию о событии (преднамеренное сокрытие ими следов преступления, искажение информации о количестве соучастников и т.д.);

– спецификой и степенью осведомленности участников об истинной картине преступления (осведомленность лишь о части преступного события, вырывание информации о преступлении в соответствии со степенью личной осведомленности из контекста общей информации о событии преступления);

– использованием участником в качестве информационной основы ненадежного первичного источника информации.

Данные выводы наглядно подтверждают примеры из практики. Так, потерпевший Л., имуществу которого был причинен значительный ущерб в результате кражи, совершенной из принадлежащего ему загородного дома, настаивал на том, что предполагаемый преступник действовал в одиночку. При этом видеоизображения с камер наружного наблюдения, установленные в доме напротив, частично зафиксировали произошедшее. Несмотря на плохое качество изображения, достоверно усматривалось, что преступники действовали втроем. На это же обстоятельство указывал и объем похищенных из дома и подвала дома объектов. При этом Л. продолжал настаивать на присутствии в доме только одного преступника. Позже Л. в ответ на обоснованные сомнения

следователя пояснил, что несколько лет дрессировал свою собаку на определение количества посторонних лиц, заходящих на территорию. В ходе дрессировки собака лаем отвечала на вопрос хозяина о том, сколько человек заходили на участок и, по словам Л., практически никогда не ошибалась. И в этом случае собака лаем дала понять, что на территорию в его отсутствие заходил только один посторонний. Данные показания потерпевшего были опровергнуты иными доказательствами, собранными по делу. В рассмотренном примере имело место использование участником в качестве информационной основы ненадежного первичного источника информации[123].

Правдивые показания – это такие показания, которые даны с искренним желанием рассказать все, что известно допрашиваемому по делу, и в таком объеме, в каком им в свое время был воспринят тот или иной факт[124]. Данная позиция в обобщенном виде наиболее часто встречается в криминалистической науке. Но в современной следственной практике находит свое подтверждение и иное важное обстоятельство: даже при наличии искреннего желания участника уголовного судопроизводства сообщить следствию об известных ему обстоятельствах совершенного преступления, нередко данная криминалистически значимая информация искажается под воздействием причин объективного характера.

Так, например, потерпевшая С., в отношении которой было совершено изнасилование, в своих показаниях заявляла, что преступников было трое либо четверо. Они поджидали ее в лесополосе в вечернее время, где напали на нее, а на голову надели тканевый мешок. По количеству голосов и различимых сквозь полотно мешка на голове силуэтов, а также по своим ощущениям она решила, что нападавших было не менее трех человек, в то время как результаты судебно-медицинской экспертизы подтвердили наличие только одного

---

[123] Материалы уголовного дела № 000345/20 // Архив СО ОМВД России по Липецкому району в Липецкой области за 2020 год.

[124] См. например: Столяренко А.М. Психологические приемы в работе юриста: Практическое пособие. М.: Юрайт-М, 2001. С. 34; Кони А.Ф. Собрание сочинений. М., 1967. Т. 3. С. 118.

преступника. Свидетели, находившиеся в момент, предшествовавший совершению преступления, на остановке автобуса, сообщили, что видели двух мужчин в припаркованной неподалеку машине, из багажника которой один из них достал тканевую сумку с ручками. Мужчины вдвоем направились в сторону лесополосы. Свидетели при этом предположили, что мужчины направляются в лес за дровами, а тканевая сумка нужна им для переноски дров, поскольку сами свидетели используют похожие сумки именно в данных целях. Позже по совокупности собранных доказательств было установлено, что преступник действовал в одиночку. Им оказался задержанный П. Как установило следствие, он действительно подъехал к указанному месту со своим другом С., который, не зная преступных намерениях П., проследовал через лесополосу к своему дому, попрощавшись с П. Позже С., привлеченный в качестве свидетеля пояснил, что П., прощаясь с ним, заявил, что забыл ключи от дома и вынужден вернуться на автобусную остановку и поехать за ключами в город, где до этого находился в гостях[125].

В данном случае восприятие потерпевшей происходившего было нарушено вследствие плохой освещенности места преступления в момент нападения и присутствуя предмета, ограничивающего объективное восприятие информации. На фоне сильных эмоциональных переживаний данные особенности объективного восприятия усугубились и привели к ненамеренному искажению сообщаемой недостоверной криминалистически значимой информации на фоне полной уверенности потерпевшей в достоверности ее показаний.

В следственной практике нередки ситуации ненамеренного сообщения участниками уголовного судопроизводства ложной информации без ее предварительного осмысления, когда приходить к определенным умозаключениям участник вынужден в сжатые временные сроки. Ярким примером этого является предъявление для опознания.

---

[125] Материалы уголовного дела № 012045/19 // Архив СО ОМВД России по Новоусманскому району Воронежской области за 2019 год.

Так, потерпевшая Л., в отношении которой был совершен разбой, описывала нападавшего как крайне высокого лысого мужчину в возрасте 30-35 лет. По подозрению в совершении данного преступления по совокупности иных доказательств был задержан подозреваемый У., ни по каким из указанных признаков не подходивший под описание потерпевшей (рост 172 см, темные волосы средней длины и пр.). У. причастность к совершению преступления отрицал, ссылаясь на наличие у него алиби. В целях подтверждения имеющейся по делу информации было принято решение о проведении предъявления для опознания, при подготовке к которому потерпевшей было предложено опознавать нападавшего не по совокупности внешних признаков, а постараться вспомнить иные отличительные особенности лица. В ходе предъявления для опознания потерпевшая опознала У. по татуировке на правой раке в виде мужских наручных часов. Позже потерпевшая Л. осознала, что первоначально восприняла информацию о внешности нападавшего неверно не только по причине сильного эмоционального волнения, но и потому что сравнивала рост нападавшего со своим ростом (151 см), на фоне которого он казался ей очень высоким, а за лысую голову нападавшего приняла надетую плотную шапку телесного цвета. И лишь в процессе опознания вспомнила про отличительные особенности нападавшего в виде татуировки.

Обобщая вышеизложенное, опираясь на результаты проведенного исследования, изучения материалов следственной практики и аналитических материалов по теме исследования, можно сделать вывод о том, что криминалистическое изучение личности участников уголовного судопроизводства при проверке и оценке криминалистически значимой информации в случае сообщения ими ложной информации ненамеренно ввиду объективных обстоятельств заключается в:

1) изучении биологических, психологических и социальных свойств участника уголовного судопроизводства;

2) соотнесении данных об условиях, в которых находился субъект в момент восприятия криминалистически значимой информации, с объективно установленными фактами;

3) анализе первичных источников информации, на которые ссылается лицо (с учетом возможного искажения виновными следовой картины преступления);

4) сопоставлении имеющихся по делу доказательств;

5) изучении специфики и степени осведомленности лица относительно события преступления в целом и его деталях;

6) выявлении рисков, связанных с непреднамеренным влиянием данного субъекта на поведение других участников судопроизводства, сообщающих информацию, имеющую значение для дела[126].

Рассмотренные выше особенности ненамеренного сообщения участниками уголовного судопроизводства ложной криминалистически значимой информации ввиду объективных обстоятельств значительным образом отличаются от аналогичных ситуаций ненамеренного сообщения недостоверной криминалистически значимой информации по субъективным причинам. Реализация субъективного компонента в процесс восприятия и последующего сообщения в ходе предварительного расследования криминалистически значимой информации указывает на возможность ее искажения в отсутствие у субъекта на это прямого умысла. Согласно результатам изучения следственной практики по данному вопросу представляется обоснованным обозначить ряд основных причин, непосредственно этому способствующих:

– наличие у лица сопутствующих заболеваний, непосредственно влияющих на процессы запоминания и воспроизведения информации;

– возраст лица, оказывающий существенное влияние на особенности запоминания и последующего воспроизведения криминалистически значимой

[126] Васильева О.А. Ситуационный подход как основа криминалистического изучения личности свидетеля и потерпевшего при оценке и проверке их показаний / Союз криминалистов и криминологов. № 2, 2019. С. 51-58.

информации (малолетний, старческий возраст, сопровождающийся ухудшением памяти, деменцией и т.д.);

– нахождение лица в момент восприятия криминалистически значимой информации в состояниях измененного сознания (обусловленных особенностями физического либо психического состояния);

– наличие у лица длящихся либо краткосрочных состояний, оказывающих непосредственное влияние на особенности восприятия и передачи информации (расстройства эмоционального спектра, депрессивные и реактивные состояния, пребывание в состоянии аффекта).

Сформулированные выводы подтверждают примеры из практики.

Так, в производстве у следователя находилось уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ (изнасилование, повлекшее заражение потерпевшей венерическим заболеванием). В ходе допроса потерпевшей К. у следователя возникли сомнения в достоверности ее показаний, так как ее внешний вид не соответствовал указываемой потерпевшей давности заболевания, ее поведение было неестественным, в речи присутствовала медицинская терминология, касающаяся специальных познаний течения заболевания ВИЧ. Вследствие чего следователь принял меры к подробному криминалистическому изучению личности потерпевшей, а именно: направил запросы в специализированные медицинские учреждения, осуществляющие учет ВИЧ-инфицированных лиц, в информационные центры органов внутренних дел, а также детально изучил ее круг общения. Таким образом, в ходе допроса свидетеля Н., которая являлась знакомой потерпевшей, стало известно, что потерпевшая К. находилась на учете в ВИЧ-диспансере более года, что также подтвердилось и медицинскими документами. Помимо этого, было установлено, что потерпевшая К. в возрасте 15 лет привлекалась к уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ за ложное сообщение о совершенном в отношении нее имущественном преступлении, но в виду недостижения возраста уголовной ответственности, к ответственности в соответствии с УК РФ,

привлечена не была. Ввиду открывшихся обстоятельств в отношении потерпевшей была назначена психолого-психиатрическая экспертиза, по результатам которой были выявлены такие особенности потерпевшей, как демонстративность, склонность к преувеличению, ярко выраженный «синдром жертвы». Согласно выводам экспертов, данные особенности могли сформироваться в том числе под воздействием медикаментозной противовирусной терапии, принимаемой К. на протяжении длительного времени. Вышеуказанное уголовное дело было переквалифицировано в соответствии с уголовным законодательством, а в отношении потерпевшей К. было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 306 УК РФ, то есть заведомо ложный донос о совершенном особо тяжком преступлении[127].

На практике нередко возникают сомнения в психическом здоровье участников уголовного судопроизводства. В отдельных случаях свидетелем или потерпевшим может оказаться лицо с психическими расстройствами, поэтому у следователя (дознавателя) возникают сомнения в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них достоверные показания. Искажение реальных фактов и обстоятельств может быть обусловлено целым рядом причин, влияющих на правильность восприятия и воспроизведения обстоятельств, интересующих следствие. Особое роль играют расстройства памяти, проявляющиеся в виде общего ее снижения, локальных выпадений (антероградная и ретроградная амнезия) и парамнезий (ложных воспоминаний), конфабуляций, псевдореминисценций. Проверка и оценка криминалистически значимой информации в данной ситуации происходит, прежде всего, путем назначения и проведения судебной комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Одним из аспектов данного вида экспертизы является определение возможности лица по психическому состоянию объективно воспринимать обстоятельства дела и давать о них правильные показания.

---

[127] Материалы уголовного дела № 128901/19 // Архив ОМВД России по Засвияжскому району города Ульяновска за 2019 год.

В производстве у следователя находилось уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «д» ч.2 ст.105 УК РФ (убийство, совершенное с особой жестокостью). В ходе допроса свидетель Н. по данному уголовному делу давал очень подробные, детальные показания, эмоциональное состояние во время допроса не соответствовало ситуации (улыбался, испытывал удовольствие, описывая жестокие детали увиденного преступления). У следователя возникли сомнения в достоверности свидетельских показаний, он принял решение о подробном криминалистическом изучении личности свидетеля Н., в результате которого было установлено, что свидетель Н. состоит на учете в психиатрическом диспансере с диагнозом «маниакально-параноидный синдром». В отношении Н. была проведена судебно-психиатрическая экспертиза, по результатам которой у подэкспертного было выявлено наличие психического расстройства, указывающего на то, что он не обладает сохранностью психических функций, не способен в полной мере и правильно воспринимать обстоятельства преступления, а также давать о них показания[128].

Таким образом, сведения, предоставленные свидетелем Н., не обладали свойствами криминалистически значимой информации и не могли быть использованы в качестве таковой.

Также при производстве следственных действий у следователя (дознавателя) могут возникнуть сомнения, связанные с особенностями восприятия обстоятельств уголовного дела участниками уголовного судопроизводства, обусловленные протеканием их психических процессов (отсутствие внимания, полное или частичное забывание воспринятого, амнезии различной природы происхождения). Основным способом проверки и оценки криминалистически значимой информации в данной ситуации является назначение судебной психологической экспертизы, предметом которой могут являться имеющие значение для следствия фактические данные о психологических особенностях, характере и закономерностях психической деятельности человека, а также об

[128] Материалы уголовного дела № 000895/19 // Архив СО ОМВД России по Советскому району г. Томска за 2019 год.

условиях отражения им объективной реальности, устанавливаемые путем психологической экспертной оценки и исследования.

В производстве у следователя находилось уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ (кража). В ходе допроса потерпевший М. показал, что он ранее ночью распивал алкогольные напитки с незнакомыми ему девушками возле увеселительного заведения, и в какой-то момент потерял сознание, после чего пришел в сознание уже утром, находясь там же, на улице, полностью голым. В ходе изучения личности потерпевшего М. возникли сомнения, исходя из его антропометрических данных (высокий рост, большой вес, удовлетворительное состояние здоровья), в причинно-следственной связи употребленного количества алкоголя и наступившими тяжкими последствиями. В процессе предварительного расследования была проведена судебно-медицинская экспертиза потерпевшего М., в результате которой было установлено, что в крови потерпевшего М. обнаружен клофелин (клонидина гидрохлорид). Затем была проведена проверка показаний на месте, в результате которой потерпевший М., оказавшись на месте происшествия, вспомнил отдельные детали произошедшего. Ввиду вновь открывшихся обстоятельств вышеуказанное уголовное дело было переквалифицировано в ч.1 ст. 162 УК РФ (разбой), а в дальнейшем с учетом изменения тактики расследования, истина по делу была установлена[129].

Обобщая вышеизложенное, опираясь на результаты проведенного исследования, изучения материалов следственной практики и аналитических материалов по теме исследования, можно сделать вывод о том, что криминалистическое изучение личности участников уголовного судопроизводства при проверке и оценке криминалистически значимой информации в случае сообщения ими ложной информации ненамеренно по субъективным причинам заключается в:

---

[129] Материалы уголовного дела 170304/19 // Архив СО ОМВД России по Ломоносовскому району Ленинградской области за 2019 год.

1) изучении биологических, психологических и социальных свойств участника уголовного судопроизводства;

2) соотнесении данных об условиях, в которых находился субъект в момент восприятия криминалистически значимой информации, с объективно установленными фактами;

3) истребовании и изучении медицинских документов, характеризующих психофизиологические особенности участника уголовного судопроизводства;

4) назначении судебных экспертиз, направленных на выяснение индивидуальных психологических и физиологических особенностей участника уголовного судопроизводства, а также на уточнение состояния лица в момент совершения преступления;

5) выявлении рисков, связанных с непреднамеренным влиянием данного субъекта на поведение других участников судопроизводства, сообщающих информацию, имеющую значение для дела[130].

Криминалистическое изучение личности участников уголовного судопроизводства является необходимым этапом, предшествующим проверке и оценке всей информации, добываемой при расследовании преступления. Тактика криминалистического изучения личности участников уголовного судопроизводства напрямую зависит от ситуаций, складывающихся в ходе предварительного расследования, и в меньшей степени зависит от процессуального статуса конкретного лица.

§ 2. Использование специальных знаний при проверке криминалистически значимой информации

Проверка и оценка криминалистически значимой информации – сложная и многогранная деятельность, объединяющая усилия многих участников

[130] Васильева О.А. Содержание проверки и оценки криминалистически значимой информации при производстве следственных действий // Евразийский юридический журнал. № 2 (129), 2019. С. 334-338.

уголовного судопроизводства, направленная на установление всех обстоятельств совершенного преступления. В современных условиях она невозможна без привлечения лиц, обладающих специальными знаниями в разных областях науки и техники. Понимание сущности, природы и специфики специальных знаний имеет особое значение для их эффективного использования при проверке и оценке криминалистически значимой информации, полученной при расследовании преступлений. Это важно с точки зрения правильного определения областей знаний, которые могут быть использованы; привлечения к участию в следственном действии соответствующего специалиста; определения оснований назначения экспертизы, ее предмета и пределов компетенции эксперта, а также решения ряда иных задач. В ходе проведенного нами анкетирования 59,9% из числа опрошенных отметили, что использование специальных знаний упрощает распознавание недостоверной информации[131].

Анализ практики и аналитических материалов по теме диссертационного исследования позволил выявить следующие ситуации, в которых необходимо использовать специальные знаний для проверки и оценки криминалистически значимой информации[132].

Первая ситуация обусловлена необходимостью правильной фиксации следовой информации о событии преступления. Речь идет об уяснении механизма совершения преступления по материально-фиксированным следам (следы-предметы, следы-отображения, следы-вещества, особую группу в числе которых составляют запаховые следы), доступным для непосредственного восприятия и изучения следователем (дознавателем) независимо от волеизъявления других участников судопроизводства[133].

Для обеспечения качественного осмотра места происшествия по отдельным видам преступлений (например, квартирные кражи), привлечение специалиста-

---

[131] См. Приложение 1 к диссертации.

[132] См. Приложение 2 к диссертации.

[133] Подробно о классификации следов в криминалистике см., например: Комиссарова Я.В. Понятие и классификация следов в криминалистике // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 3 (55), 2019. С. 131-141.

криминалиста будет обоснованным и зачастую достаточным, так как необходимое количество обнаруженных и надлежащим образом изъятых следов, позволяет проводить качественную проверку и оценку криминалистически значимой информации. Однако при раскрытии и расследовании преступлений против личности, помимо участия криминалиста, в силу специфики знаний, которыми он обладает, и ограниченности функциональных возможностей, следует привлекать специалистов в области исследования следов биологического происхождения.

В 60-е гг. прошлого столетия Б.М. Комаринец обосновывал необходимость проведения в определенных случаях криминалистических экспертиз на месте происшествия, указав, что «исследование обстановки места происшествия в качестве объекта экспертизы позволяет эксперту не только выявить свойства и признаки других объектов, входящих в обстановку места происшествия, но и глубже познать механизм следообразования, что безусловно способствует более успешному решению задач, поставленных перед экспертом следователем»[134].

В криминалистической литературе до настоящего времени нет единого мнения о положении ситуационной судебной экспертизы в сложившейся классификации судебных экспертиз, ее объекте и предмете, решаемых задачах. Заметим, что вопросы о признании места происшествия объектом криминалистической экспертизы, о возможности производства экспертизы места происшествия на самом начальном этапе расследования, о значении результатов такой экспертизы для раскрытия и расследования преступления неоднократно поднимались в специальной литературе, однако решаются они не однозначно[135].

При осмотре места происшествия, прежде всего, от следователя требуется подход к использованию специальных знаний, особенностью которого является решение возникающих задач не с помощью алгоритмизированных предписаний, а

---

[134] Комаринец Б.М. Участие экспертов-криминалистов в проведении следственных действий по особо опасным преступлениям против личности // Теория и практика судебной экспертизы. 1964. Вып. 1 (11). С. 21-22.

[135] См., например: Аминев Ф.Г. Актуальные проблемы ситуационного моделирования в судебно-экспертной деятельности // Эксперт-криминалист. № 3, 2013. С. 12-14; Ренер Н.А. О становлении и развитии научной школы криминалистической ситуалогии в Балтийском федеральном университете имени И. Канта// Эксперт-криминалист. № 1, 2013. С. 23-25.

с помощью эвристики, требующей индуктивной логики, творческого мышления, интуиции, опирающейся на опыт. Для этого следователю не всегда хватает собственных знаний. Например, когда произошедшие на месте происшествия изменения являются результатом сложных процессов, требуется содействие (консультация) компетентного в соответствующей области знаний лица. Представляется обоснованным мнение о значимости в такого рода случаях производства ситуационной экспертизы[136].

Объектом ситуационной экспертизы является обстановка совершения преступления, объединяющая следующие структурные элементы: место, время, условия протекания события. Предметом ситуационной является установление отдельных элементов механизма совершения преступления, отдельных обстоятельств путем решения задач, связанных с исследованием материальных и идеальных отображений признаков преступления на месте происшествия и в памяти участников события. При этом важно подчеркнуть, что термин «ситуационная экспертиза» является собирательным и обозначает не конкретный вид судебной экспертизы, а целевую направленность решаемых в ходе ее проведения диагностических задач в зависимости от складывающейся следственной ситуации.

Так, например, при расследовании убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ) следователем при проведении осмотра места происшествия были зафиксированы и изъяты следы крови с различных поверхностей в комнате, где произошло преступление, а также одежда и обувь покойного Б. и его дочери, которая и сообщила о преступлении. Дочь покойного заявила о том, что ее в момент убийства в квартире не было, но впоследствии от дачи показаний отказалась. Была проведена ситуационная экспертиза (судебно-медицинская экспертиза вещественных доказательств по установлению механизма образования следов крови на частях и предметах вещной обстановки места

---

[136] Подробно см.: Лапшин В.Е. Место происшествия как объект экспертного исследования: автореф. дисс. ... канд.юрид. наук. Нижний Новгород, 2003.

происшествия), по результатам которой установлен механизм образования следов, указывающий на то, что дочь убила своего отца[137].

Вторая ситуация, связанная с использованием специальных знаний при проверке и оценке криминалистически значимой информации, обусловлена необходимостью определения возможности участника уголовного судопроизводства сообщать криминалистически значимую информацию, т.е. установления его способности либо неспособности давать показания в силу возрастных, индивидуально-психологических, психиатрических, лингвистических и иных особенностей.

В данной ситуации не представляется возможным обойтись без участия лиц, обладающих специальными знаниями. При этом формы использования специальных знаний могут отличаться в зависимости от конкретной следственной ситуации, обстоятельств, подлежащих выяснению, потребностей следствия и т.д.

Как справедливо отмечает Е.Ю. Яковлева, различают потенциальную способность давать показания и актуальную возможность реализации этой способности. Первая определяется сохранностью психических процессов и психологических структур, ответственных за регуляцию процессов восприятия и воспроизведения информации, отсутствием дефектов сенсорных систем. Вторая должна оцениваться в приложении к юридически значимым моментам времени: во время получения информации (предкриминальный, криминальный периоды - ретроспективная оценка, касающаяся возможности воспринимать) или прошлых следственных действий (следственный период - ретроспективная оценка, касающаяся возможности воспроизводить); в момент экспертного исследования (следственный период - презентальная экспертная оценка, касающаяся возможности воспроизводить); в момент предстоящих следственных действий

[137] Уголовное дело № 1-245/16 // Архив Ленинградского районного суда г. Калининград за 2016 год. Аналогичный пример проведения ситуационной экспертизы описан в статье: Пинчук П.В., Леонов С.В., Леонова Е.Н. Особенности фотофиксации следов крови на месте происшествия // Эксперт-криминалист. № 2, 2017. С. 7-11.

(следственный и судебный периоды - прогностическая оценка, касающаяся возможности воспроизводить)[138].

Проиллюстрируем данный тезис примером из практики.

В ходе предварительного расследования уголовного дела, возбужденного в отношении В. по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, по факту совершения им насильственных действий сексуального характера в отношении малолетней Г., 2011 года рождения, у следствия возникла обоснованная необходимость в установлении способности либо неспособности Г. давать показания. Данная необходимость была вызвана наличием противоречивых сведений, полученных стороной защиты и приобщенных к материалам дела в качестве доказательств, указывающих на то, что потерпевшая Г. по инициативе матери путем фантазирования сообщает о фактах в отношении В., не имевших места в действительности.

В отношении потерпевшей Г. были проведены три экспертизы: 1) комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (в Тамбовской психиатрической клинической больнице); 2) психолого-педагогическая экспертиза (ее провел М., сотрудник МБУ «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи»); 3) комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (в Орловской областной психиатрической больнице). Было установлено, что у Г. имеется возрастная внушаемость, признаки естественной возрастной личностной незрелости с ограниченностью жизненного опыта, затрудненностью осмысления незнакомых субъективно сложных ситуаций межличностного взаимодействия; что Г. зависима от мнения окружающих, особенно взрослых и авторитетных для нее лиц и склонна принимать чужую точку зрения, отличную от своей, зависима от бабушки; уровень психического развития ребенка соответствует нижним границам возрастной нормы, речь развита слабо, свои мысли формулирует с трудом; самостоятельный сводный

---

[138] Яковлева Е.Ю. Прогностическая оценка способности потерпевших от сексуальных посягательств давать показания // Российский психиатрический журнал. № 4, 2009. С. 21.

рассказ затруднен, нуждается в стимулирующей помощи со стороны эксперта, построение фраз упрощенное.

Следователь принял решение привлечь специалистов, аттестованных в качестве государственных судебных экспертов на право самостоятельного производства экспертиз по специальностям 20.1 «Исследование психологии и психофизиологии человека» и 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности». Учитывая малолетний возраст потерпевшей, исследование проводилось по видеоматериалам следственных действий и материалам уголовного дела.

На основании комплексного анализа предоставленных материалов, путем применения апробированных методик исследования[139]*, специалистам удалось установить, что малолетняя Г. в целом сообщает развернутые сведения о собственных действиях в период времени, относящийся к исследуемым событиям, в ее речи присутствуют описания действий других участников ситуации, а также неочевидные, избыточные детали, которые можно узнать, только находясь непосредственно в ситуации. Также было установлено, что в показаниях Г. выраженные логические несоответствия отмечаются при ответах на вопросы о динамической стороне события (количество раз, последовательность), а также – на вопросы, затрагивающие осведомленность в сексуальной сфере (например, изменение размеров полового члена при возбуждении). Притом, что этот же признак – знание того, что ребенок знать не может в силу отсутствия опыта (например, об изменении размеров мужского полового органа при сексуальном возбуждении), а также сообщение подробностей, которые может знать только очевидец, – фигурирует как признак незаученности и самостоятельности показаний*[140]*.*

---

[139] Гагина О.В., Кузнецов. В.О., Секераж Т.Н., Шипшин С.С. Методика психолого-лингвистического исследования видеоматериалов оперативных и следственных действий с целью установления влияния внешних факторов на содержание речи (показаний). М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2017.

[140] Акт экспертного исследования от 23 апреля 2018 г. № 719/24-6, 748/33-6 // Архив ФБУ Российского Федерального центра судебной экспертизы при Минюсте России за 2018 год.

Важно отметить, что на практике наибольшую сложность вызывают именно ситуации, требующие установления способности либо неспособности участника уголовного судопроизводства давать показания в силу малолетнего возраста. Это объясняется подвижностью психологических процессов в структуре личности ребенка, уровнями интеллектуального развития применительно к каждому малолетнему участнику, а также процессуальными и организационными сложностями проведения в отношении них экспертных исследований. Также важно учитывать степень психотравмированности несовершеннолетнего в результате совершения преступления.

В отношении совершеннолетних участников уголовного судопроизводства наибольшего внимания при установлении способности либо неспособности давать показания, требуют факты подтверждения либо опровержения наличия психических заболеваний либо нахождения лица в момент совершения преступления в различных паталогических состояниях (аффекта, наркотического либо алкогольного опьянения, травмы, стресса и пр.), оказывающих решающее значение на достоверность сообщаемой ими криминалистически значимой информации.

Третья ситуация использования специальных знаний при проверке и оценке сведений, сообщаемых участниками уголовного судопроизводства, отличается повышенной сложностью. Она касается материализации идеальных следов при производстве следственных и иных действий, которые недоступны для непосредственного восприятия, а потому не могут быть изучены без согласия и непосредственного участия человека, являющегося источником информации.

Многолетние исследования, которые проводят ученые (психологи, психофизиологи и др.) в разных странах мира, свидетельствуют о ненадежности человеческой памяти, в связи с чем вопрос о сущности и содержательной характеристике процесса формирования показаний участников судопроизводства остается нерешенным[141]. Это обусловливает актуальность проведения

[141] См., например: Баддли А. Память / А. Баддли, М. Айзенк, М. Андерсон; пер. с англ.; под ред. Т.Н. Резниковой. СПб.: Питер, 2011. С. 429-461; Нуркова В.В. Проблемы неточности

исследований, направленных на оптимизацию известных и разработку новых технологий, позволяющих выявлять психологические, а также иные признаки искажения информации, сообщаемой участниками следственных действий.

Специальные знания из области психологии для оценки способности психически здоровых лиц давать показания в судопроизводстве используются давно. В настоящее время спектр экспертиз, которые могут быть проведены в целях проверки ранее данных участниками судопроизводства показаний, расширился. Так, в отечественную судебно-экспертную практику внедрена судебная психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа (далее – СПфЭ). Она включена в перечни родов и видов судебных экспертиз, проводимых в государственных судебно-экспертных учреждениях и подразделениях, Федеральной службы безопасности России – с 2002 г., Министерства обороны РФ – с 2004 г., МВД России – с 2017 г., Следственного комитета РФ – с 2020 г. (с 2009 г. до 2020 г. СПфЭ проводили полиграфологи подразделений криминалистики)[142].

Анализ научной обоснованности применения полиграфа в целях получения заключения специалиста или эксперта при производстве по уголовному делу и допустимости использования выводов полиграфологов в доказывании выходит за пределы данного диссертационного исследования[143]. Нас интересуют возможности СПфЭ применительно к ситуации проверки и оценки

воспоминаний в перспективе многокомпонентной памяти // Мир психологии. № 2, 2015. С. 35-49; Ильина В.А. Современные представления о формировании показаний участников уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 1 (73), 2017. С. 213-218.

[142] См. Приложение 3 к диссертации.

[143] По данному вопросу см.: Пеленицын А.Б., Сошников А.П., Жбанкова О.В. Так что же все-таки определяет полиграф? // Вестник криминалистики. 2011. Вып. 2 (38). С. 7-18; Белкин А.Р. Допустимость, достоверность, процессуальная пригодность, или еще раз о роли полиграфа в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. № 2, 2013. С. 14-20; Комиссарова Я.В., Хамзин С.Р. Практика использования полиграфа в уголовном судопроизводстве России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. № 6 (35), 2017. С. 363-371; Васильева О.А., Холопова Е.Н. Проблемы развития новых видов судебных экспертиз и экспертных методик // Материалы международной научно-практической конференции VI Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» / под редакцией С.В. Векленко. Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России. 2018. С. 89-90; и др.

криминалистически значимой информации и пределы компетенции эксперта-полиграфолога.

Согласно действующим методическим рекомендация при назначении СПфЭ на разрешение эксперта следует выносить два вопроса: 1) выявляются ли в ходе исследования с применением полиграфа у Ф.И.О. психофизиологические реакции, обусловленные информированностью о юридически значимой ситуации; 2) если да, то, при каких обстоятельствах Ф.И.О. могла быть получена эта информация – могла ли она быть получена Ф.И.О. на момент юридически значимого события? В заключении эксперт-полиграфолог отражает свою (экспертную) версию относительно информированности обследуемого лица о юридически значимой ситуации и высказывает суждение о возможных обстоятельствах получения участником процесса сведений, интересующих лицо, назначившее СПфЭ[144].

Вопрос о значимости использования СПфЭ при производстве по уголовным делам не следует сводить к оценке полученных результатов в суде, потому что доказывание осуществляется на всех стадиях процесса. На первоначальном этапе проведение ПФЭ снижает информационную неопределенность ситуации, способствует объективизации представлений следователя о достоверности собранных данных, помогает обосновать принимаемые процессуальные решения (например, об отказе в возбуждении дела или его прекращении ввиду отсутствия события преступления). По данным, приводимым сотрудниками Следственного комитета РФ, «в постановлении о прекращении уголовного дела (преследования) выводы эксперта-полиграфолога были использованы (по годам): 2017 г. – 254, 2018 г. – 256, 2019 г. – 218 раз; в обвинительном заключении (по годам): 2017 г. – 661, 2018 г. – 678, 2019 г. – 520 раз»[145].

---

[144] Комиссарова Я.В., Котова О.А., Семёнов В.В., Токарев М.Н. О методическом обеспечении производства психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VIII Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2021. С. 134-135.

[145] Семёнов В.В. Использование результатов исследований с применением полиграфа в доказывании по уголовным делам // Российский следователь. № 10, 2020. С. 10-12.

Специалисты подчеркивают, конкретизируя обстоятельства юридически значимой ситуации при назначении СПфЭ, надо избегать правовых терминов, отражающих уголовно-правовую квалификацию содеянного (убийство, насильственные действия сексуального характера, взятка, виновность и т.п.). Также недопустима постановка перед полиграфологом правовых вопросов, связанных с оценкой доказательств, в том числе, с оценкой достоверности показаний обследуемых лиц либо оценкой соответствия (согласованности) результатов СПфЭ с ранее данными ими показаниями[146].

В последнее время на практике получила распространение судебно-психологическая экспертиза коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия). Производство данной экспертизы позволяет выявлять в показаниях объекта видеозаписи (участника уголовного процесса) психологические признаки достоверности (недостоверности) сообщаемой криминалистически значимой информации[147].

В следственной практике нередки случаи, когда участник уголовного процесса отказывается от проведения в отношении него судебной психологической и судебной психофизиологической экспертизы (с применением полиграфа). В таких случаях экспертиза коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий становится чуть ли не единственной возможностью проверить полученную информацию и оценить ее качество.

Так, например, в ходе производства по одному из уголовных дел была получена информация, прямо указывающая на совершение Б. убийства К.

---

[146] Комиссарова Я.В., Котова О.А., Семёнов В.В., Токарев М.Н. Указ. раб. С. 135.

[147] Подробно см.: Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий) : научно-практическое пособие / А.М. Багмет, А.Н. Гусев, В.Ф. Енгалычев, Г.К. Кравцова, В.И. Седин, Е.Н. Холопова. М.: Московская академия СК России, 2018.

Подозреваемый Б. свою причастность к совершению преступления отрицал. В ходе производства его допроса осуществлялась видеосъемка. Следователь инициировал проведение судебно-психологической экспертизы коммуникативного поведения, при производстве которой были выявлены психологические признаки искажения информации, сообщаемой Б.[148]

Некоторые технологии, которые в перспективе могут быть использованы экспертами и специалистами при производстве психологических экспертиз, проходят этап апробации (инструментальная диагностика с применением трекинга глаз, метод многомерного анализа голоса человека (LVA), использование аппаратно-программных комплексов Observer и Face Reader и др.)[149].

Мы солидарны с теми учеными, кто допускает возможность выявления психологических, психолингвистических иных признаков искажения сообщаемых участниками судопроизводства сведений экспертным путем[150]. М.Л. Демина верно указывает: «Если эксперт-психолог не решает вопрос о достоверности показаний, а только выявляет признаки правдивости или неправдивости показаний, помогающие уполномоченными на то лицами принять решение, то с процессуальной точки зрения такие исследования вполне правомерны и вовсе не

---

[148] Материалы уголовного дела № 20/00/0011-13 // Архив Балтийского гарнизонного военного суда Калининградской области за 2013 год.

[149] См., например: Гусев А.Н., Бондаренко Я.А. Об использовании многоуровневого анализа голоса при производстве комплексных экспертных исследований // Эксперт-криминалист. № 4, 2020. С. 12-15; Семёнов В.В., Иванов Д.Л., Иванов Л.Н. Специальные, правовые и методические аспекты бесконтактной оценки ситуационной осведомленности: учеб.-метод. пособие. М.: Юрлитинформ, 2020.

[150] См., например: Ситковская О.Д., Конышева Л.П. Психологическая экспертиза несовершеннолетних в уголовном процессе: научно-методическое пособие. М.: Юнити-Дана, 2001; Ситковская О.Д. Психология свидетельских показаний: научно-методическое пособие. М.: Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2007; Енгалычев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий): монография. М.: Юрлитинформ, 2016; и др.

означают, что следователь или судья перекладывает свои полномочия на плечи эксперта»[151].

Различая правдивость и достоверность сведений, сообщаемых участникам и процесса, надо подчеркнуть еще раз, что далеко не все сведения могут быть признаны доказательствами, то есть показаниями в процессуальном смысле этого слова. Проверка и оценка информации, имеющейся по делу, за тем и нужны, чтобы она могла быть переведена из разряда криминалистически значимой в доказательственную или отвергнута как недостоверная. Поэтому нельзя в полном объеме согласиться с авторами информационного письма «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы», утвержденного в июне 2016 г. Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России и Ученым советом ФГБУ ФМИЦПН им. В.П. Сербского Минздрава России[152]. В письме отождествляются процессы, которые следует разграничивать. В то же время мы солидарны с авторами в том, что диагностика содержания сознания (даже если оно имеет юридическое значение) никогда не составляет предмета судебно-психологического экспертного исследования либо исследования с применением полиграфа[153].

Об этом следует помнить лицам, осуществляющим предварительное расследование, когда они обращаются за помощью к обладателям специальных знаний. Далеко не всегда за счет назначения судебных экспертиз проверка криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, осуществляется корректно.

Так, участники международной научно-практической конференций «Актуальные вопросы и перспективы развития судебно-психологической

---

[151] Демина М.Л. Возможности вербальной судебно-психологической экспертизы // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. № 2 (14), 2020. С. 92-99.

[152] Смирнова С.А., Макушкин Е.В., Аснис А.Я., Васкэ Е.В., Дозорцева Е.Г., Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н., Шипшин С.С., Ошевский Д.С., Бердников Д.В., Секераж Т.Н., Калинина А.Н. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» // Теория и практика судебной экспертизы. № 3 (43), 2016. С. 64-73.

[153] Там же. С. 69.

экспертизы и комплексной экспертизы с участием психолога», проведенной в сентябре 2018 г. в Ереванском государственном медицинском университете имени М. Гераци (Республика Армения) в резолюции конференции отметили тот факт, что под видом совершенствования технологии проведения экспертных исследований зачастую вносятся предложения по использованию авторских методов и методик, не отвечающих критериям научной обоснованности и достоверности. Примерами могут служить так называемые «экспертиза идеальной следовой информации» (автор идеи И.А. Макаренко, Россия), «метод взаимных исключений» (авторы идеи А.В. Лосев, А.А. Фон Миллер, Россия) и некоторые другие[154].

Использование такого рода методик, как правило, связано с употреблением неоднозначно толкуемых терминов, определений и наукообразных неологизмов; выбором не предназначенных для решения экспертных задач методов и исследовательских процедур; выходом за пределы компетенции эксперта (это может быть «выполнение» функции следователя или специалиста, решение вопросов, относящихся к компетенции экспертов других специальностей); недоказанности результатами исследования и недостаточной обоснованности отдельных выводов[155]. Разработчики ноу-хау пренебрегают требованиями ГОСТ Р 57344-2016 Национальный стандарт Российской Федерации «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения», который не содержит понятия «идеальная следовая информация», а также множества других, в последние годы используемых в заключениях некоторых, преимущественно, частных экспертов по уголовным делам.

---

[154] Резолюция международной научно-практической конференций «Актуальные вопросы и перспективы развития судебно-психологической экспертизы и комплексной экспертизы с участием психолога» // Юридическая психология. № 4, 2018. С. 38-40.

[155] См.: Пресс-релиз «К вопросу об экспертизе идеальной следовой информации», подготовленный по итогам проведения в г. Калуге 19 февраля 2019 г. занятий по темам «Проблемы получения, оценки и использования показаний в уголовном судопроизводстве» и «Проблемы оценки и использования заключений экспертов-психологов в доказывании по уголовным делам» в соответствии с Программой курсов повышения квалификации Федеральной палаты адвокатов РФ URL: http://expert-spfi.ru/k-voprosu-o-ekspertize-idealnoy-sledovoy-informatsii (дата обращения: 13.03.2021).

Отмечая актуальность и востребованность передовых технологий при проверке и оценке криминалистически значимой информации, надо учитывать, что их использование возможно лишь при условии строжайшего соблюдения научно-обоснованных и апробированных практикой методических стандартов[156]. В противном случае могу быть приняты меры по ограничению применения тех или иных видов специальных знаний в судопроизводстве.

Пример такого рода уже имеется. В июле 2021 года была изменена ст. 41 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Правительство РФ получило право устанавливать перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями. Со ссылкой на обновленную ст. 41 распоряжением Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. № 3214-р был утвержден перечень видов судебных экспертиз, проведение которых отныне возможно исключительно государственными судебно-экспертными организациями. В него вошли судебно-психологическая экспертиза и судебно-психиатрическая экспертиза[157].

Очевидно, что принятие данного решения, во многом было обусловлено, использованием псевдонаучных технологий при проведении именно психологических экспертиз по уголовным делам. К сожалению, решением назревших проблем запретительные меры в данном случае не являются. В государственных судебно-экспертных учреждениях просто нет необходимого количества аттестованных экспертов, чтобы в обозримом будущем обеспечить

---

[156] Васильева О.А. Холопова Е.Н. Проблемы развития новых видов судебных экспертиз и экспертных методик / Материалы международной научно-практической конференции VI Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»/ под редакцией С.В. Векленко. Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2018. С. 89-90.

[157] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р «О перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» // СПС «КонсультантПлюс». В свое время такой подход был реализован в Украине, где производство криминалистических, судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз возможно только в государственных специализированных экспертных учреждениях. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T403800.html (дата обращения: 21.06.2021).

потребности правоохранительных органов в использовании специальных знаний из области психологии. Поэтому можно прогнозировать рост числа обращений следователей (дознавателей) к психологам (в том числе, использующим свои авторские наработки) в целях получения заключения специалиста, поскольку заключения специалиста и эксперта согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ являются полноценными и равноценными доказательствами.

Надо сказать, что с появлением вышеуказанного распоряжения Правительства РФ косвенным образом оказались реализованы некоторые предложения ученых, специализирующихся в области исследования проблем судебно-экспертной деятельности. Е.А. Зайцева писала: «Когда речь идет об экспертизе, для производства которой еще не подготовили экспертов, значит, эта экспертиза еще не завершила свой процесс оформления как самостоятельный вид судебной экспертизы, значит, для нее еще не разработана методика, не определены экспертные задачи, решаемые с ее помощью, не выделены четко объекты и методы исследования, не выбраны тщательно приборы, оборудование, реактивы и расходные материалы для реализации ее задач», следовательно, «назначать такую экспертизу нельзя»[158]. В этом случае Я.В. Комиссарова полагала возможным обращение за заключением к специалисту[159].

Думается, что отчасти сложившаяся проблемная ситуация обусловлена тем, что универсальный порядок формирования новых видов судебных экспертиз законодательно не определен. Получается, что, контроль за применением передовых технологий на основе верифицированных методических стандартов косвенным образом возлагается на лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование.

Здесь надо сказать, что все экспертные технологии, включая дактилоскопию и ДНК-анализ, на самом деле уязвимы. Валидность общепризнанных методов

---

[158] Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2008. Т. 1. С. 348–349.

[159] Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 219-240.

исследования не так велика, как принято считать. Специалисты указывают: «Реалии XXI в. таковы, что все используемые при производстве судебных экспертиз методы имеют определенные ограничения, особенно те, что положены в основу диагностических исследований в отношении человека»[160]. В связи с этим актуальность приобретает вопрос о расширении научного кругозора лиц, несущих бремя доказывания, использования ими специальных знаний самостоятельно.

Как правило, на ведомственных курсах повышения квалификации и профессиональной переподготовки сотрудники следственных органов и органов дознания овладевают знаниями о возможностях проведения исследований и экспертиз государственными и негосударственными судебно-экспертными учреждениями, особенностях применения на практике имеющихся методик и типичных ошибках, допускаемым экспертами. Сегодня в рамках образовательной и просветительской деятельности сотрудников правоохранительных органов все чаще призывают самостоятельно овладевать специальными знаниями в объеме, необходимым для решения диагностических задач при проверке и оценке криминалистически значимой информации, полученной на разных этапах расследования.

Такой подход нам представляется обоснованным. Результат использования специальных знаний при проверке и оценке криминалистически значимой информации в первую очередь влияет на содержание мыслительных процессов и аналитической деятельности следователя (дознавателя), поэтому он не всегда должен выражаться в строгой процессуальной форме. Соответственно, овладение определенным объемом специальных знаний и последующее применение лицом, осуществляющим производство по делу, вполне оправдано.

В литературе по криминалистике и уголовно-процессуальному праву всегда отмечалось, что одной из форм использования специальных знаний является их непосредственное применение следователем (дознавателем). По мнению

[160] Казаков В.А., Пеленицын А.Б. О валидности и эффективности некоторых методов получения доказательственной информации» // Российский судья. № 9, 2021. С. 33.

Б.М. Бишманова, специальные знания следователя – это совокупность современных теоретических знаний и практических навыков в области науки, техники, искусства и ремесла, полученных в результате специальной подготовки или профессионального опыта и применяемых с целью расследования и предупреждения преступлений[161].

Ряд норм УПК РФ дает возможность следователю (дознавателю) использовать собственные знания в части стенографирования, фотографирования, киносъемки, аудио- и видеозаписи (ст. 166 УПК РФ). Законодатель предоставляет право следователю (дознавателю) привлекать к участию в следственном действии специалиста (ч. 1 ст. 168 УПК РФ), но при наличии необходимых знаний, он может и не использовать его помощь, за исключением случаев обязательного участия[162].

Исчерпывающий перечень непроцессуальных форм использования специальных знаний составить практически невозможно. Учитывая, что специальные знания могут быть востребованы при проведении любого следственного действия и некоторых процессуальных без документирования, способы их применения достаточно разнообразными. Поэтому среди часто упоминаемых в литературе форм использования специальных знаний (справочно-консультационной помощи специалиста; проведении проверок, ревизий; участии специалистов в совместном совещании по вопросам расследования уголовного дела; неофициальном обращении следователя к специалистам при составлении процессуальных документов для проверки правильности использованных формулировок и т.д.), по мнению А.Л. Пермякова, следует акцентировать внимание на незаслуженно забытом некоторыми современными учеными и практиками самостоятельном использовании следователем специальных знаний при расследовании уголовного дела. Оно тоже не требует отдельного

---

[161] Бишманов Б.М. Правовые, организационные и научно-методические основы экспертно-криминалистической деятельности в органах внутренних дел: автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 186.

[162] Поздняков М.А. Криминалистические аспекты применения следователем (дознавателем) собственных специальных знаний // Актуальные проблемы права: материалы IV Междунар. науч. конф. М.: Буки-Веди, 2015. С. 247.

документирования или отражения в процессуальных документах[163].

На практике следователи расследуют преступления, преимущественно, одной или нескольких категорий. Руководитель следственного органа, как правило, осведомлен, кто из сотрудников его подразделения наиболее эффективно работает по преступлениям определенной групповой принадлежности. Нарабатываемая следователем практика расследования однородных преступлений позволяет накапливать опыт и получать знания в определенной области общественных отношений, являющихся объектом преступных посягательств. Как правило, увеличение количества расследованных преступлений способствует повышению качества расследования. Общаясь в ходе производства по делу с обладателями специальных знаний, подробно вникая в обстоятельства механизма преступления, следователь сам накапливает знания, позволяющие, спустя некоторое время, разбираться в отдельных вопросах не хуже отдельных начинающих экспертов.

В 90-е гг. прошлого столетия В.Г. Коломацкий одной из главных задач освоения обучающимися вузов криминалистики считал выработку, так называемого, «криминалистического мышления», суть которого составляет «умение на основе комплексного, в первую очередь криминалистического, анализа информации о расследуемом событии оценить следственную ситуацию, определить механизм совершения преступления, систему следов и иных источников доказательственной информации, отражающих его, проанализировать и оценить добытую информацию, выдвинуть версии и принять обоснованное ситуацией тактическое решение о выборе оптимального варианта алгоритма методики расследования»[164].

Поскольку анализ сущности и значения криминалистического мышления не входит в круг решаемых в рамках данного диссертационного исследования задач, солидаризуемся с мнением А.А. Бессонова: «Криминалистическое мышление –

---

[163] Пермяков А.Л. Следователь как непосредственный обладатель специальных знаний // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. № 2, 2017. С. 52.

[164] Коломацкий В.Г. Курс криминалистики (дидактика и методика): автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 10.

это обусловленное знаниями, опытом и интуицией умение субъекта производства расследования и некоторых содействующих ему лиц организовывать собственный логико-эвристический процесс, направленный на постижение смысла отразившейся в объективной реальности информации о криминальном и связанных с ним событиях, выявление связей между ними и составляющими их внутреннее содержание элементами с целью получения истинных (то есть полных, объективных и всесторонних) знаний о них, в конечном итоге облекаемых в форму доказательств в рамках уголовного судопроизводства»[165].

Очевидно, что такой подход позволяет раскрыть роль и значение криминалистического мышления в ходе проверочно-оценочной деятельности лиц, осуществляющих предварительное расследование. В рассматриваемом нами контексте следует акцентировать внимание на таких составляющих криминалистического мышления, как наличие у следователя (дознавателя): знаний из области криминалистики и смежных наук; умений и навыков применения этих знаний в практической деятельности; развитых под решение задач расследования преступлений логики, внимания, памяти, интуиции, эвристических и прогностических способностей; профессионального и жизненного опыта[166].

Изложенное не умаляет значения использования специальных знаний в прямо предусмотренных УПК РФ формах. Как справедливо указывает Е.Р. Россинская: «Судебная экспертиза назначается независимо от того обладают ли следователь, судья, лицо, рассматривающее дело об административном правонарушении, специальными знаниями, поскольку фактические данные, полученные путем экспертного исследования, не могут быть отражены ни в каком процессуальном документе кроме заключения эксперта»[167].

---

[165] Бессонов А.А. К вопросу о понятии криминалистического мышления // // Эксперт-криминалист. № 2, 2019. С. 19.

[166] Там же.

[167] Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». М.: Юрайт: Право и закон, 2002. С. 17-18.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод, что тактика использования специальных знаний в рамках проверочно-оценочной деятельности лиц, осуществляющих предварительное расследование, зависит от характера следственной ситуации и может быть реализована в следующих формах[168]:

– назначение судебных экспертиз при необходимости установления способности участников уголовного судопроизводства воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания; выявления психофизиологического состояния лица в момент совершения преступления, непосредственно влияющего на содержание и характер сообщаемой субъектом информации;

– привлечение специалистов и назначение экспертиз при необходимости проверки сведений, сообщаемых участниками уголовного судопроизводства относительно механизма преступления и формирования его следовой картины;

– самостоятельное использование следователем (дознавателем) собственных знаний в различных областях, а также профессионального и жизненного опыта при необходимости устранения противоречий, имеющихся в сведениях, сообщаемых участниками уголовного судопроизводства.

---

[168] Васильева О.А. Использование специальных знаний при проверке и оценке криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий // Эксперт-криминалист. № 3, 2019. С. 34-36.

Глава 3. ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ РАБОТЫ С КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ, ПОЛУЧЕННОЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

§ 1. Ситуационный подход к проверке криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий

Как было рассмотрено и доказано в работе ранее, установление достоверности криминалистически значимой информации связывают с достижением такого результата при ее проверке и оценке, когда делается единственно правильный вывод о соответствии полученных сведений об обстоятельствах уголовного дела объективной действительности и фактическим событиям, составляющим общую картину совершенного преступления. При этом достижение указанного результата на практике не всегда возможно исключительно процессуальным путем (например, составление и направление запроса, его получение и последующая проверка имеющейся информации путем сравнения и сопоставления, а в дальнейшем – оценка имеющихся сведений в комплексе). В ходе расследования субъекты, несущие бремя доказывания, часто сталкиваются с необходимостью использования целого ряда тактических приемов при проверке и оценке имеющейся криминалистически значимой информации, что обусловлено спецификой складывающихся по делу следственных ситуаций. Это значит, что без использования ситуационного подхода к проверочно-оценочной деятельности лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование, выделить и структурировать организационно-тактические приемы работы с криминалистически значимой информацией, полученной при производстве следственных действий, не представляется возможным.

Как известно, «криминалистическая тактика есть раздел криминалистики, в котором изучаются специфические закономерности и разрабатываются научные положения о взаимоотношениях следователя с участниками предварительного расследования и обращения его с материальными объектами, на базе чего в целях

оптимального отыскания, изучения и использования тактически значимой информации формируются научно-практические системы общих и частных тактических приемов, реализуемых, как правило, в типичных ситуациях производства отдельных следственных действий»[169]. С этой точки зрения, можно согласиться с утверждением, что практическую (прикладную) основу ситуационного подхода составляет арсенал доступных к применению в рамках действующего законодательства тактических приемов, способов, комбинаций действий, определяемых и реализуемых следователем (дознавателем) в зависимости от особенностей и содержания конкретной складывающейся следственной ситуации при расследовании определенного преступления[170].

Взаимосвязь определенной следственной ситуации, складывающейся при расследовании конкретного преступления, и доступность имеющихся различных тактических приемов, позволяющих субъекту расследования достичь целей уголовного судопроизводства, определяют возможность использования ситуационного подхода при проверке криминалистически значимой информации, полученной ранее при производстве следственных действий, за счет разработки групп конкретных тактических приемов.

Классическое определение тактического приема было сформулировано Р.С. Белкиным: тактический прием – это наиболее «рациональный и эффективный способ действия или наиболее целесообразная в данных условиях линия поведения лица, осуществляющего процессуальное действие»[171].

До настоящего времени среди специалистов нет единства мнений относительно того, что следует понимать под линией поведения лица, ведущего производство по делу[172].

---

[169] Комиссаров В.И. Актуальные проблемы следственной тактики: дисс. … д-ра юрид. наук. М., 1989. С. 132.

[170] Шагимуратова З.А. Ситуационный подход в криминалистической тактике изобличения подозреваемых, обвиняемых: дисс. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2019. С. 44.

[171] Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М.: Юрид. лит., 1988. С. 143.

[172] Подробно см.: Князьков А.С. Линия поведения как тактический феномен // Вестник Томского государственного университета. Право. № 1 (3), 2012. С. 21-28.

В контексте рассматриваемой нами проблематики следует сделать акцент на понятии поведения. Выдающийся психолог С.Л. Рубинштейн полагал, что это особая форма деятельности, причем деятельность становится поведением тогда, когда мотивация человеческих действий из предметного плана переходит в план личностно-общественных отношений. Он описывал деятельность через цели, мотивы, действия, операции[173]. С этой точки зрения, проверочно-оценочная деятельность лиц, осуществляющих предварительное расследование, может рассматриваться как тщательно продуманная форма поведения, провоцирующего, изыскательского либо сугубо оценивающего характера, в основе которого лежит зачастую длительное и тщательное планирование, основанное на совокупности мыслительных процессов.

Применение следователем (дознавателем) тактических приемов проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, направлено на создание ситуаций невозможности (абсурдности, нерациональности) сообщения лицом заведомо недостоверной криминалистически значимой информации, либо на моделирование ситуаций, в которых сообщение лицом недостоверной информации (как умышленно, так и ненамеренно) позволит наиболее рационально и эффективно осуществить ее проверку и оценку, избежать в дальнейшем использования недостоверной информации в качестве криминалистически значимой.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что 63,6% опрошенных постоянно производят проверку и оценку криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, 24,1% опрошенных производят проверку и оценку часто, и лишь 6,2% осуществляют данную деятельность иногда. При этом у 54,3% опрошенных на практике возникают ситуации, при которых они не смогли проверить криминалистически значимую информацию, полученную при производстве следственных действий, а у 57,1% опрошенных возникают ситуации,

[173] Суворова Г.А. Указ раб. С. 31-34.

свидетельствующие о необходимости разработки и обоснования новых методов проверки и оценки криминалистически значимой информации[174].

В связи с доказанным ранее положением о том, что проверка и оценка криминалистически значимой информации представляют собой два самостоятельных этапа работы следователя (дознавателя) с имеющееся по делу информацией, тем не менее, в данном случае с учетом общей диагностирующей и изобличающей целевой направленности применения тактических приемов, следует исходить из неразрывности процессов проверки и оценки информации в результате применения определенных тактических приемов. Применительно к приемам проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, общей целью которых является анализ получаемой от участников следственных действий криминалистически значимой информации на предмет наличия в ней общих и уникальных свойств, необходимо руководствоваться принципами, сформулированными в криминалистике.

Таким образом, выбор тактического приема (приемов) проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, требует от следователя (дознавателя) сосредоточения значительных мыслительных и аналитических усилий, основанных, в том числе, на его прогностических и творческих способностях, поскольку без возможности моделировать возможные ситуации и предвидеть различные варианты развития событий невозможен выбор рационального тактического приема, наиболее адекватного складывающейся следственной ситуации.

Следует согласиться с утверждением о методологической недостижимости составления и обоснования универсальной классификации тактических приемов, применяемых в ходе расследования уголовных дел, по причинам разногласий в понимании теоретических основ криминалистической тактики, а также многообразия следственных ситуаций и широкой вариативности поведения

[174] См. Приложение 1 к диссертации.

различных участников уголовного судопроизводства. Представляется целесообразным и обоснованным рассматривать тактические приемы проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, с учетом основных положений ситуационного подхода – исходя из ключевых особенностей складывающейся следственной ситуации. Для большей наглядности, повышения доступности информации и упрощения восприятия формулируемых рекомендаций прибегнем к научному методу метафоры и научного сравнения.

Первая ситуация обусловлена наличием явно выраженных противоречий в криминалистически значимой информации, сообщаемой различными участниками уголовного судопроизводства, как между собой, так и с иными доказательствами, имеющимися по делу, преодоление которых возможно за счет привлечения иных участников уголовного судопроизводства и использования специальных знаний. В подавляющем большинстве случае рассматриваемые следственные ситуации сопровождаются возникновением и дальнейшей эскалацией конфликта между участниками уголовного судопроизводства, что дополнительно затрудняет процесс расследования.

Урегулирование данной проблемной ситуации связано с проведением действий и операций, предусмотренных УПК РФ. Это могут быть очные ставки, проверки показаний на месте, назначение экспертиз.

Производство очной ставки, на наш взгляд, можно рассматривать в качестве самостоятельного тактического приема, основной смысл которого состоит в организации непосредственной встречи в рамках следственного действия участников процесса, являющихся непосредственными источниками противоречивой криминалистически значимой информацию. Данное действие проводится с целью провокации сторон, занимающих разные информационно-содержательные позиции, в результате которой под воздействием сильных эмоций, проявлений личной неприязни и иных реакций участников возможно: проследить определенные тенденции в поведении взаимодействующих сторон, указывающие на особенности их взаимоотношений и как следствие – на

заинтересованность определенных участников в сообщении недостоверной информации; зафиксировать новые сведения, ранее не сообщавшиеся участниками; отследить факты наличия / отсутствия давления, оказываемого на одного участника уголовного судопроизводства другим; установить факт и обстоятельства оказываемого кем-либо из участников противодействия расследованию и пр.

Учитывая конфликтный и нередко психотравмирующий характер данного тактического приема, его проведение требует тщательной предварительной организационной подготовки в целях обеспечения безопасности сотрудников правоохранительных органов и других участников уголовного судопроизводства. Существенным в данном случае является уточнение о том, что отдельные следственные действия (например, очная ставка) изначально по своей природе носят заведомо конфликтный характер. Как верно отмечают А.А. Караванов и И.Ю. Устинов, обладая всеми чертами допроса, очная ставка весьма специфична не только в процессуально-тактическом, но и в психологическом отношении. С точки зрения психологии, очная ставка – это специфическое психическое общение, которое развивается между тремя лицами. Характерной особенностью этого психического общения является то, что в большинстве случаев в начале очной ставки, по крайней мере, между двумя ее участниками имеют место конфликтное отношение и высокая эмоциональная напряженность. Это обуславливается наличием противоречий в их показаниях, которые зачастую носят весьма острый характер[175].

При этом многими исследователями отмечается, что одной из задач следователя при организации и проведении следственных действий является преодоление конфликта между сторонами и создание максимально безопасных и комфортных условий для всех участников. Вместе с тем, необходимо признать, что далеко не всегда расследование уголовного дела происходит в идеальных для всех сторон и участников условиях, и потребности практики, продиктованные

[175] Караванов А.А., Устинов И.Ю. Психологические особенности проведения очной ставки // Территория науки. № 2, 2015. С. 29.

основной целью уголовного судопроизводства, бывают обусловлены необходимостью изыскания и применения следователем таких тактических приемов, которые могут не соответствовать понятиям гуманности, этичности и искреннего дружелюбия.

По этой причине и предлагаемый данный тактический прием имеет высокую эффективность практического применения, поскольку обладает большой силой воздействия на лиц, в чьих показаниях содержатся преднамеренные искажения истины и часто играет роль переломного момента в их дальнейшем поведении на следствии. В связи с чем, для следователя очень важно в процессе реализации данного тактического приема не только непрерывно лично наблюдать за его участниками, но и осуществлять видеосъемку всего процесса. Детальное и подробное изучение видеоматериалов в дальнейшем, как следователем, так и с привлечением иных лиц, обладающих специальными знаниями (специалистов, экспертов), может помочь выявлению дополнительных криминалистически значимых фактов и новой криминалистически значимой информации как непосредственно содержательного, так и ориентирующего характера.

Так, например, в ходе расследования уголовного дела, возбужденного по признакам преступления, предусмотренного ст. 131 УК РФ (изнасилование) в совокупности со ст. 30 УК РФ, потерпевшая Т., свидетели С., В. и подозреваемый Н. давали противоречивые показания и сообщали сведения, взаимно исключающие друг друга. Так, подозреваемый Н. указывал, что в силу своего возраста (16 лет) он не имел опыта интимных отношений и, соответственно, не мог посягать на половую неприкосновенность Т. Это же подтверждал свидетель В., дополнительно указывая, что в момент описываемого преступления они с Н. находились в другом поселке, в 150 км. от места преступления. Потерпевшая Т. на допросах указывала, что Н. неоднократно приставал к ней, а в вечер преступления под предлогом приглашения в гости к общим друзьям заманил ее в подъезд пятиэтажного дома и в пролете между третьим и четвертым этажом, применяя физическую силу и зажав ей рот, попытался изнасиловать ее. Избежать насилия Т. удалось лишь,

воспользовавшись моментом, когда открылась входная дверь подъезда, Н. ослабил хватку, и она успела выпрыгнуть в окно межлестничного пространства, оказавшись на козырьке подъезда, откуда в дальнейшем ей удалось позвать на помощь прохожих. В своих показаниях подозреваемый Н. утверждал, что Т. его оговаривает, более того изложенный ей сценарий невозможен, поскольку он хорошо знает указанный ею дом и пролезть в окно между лестничными пролетами невозможно, поскольку они очень малы. Свидетель С. указала, что ранее состояла в интимных отношениях с Н. и они расстались по причине его чрезмерного сексуального темперамента, кроме того, он принуждал ее к сексу в нетрадиционных формах, против чего она открыто возражала.

Обладая массивом противоречивой информации, следователь принял решение о применение указанного тактического приема в ходе проведения проверки показаний на месте, собрав вместе указанных участников непосредственно в месте его проведения – возле подъезда дома, указанного в качестве места преступления. В результате чего, свидетель С., встретившись с подозреваемым Н. и вступив с ним в словесную перепалку, сказала фразу «Надо было раньше от тебя валить! Только время потеряла и настрадалась от твоего отношения. Сейчас у меня хороший мужчина. Он меня любит и в сексе он лучше – не такой извращенец с маленьким членом, как ты!». На что Н. отреагировал очень эмоционально, крикнув «Зачем ты мне была нужна?! В постели, как тупое бревно с сучками!». Из чего сразу стало понятно, что ранее данные Н. показания относительно отсутствия у него сексуального опыта, являются недостоверными.

Далее в процессе проведения проверки показаний на месте Т., сняв теплую куртку и ставшись в одном свитере (как и в момент совершения преступления) без затруднений пролезла в ранее указанное ею окно между этажами, чем вызвала также острую эмоциональную реакцию. При этом свидетель В., опасаясь разоблачения и последующей ответственности за дачу ложных показаний, сознался в том, что в день совершения преступления не виделся с Н. и более того – знал от него о неудачной попытке изнасилования. Но согласился

свидетельствовать в защиту Н., поскольку тот уверил его, что Т. не сможет доказать факт попытки изнасилования, в том числе не сможет пролезть еще раз в указанное окно, поскольку в момент преступления она сбежала через него без одежды и не сможет повторить это снова[176].

Таким образом, несмотря на эмоциональную остроту процесса и его высокую конфликтность, воспользовавшись данным тактическим приемом, удалось проверить имевшуюся противоречивую криминалистически значимую информацию и установить истину по делу, что подтверждает эффективность и оправданность применения данного тактического приема при соблюдении мер обеспечения безопасности участников и тщательной подготовки к нему.

Здесь еще раз имеет смысл указать на эффективность назначения СПфЭ на этапе проверки и предварительной оценки качества информации, сообщаемой участниками судопроизводства. Практика использования полиграфа в разных странах мира показывает, что в отдельных следственных ситуациях, иногда достаточно предложения пройти проверку на полиграфе. Зачастую не так важно, какое решение в итоге будет принято субъектом. Его поведенческая активность непосредственно в момент обсуждения возможности назначения СПфЭ и спустя некоторое время может красноречивее любых слов свидетельствовать об искренности или неискренности[177].

При проявлении следователем (дознавателем) инициативы – предложении провести СПфЭ в отношении конкретного участника судопроизводства[178], развитие событий возможно по двум сценариям: 1) лицо соглашается участвовать в процедуре; 2) лицо отказывается от участия в СПфЭ.

---

[176] Материалы уголовного дела № 1-537/17 // Архив Байкаловского районного суда Свердловской области за 2017 год.

[177] Разумеется, сами по себе согласие либо отказ от участия в процедуре не являются основанием для принятия решения относительно соответствия (не соответствия) действительности сведений, сообщаемых человеком. Внимание следователя (дознавателя) должно быть сосредоточено именно на словах и поступках участников судопроизводства.

[178] Как вариант, при готовности следователя (дознавателя) удовлетворить ходатайство одной из сторон о назначении СПфЭ.

Очевидно, что в обоих случаях лицо может сообщать, как правдивые, так и заведомо ложные сведения. Поэтому если события развиваются по сценарию № 1, от следователя потребуется сосредоточить усилия, помимо разъяснения организационных вопросов, на доведении до потенциального подэкспертного информации о доказательственном значении заключения любого эксперта, в том числе, полученного по результатам проведения СПфЭ. С целью усиления психологического воздействия можно сослаться на ранее вынесенные по уголовным делам приговоры (как обвинительные, так и оправдательные), в основу которых в совокупности с другими доказательствами были положены заключения экспертов-полиграфологов[179]. Среди практических работников данный тактический прием зарекомендовал себя в качестве эффективного способа выявления лиц, сообщающих заведомо недостоверную информацию. Если же человек в силу различных объективных и субъективных факторов добросовестно заблуждается относительно обстоятельств, интересующих следствие, использовать указанный тактический прием нецелесообразно.

При реализации сценария № 2 возможны два противоположных по причинам и характеру объяснения сделанного участником процесса выбора: а) лицо уверено в правдивости сообщаемой им криминалистически значимой информации, однако по каким-то причинам (как правило, субъективного свойства) не желает участвовать в СПфЭ; б) лицо осознанно лжет и потому опасается разоблачения.

В данной ситуации задачей следователя будет максимально корректное детальное разъяснение всех организационно-технических условий проведения СПфЭ. При наличии обоснованного предположения, что имеет место вариант

---

[179] См., например, приговор по уголовному делу № 1-272/2020, согласно которому Боровичский районный суд Новгородской области 19 августа 2020 г. признал Барышпольца П.А. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, назначив наказание в виде деввяти лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. См.: Специализированный информационный ресурс для публикации информации о рассматриваемых судами общей юрисдикции делах и вынесенных ими решениях «Судебные решения РФ» [Электронный ресурс]. URL: http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/50689923 (дата обращения: 21.09.2021).

«А», можно пригласить полиграфолога, которому планируется поручить производство экспертизы, чтобы он рассказал о методических особенностях ее проведения и ответил на все вопросы участника судопроизводства.

При осознании субъектом факта, что его изобличение не только возможно, но и реально (вариант «Б»), коммуникативное поведение меняется. Страх разоблачения в этом случае становится ключевым фактором, обусловливающим высказывания и поступки участника судопроизводства. Группой исследователей-нейрофизиологов во главе с Н.П. Бехтеревой было доказано существование феномена под названием «детектор ошибок»[180]. Согласно выводам ученых человек, осознающий собственную ложь на уровне мозговой деятельности, в значительном числе случаев способен отказаться от сообщения ложных сведений, если будет уверен в возможности разоблачения.

Независимо от того, как участник судопроизводства отреагирует на предложение о проведении СПфЭ, давление на него в целях принятия положительного решения недопустимо. Это может повлечь неблагоприятные последствия для самого следователя (дознавателя).

Так, например, в ходе расследования уголовного дела по факту убийства матерью новорожденного ребенка, у следователя возникли обоснованные сомнения в достоверности сведений, сообщаемых свидетелем С. (сожителем подозреваемой В.) относительно невозможности совершения ею указанного преступления. Предложив С. пройти проверку на полиграфе, следователь получил отказ без объяснения причин. Из-за отсутствия иных источников криминалистически значимой информации следователь решил надавить на С. в ходе допроса с целью принудить его согласиться на проведение исследования. Позже выяснилось, что процесс допроса С. записал на диктофон, встроенный в мобильный телефон. Обстоятельства допроса были преданы огласке, С. составил жалобу на действия следователя. Широкий общественный резонанс

[180] Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни: детектор ошибок – мозговой механизм, который при отклонении от нормы поддерживает стандарт поведения через физиологическую реакцию рассогласования с реальной активностью с типовой матрицей СПб.: Нотабене, 2006. С. 114-116.

способствовал тому, что следователя отстранили от расследования, к нему были применены меры дисциплинарного взыскания. В результате он принял решение уволиться из правоохранительных органов[181].

Рассматривая обозначенную нами следственную ситуацию, урегулирование которой возможно за счет проведения действий и операций, предусмотренных УПК РФ, надо отметить, что ранее взаимоисключающие выводы экспертов могли быть проверены лишь через назначение дополнительных и повторных экспертиз. Сегодня предусмотренная ст. 58, 74 и 80 УПК РФ возможность обращения к специалисту за письменным заключением дает сторонам дополнительные рычаги воздействия на ситуацию. Согласно ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении специалиста к участию в производстве по уголовному делу. В соответствии с ч. 4 ст. 271 УПК РФ суд не вправе отказать сторонам в допросе в качестве специалиста лица, явившегося по инициативе сторон для участия в судебном заседании.

Вторая ситуация связана с возможностью самостоятельного использования следователем (дознавателем) собственных знаний в различных областях**,** наличием осведомленности об имеющихся методах и методиках «детекции лжи» и навыков по их практическому применению. Это могут быть приемы оценки валидности утверждений, научного контент-анализа, психологической оценки достоверности показаний в юридической практике, распознавания характера сообщаемой информации по динамике параметров невербального поведения человека, экспресс-оценки психофизиологического состояния человека и др.[182] В совокупности их можно рассматривать в качестве (условно) единого тактического приема. Обобщающим признаком перечисленных способов и методов является возможность самостоятельного определения следователем (дознавателем) степени достоверности – недостоверности сообщаемой участниками уголовного судопроизводства криминалистически значимой

---

[181] Материалы уголовного дела № 021134/19 // Архив Приволжского МСО СУ СК по Астраханской области за 2019 год.

[182] См. Приложение 3 к диссертации.

информации и дальнейшего тактического воздействия на ситуацию с целью изменения лицом неконструктивной позиции (отказа от дачи ложных показаний).

Научно обоснованное мнение об отсутствии специфических вербальных и невербальных проявлений и психофизиологических реакций, характерных для сообщения человеком ложной информации, не является препятствием для наблюдения за поведением участников уголовного судопроизводства при производстве следственных действий, если следователь (дознаватель) знаком с методическими, теоретическими и прикладными основами интерпретации поведенческих особенностей участников судопроизводства.

Практические работники правоохранительных органов отмечают, что наиболее доступным к освоению и последующему практическому применению является тактический прием, суть которого состоит в реализации основных положений и разработок, сформулированных и разработанных в рамках «профайлинга». Согласно, результатам проведенного исследования, 4,3% из числа опрошенных следователей и дознавателей при расследовании преступлений применяют при проверке и оценке криминалистически значимой информации, отдельные положения либо совокупность приемов профайлинга[183]. При этом, практическими работниками особо отмечается, что владение указанными тактическими приемами требует непрерывного совершенствования навыков по их применению и углублению теоретических и методических знаний, связанных с особенностями реализации и интерпретации их результатов.

На современном этапе развития, профайлинг («англ.*profile*» - профиль) представляет собирательное понятие, обозначающее совокупность психологических методов и методик оценки и прогнозирования поведения человека на основе анализа наиболее информативных частных признаков, характеристик внешности, невербального и вербального поведения[184].

---

[183] См. Приложение 1 к диссертации.

[184] См. например: Бурмистрова Н.С., Бертовский Л.В. Особенности применения криминалистического профайлинга в период сбора релевантной информации в ходе расследования преступления // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. № 6, 2018. С. 265-272; Вереникина Н. А. Профайлинг как средство раскрытия и расследования

Изначально, данный термин употреблялся в контексте составления поискового психологического портрета (профиля) неизвестного лица по следам на месте преступления. В дальнейшем исследуемое «понятие» долгое время служило для обозначения технологии наблюдения и опроса пассажиров при предполетном досмотре, с целью выявления потенциально опасных лиц при авиаперелетах[185]. Помощь специалистов-профайлеров в целях выявления потенциально опасных пассажиров, способных осуществить противоправные действия, активно используется израильской авиакомпанией «Эль-Аль» ((El Al, על אל)). Такой подход обеспечил авиакомпании достижение высоких показателей безопасности и обретения статуса одной из самых безопасных в мире[186].

В последнее время расширенная трактовка понятия «профайлинг» включает ряд прикладных социально-психологических методик, целью которых является оценка достоверности сообщаемой информации по невербальному поведению человека, т. н. не инструментальная «детекция лжи».

Методологические основы профайлинга были заложены в исследованиях Б. ДеПауло, О. Фрайя, В. Фризена, М. Цукермана, К. Шерера, П. Экмана, С.Н. Ениколопова, В.А. Лабунской и других ученых[187].

В соответствии с рекомендациями криминалистической тактики внимание следователя в ходе допросов и других следственных действий должно быть сконцентрировано на наблюдении за поведением человека. Это важно для определения психологического состояния субъекта и выявления признаков его

преступлений // Актуальные проблемы российского права. № 9 (82), 2017. С. 203-209; Кулик А.В., Мостовюк М.А.. Понятие профайлинга и сфера его применения // Научная перспектива. № 2 (48), 2014. С. 91-93; Фойгель Е.И., Козулева А.А. Использование метода профайлинга в оперативной, следственной и экспертной деятельности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. № 2 (8), 2015. С. 223-233.

185 Лабунская В.А. Невербальное поведение: (Социал.-перцептив. подход) / Отв. ред. И.П. Шкуратова. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1986. С. 79; Фрай О. Детекция лжи и обмана // Пер. с англ. В.С. Журавлева. СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. С. 193.

186 URL: https://tourweek.ru/articles/transport/308340 (дата обращения: 21.09.2021).

187 См., например: Фрай О. Ложь: три способа выявления. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006; Ениколопов С.Н., Ли Н.А. Психологические особенности криминального профайлинга // Психологическая наука и образование. № 5, 2007. С. 295-299; Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб.: Питер, 2010; и др.

изменения, которые могут способствовать повышению эффективности следственного действия.

Конечно, каждый сотрудник правоохранительных органов в процессе работы иногда сам того не замечая, неизбежно опирается на данные психологии. Но чаще всего это эмпирическая, житейская психология, эклектично существующая в его профессиональном багаже. По большей части подобные знания в целом позволяют ориентироваться в обыденных ситуациях, но оказываются недостаточными в сложных проблемных ситуациях. Знания, которые сотрудники приобретают в процессе обучения профайлингу, позволяют оценить личность опрашиваемого, понять, как установить в кратчайшие сроки психологический контакт с человеком, как вывести на дачу правдивых показаний, как распознать ложь в показаниях и, наконец, получить признательные показания у виновного.

Так, например, в ходе расследования уголовного дела, возбужденного по факту насильственных действий сексуального характера, предположительно совершенных Т. в отношении С., у следователя в результате оценки информации, полученной по результатам допросов потерпевшей С. и иных участников расследования, возникли обоснованные сомнения в достоверности ее показаний. Были установлены факты наличия конфликтной ситуации между Т. и С., вызванной трудностями в межличностных взаимоотношениях и мотивов у С. для ложного обвинения Т. в совершении особо тяжкого преступления. Следователем было принято решение в ходе очередного допроса предложить С. рассказать о ранее описанных ею событиях в день совершения «преступления» в обратном порядке – с момента обращения С. в правоохранительные органы и до начала указанного дня. При этом при попытках С. выполнить задание, следователь положил перед собой протоколы предыдущих допросов С. для усиления наглядности всех неточностей и ошибок, содержащихся в ее повествовании. Через некоторое время от начала допроса С. созналась в том,

что «преступление» в реальности не имело места, а она хотела отмстить Т. за ранее нанесенные ей обиды[188].

Суть указанного приема заключается в том, что настоящие воспоминания об описываемом событии отсутствуют в памяти воспроизводящего его человека, по этой причине в сознании лица в дальнейшем невозможно прокрутить цепочку событий в обратном порядке. В ситуации реального проживания события человеку не составит труда воспроизвести их в любой последовательности и с любого места отсчета. Продумывая ложь, человек обычно представляет произошедшее в определенной хронологии, и он не «репетирует» придуманное в обратном порядке[189].

Как верно в данной связи отмечает А.Г. Холевчук, зарубежная психологическая наука, активно способствует органам расследования различными психологическими методами и средствами (зарубежные специалисты предлагают использовать весь комплекс тактических рекомендаций для диагностирования ложных показаний). В отечественных исследованиях наблюдается дефицит комплексных подходов к решению выше обозначенных проблем[190]. По этой причине для расширения возможностей применения указанного тактического приема в рамках различных методик на современном этапе от следователей (дознавателей) требуется личная инициатива в овладении теоретическими основами и прикладными аспектами их применения.

Обе вышерассмотренные ситуации значительно осложняются, когда участники уголовного судопроизводства, сообщая ложную информацию, таким образом осознанно противодействуют расследованию.

---

[188] Материалы уголовного дела 132218/18 // Архив СО УМВД России по городу Копейску Челябинской области за 2018 год.

[189] См. например: Холевчук А.Г. Альтернативные направления детекции лжи или как уйти от монополии полиграфа? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. № 6, 2014. С. 267-274; Его же. О необходимости применения современных методов детекции лжи в уголовном процессе // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы Междунар. науч.- практ. конф., 25–26 сентября 2014 г. / М-во внутр. дел РФ, Краснодар. ун-т МВД России, Новорос. фил. Краснодар. ун-та МВД России; [под общ. ред. канд. соц. наук В.А. Сосова]. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2014. С. 92-96.

[190] Холевчук А.Г. Тактика допроса «Адвокат дьявола» – новый подход в детекции лжи (опыт Великобритании и США) // Вестник Академии знаний. № 14 (3), 2015. С. 45.

Проблемам противодействия расследованию и его преодоления криминалисты обоснованно уделяют много внимания. Об этом свидетельствуют труды Э.У. Бабаевой, О.Я. Баева, Р.С. Белкина, А.Ф. Волынского, В.К. Гавло, А.Ю. Головина, В.Н. Карагодина, В.П. Лаврова, А.Ф. Лубина, И.В. Тишутиной, В.В. Трухачева, Н.П. Яблокова и других специалистов. Интересующие нас аспекты также нашли отражение в научных исследованиях[191].

Установление мотивов, которыми руководствуется лицо при даче ложных показаний, не всегда возможно на первоначальных этапах расследования. Перед следователем (дознавателем) стоит основная задача по проведению качественного анализа сообщаемой лицом информации. При этом основное предположение, конструируемое в случае наличия обоснованных сомнений в достоверности сообщаемой информации, в обобщенном виде можно сформулировать следующим образом: «Если человек хочет избежать наказания для себя или иного лица, он исказит информацию о преступлении, а если человек хочет добиться для другого лица наказания, то он придумает информацию о преступлении. При этом в первом случае в его памяти есть информация о преступлении, а во втором – нет».

В любом случае следователю важно выявить признаки искажения информации и проанализировать то, что сообщают участники процесса при производстве следственных действий. Итогом анализа должен стать вывод о признании сообщаемого либо достоверной и обладающей всеми общими и уникальными свойствами криминалистически значимой информацией, либо о признании сведений недостоверными. Здесь целесообразно применение тактического приема, основанного на знании следователем психофизиологических проявлений лжи в значимых для человека ситуациях. В связи с тем, что участие в уголовном судопроизводстве в статусе одного из его

---

[191] См., например: Бобраков И.А. Воздействие преступников на свидетелей и потерпевших и криминалистические методы его преодоления: дисс. … канд. юрид. наук. М., 1997; Вагабов Т.М. Указ. раб.; Карпенко О.А. Криминалистические средства и методы преодоления дачи заведомо ложных показаний свидетелями и потерпевшими: автореф. дисс. … кандидата юридических наук. М., 2018.

участников не является для среднестатистического человека обыденной ситуацией, то и сообщение им в данных условиях недостоверной информации несомненно будет отличаться от лжи в повседневных условиях. По этой причине в данном тактическом приеме следователь должен умело совместить и использовать в своих профессиональных интересах два ключевых обстоятельства: нахождение человека в непривычных для него стрессовых условиях и предпринимаемые лицом попытки лжи в данных условиях. Совокупность данных обстоятельств требует при реализации рассматриваемого тактического приема принципа внезапности и эффекта «выбивания из колеи», провоцирования потери контроля в ситуации и без того требующей максимального сосредоточения эмоциональных и мыслительных усилий от участника процесса.

Иными словами, при сообщении лицом определенной криминалистически значимой информации, следователю необходимо внезапно сделать нечто совершенно странное и неординарное, совсем не относящееся к содержанию следственного действия: внезапно рассмеяться, задать неожиданный вопрос не по теме (например, откровенного характера), или сказать нечто эпатажное (можно начать благодарить ни за что, комментировать внешний вид, строить возможные планы на совместное будущее и т.д.). Главное в данном случае – внезапными действиями и неожиданными словами, максимально не соответствующими обстановке, ошеломить человека. В дальнейшем необходимо предложить продолжить разговор либо повествование с того места, на котором следственное действие прервалось, или попросить участника еще раз напомнить, что он рассказывал[192].

Эффективность реализации этого тактического приема можно объяснить психофизиологической природой человека: ложь сама уже является стрессом (кроме случаев с патологическими лжецами либо наличием иных психолого-психиатрических расстройств личности, что составляет незначительную долю

[192] В психологии данный прием получил название «разрыв шаблона». Это косвенный метод воздействия на партнеров по общению в целях изменения из поведения. URL: https://www.psychologos.ru/articles/view/razryv-shablona (дата обращения: 21.09.2021).

всех участников уголовного судопроизводства и подлежит выявлению и диагностике в ходе криминалистического изучения участников) и «ставит» человека в ситуацию повышенной напряженности, сосредоточения мыслительных процессов и тотального контроля над всем объемом сообщаемой информации. Как неоднократно доказывалось в научных трудах, «три эмоции связаны с ложью – вина, страх и волнение»[193]. Они не могут быть скрыты, когда подозреваемый лжет, и могут быть чрезвычайно полезными в распознавании лжи интервьюером.

В данном случае для человека важно не только без противоречий и ошибок сообщить недостоверную информацию, но и самому остаться не уличенным во лжи. Любая провокация, выход ситуации из-под контроля, отступление от намеченного сценария, провоцируют усиление волнения и потерю контроля над эмоциональной и мыслительной сферами. И, если в условиях реально сохранившихся воспоминаний и впечатлений от имевшего место преступления, данные об этом хранятся в памяти человека и могут быть неоднократно воспроизведены с любого места и в любых условиях (обстоятельствах) вне зависимости от внешних раздражителей и стресс-факторов, то в ситуациях умышленного сообщения недостоверной информации лицу с большим трудом удастся (либо вовсе не удастся) вернуться к изложению информации в заранее продуманном ключе.

В практике расследования различных категорий преступлений эффективно зарекомендовал себя классический тактический прием, основанный на создании у участника процесса представления о наличии у следствия доказательств по делу, якобы изобличающих лицо во лжи. Основной характеризующей особенностью

---

[193] Фрай О. Ложь: три способа выявления. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. С. 34; Также по данному вопросу см., например: Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб.: Питер, 2010; Пиков И.Е. Проблемы использования нетрадиционных способов распознавания лжи на предварительном следствии // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. № 114, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https:// cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolzovaniya-netraditsionnyh-sposobov-raspoznavaniya-lzhi-na-predvaritelnom-sledstvii (дата обращения: 14.09.2020); Шаболтас А.В., Гранская Ю.В., Халеева М.В., Врай А. Вербальные характеристики распознавания обмана в разных условиях проведения интервью // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9. Вып. 1. С. 45-56; и др.

следственных ситуаций, в которых целесообразно применять указанный тактический прием, является наличие твердой уверенности у следователя (дознавателя) в недостоверности сообщаемой участником следственного действия криминалистически значимой информации при отсутствии конкретных фактов ее искажения.

При внешней простоте применения рассматриваемого тактического приема, его реализация на практике требует тщательной подготовки и всесторонней проработки. В противном случае, участник может догадаться о явном «блефе» со стороны следователя, что в дальнейшем приведет к утрате доверия, создаст атмосферу несерьезности происходящего и предоставит лицу дополнительные возможности по дальнейшему искажению криминалистически значимой информации. Поэтому уверенность следователя (дознавателя) в недостоверности сообщаемой информации должна базироваться на комплексе эмпирических, диагностических и фактических обстоятельств в совокупности. Как верно в данной связи отмечает А. Врай: «Та сильная уверенность в своих способностях, свойственная всем профессиональным экспертам по лжи, может нанести ущерб делу, над которым они работают, поскольку они могут менее внимательно изучать поведение испытуемого и это часто приводит к быстрым решениям, принятым на основании ограниченного объема информации»[194].

Так, например, при расследовании уголовного дела, возбужденного по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ (разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия) основной подозреваемый М. категорически отказывался сообщить информацию о сообщниках, хотя по видеозаписям с камер наружного наблюдения было достоверно установлено, что нападавших на ювелирный салон было трое. Эту информацию подтверждали свидетели. Несмотря не все предпринятые со

[194] Vrij A. Detecting Lies and Deceit. The Psychology of Lying and the Implications for Professional Practice. Chichester, New York, Weinheim, Brisbane, Singapore, Toronto, 2000. Перевод на рус. яз. А. Ершова, О. Исаков, В. Кулаков, Н. Миронов, А. Смирнов. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. С. 84.

стороны следствия усилия, установить личности действовавших в группе с М. не удавалось. М. настаивал на том, что он не знал сообщников, а умысел на совершение преступления сформировался внезапно, непосредственно перед совершением нападения. На основании оценки всей совокупности имевшейся информации по делу, руководствуясь личным внутренним убеждением в том, что М. хорошо знаком с подельниками и намеренно утаивает информацию о них, а также из-за отсутствия возможностей получить доказательства иными способами и из иных источников, при подготовке к проверке показаний на месте следователь решил прибегнуть к указанному тактическому приему.

В ходе проведения следственного действия, следователь неоднократно сопровождал показания М. комментариями «странно», «очень странно», и репликами «надо же, совсем не так, как говорила свидетель Н.» и «на запрос пришел совсем иной ответ», давая таким образом понять, что владеет определенным объемом конкретной информации по существу дела, и что показания М. находятся в противоречии с имеющимися доказательствами. На следующий день М. по своей инициативе попросил доставить его из ИВС, где содержался под стражей, к следователю и добровольно сообщил имевшуюся у него информацию. Как позже выяснилось, это было сделано еще и по причине нежелания выявления обстоятельств о ранее совершенных М. преступлениях. В связи с тем, что он не знал, какой именной информацией и в каком объеме владеет следователь, он, опасаясь ужесточения санкций за совершенное преступление и выявление обстоятельств ранее совершенных, принял решение сообщить обо всех известных ему обстоятельствах совершенного разбоя, в том числе и о его сообщниках.[195]

Таким образом, применение ситуационного подхода к проверочно-оценочной деятельности позволяет выделить и сгруппировать классические и нетрадиционные тактические приемы, которые могут быть эффективно использованы лицами, осуществляющими предварительное расследование.

[195] Материалы уголовного дела 020840/20 // Архив СО ОМВД России по Московскому району г. Калининграду за 2020 год.

Рассмотренные тактические приемы проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, позволяют оценить ее качество.

Когда выявление признаков искажения криминалистически значимой информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства, за счет проведения процессуальных действий и применения общеизвестных разработанных криминалистами тактических приемов невозможно, целесообразно использовать приемы распознавания информационного состояния субъекта на основе анализа его поведения в единстве вербальных и невербальных составляющих. Многочисленные современные технологии оценки качества сообщаемой участниками процесса информации являются самостоятельными элементами проверочно-оценочной деятельности лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование. Они имеют разную степень научной обоснованности. Их эффективное использование возможно лишь при наличии у следователя (дознавателя) предварительной теоретической, методической и организационной подготовки, умения распознавать ситуации, когда оправдано обращение к специалистам и экспертам, а когда нетрадиционные приемы могут быть применены должностным лицом самостоятельно. В любом случае указанные лица должны обладать знаниями и навыками грамотной интерпретации полученных таким образом результатов[196].

§ 2. Алгоритмизация проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной в ходе проведения следственных действий

Алгоритмизация различных процессов в криминалистике преследует основную цель – рациональное и эффективное решение задач уголовного судопроизводства. Иными словами, результативность всего длительного процесса

[196] Васильева О.А. Содержание проверки и оценки криминалистически значимой информации при производстве следственных действий // Евразийский юридический журнал. № 2 (129). 2019. С. 334-338.

уголовного судопроизводства возможно повысить, придерживаясь определенного порядка действий и применения определенного тактического инструментария в зависимости от складывающейся следственной ситуации. Исходя из междисциплинарного понятия «алгоритм», он представляет конечную совокупность точно заданных правил решения произвольного класса задач или набор инструкций, описывающих порядок действий исполнителя для решения некоторой задачи[197]. Таким образом, применительно к криминалистике алгоритм какого-либо процесса предполагает последовательность действий субъекта уголовного судопроизводства, зависящую от условий складывающейся следственной ситуации.

В исследованиях отдельных ученых-криминалистов встречается положение о том, что различные алгоритмы, применяемые в процессе расследования преступлений, образуют самостоятельный элемент частных криминалистических методик расследования[198]. Более того, в своих трудах на прогностическом уровне смело выражал свои научные воззрения Р.С. Белкин, обоснованно предсказывая неизбежность существенных изменений частных криминалистических методик: «Они упростятся и станут более похожи на алгоритмы расследования в собственном смысле этого понятия, т.е. на такие программы действий следователя, которые выглядят более жесткими и однозначными по сравнению с обычными частными методиками, где такие алгоритмы неизбежно

---

[197] См. например: Большая российская энциклопедия / Под ред. А.Л. Семенова, 2016. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://bigenc.ru/mathematics/text/1810305 (дата обращения: 18.09.2020); Игошин В.И. Математическая логика и теория алгоритмов. 2-е изд. М.: ИЦ «Академия», 2008; Кнут Д. Искусство программирования. Т. 1. Основные алгоритмы. 3-е изд. М.: Вильямс, 2006; Кормен Т.Х. Алгоритмы: вводный курс. М.: Вильямс, 2014; Успенский В.А. Математика – это гуманитарная наука // Троицкий вариант. № 2 (146), 2014. С. 4-6.

[198] См. например: Аронов А.В. Расследование преступлений, совершенных с целью незаконного корпоративного захвата: дисс. … канд. юрид. наук. Владимир, 2011; Крамская Е.С. Методика расследования грабежей и разбоев, совершаемых группами несовершеннолетних: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2008; Кучин О.С. Криминалистическая теория и практика выявления и расследования незаконного оборота ценностей: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2012; Столбов А.Н. Методика расследования заведомо ложного сообщения об акте терроризма: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2007; Федотов И.С. Расследование насильственных преступлений, совершаемых в отношении малолетних: правовые, теоретические и организационные основы: дисс. … д-ра юрид. наук. Воронеж, 2009; и др.

многовариантны и менее категоричны»[199]. Как верно отмечает А.С. Шаталов, сама идея криминалистической алгоритмизации и программирования расследования преступлений, отдельных его этапов, действий и протекающих внутри него процессов, отнюдь не нова. Возникнув на почве осознания криминалистами низкой научной и информационной вооруженности дознавателей и следователей, она послужила мощным импульсом для выявления недостатков в их деятельности и поиска путей их устранения[200].

Также следует согласиться с утверждениями о том, что в основе алгоритмизации процесса расследования находится совокупность тактических рекомендаций. Так, Т.С. Волчецкая и М.В. Авакьян справедливо указывают на то, что выбор какой-либо тактико-криминалистической рекомендации следователем (дознавателем) при производстве расследования по уголовному делу зависит от целого ряда ситуационных факторов. Прежде чем принять какое-либо решение, необходимо оценить имеющуюся у него информацию, определить наличие на определенный момент необходимых сил и средств, а также профессиональных знаний, дать правильную оценку ситуационной характеристике и возможностям использования данных элементов для решения стоящих перед ним задач. Поэтому, не случайно в научных исследованиях по тактике и методике расследования преступлений используется ситуационный подход, сущность которого заключается в познании события через анализ взаимосвязи и динамики ситуаций, его составляющих[201]. Таким образом, в криминалистической науке важное прикладное значение имеет разработка практических рекомендаций по алгоритмизации процесса расследования, в том числе при проверке и оценке криминалистически значимой информации с учетом ситуационного подхода.

---

[199] Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2001. С. 189.

[200] Шаталов А.С. Алгоритмизация и программирование расследования преступлений в системе криминалистической методики // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2, 2017. С. 164.

[201] Волчецкая Т.С., Авакьян М.В. Криминалистические приемы и методы поддержания государственного обвинения // Законность. № 6, 2016. С. 35-38.

Согласно результатам проведенного исследования, при расследовании преступлений возникают следственные ситуации, когда сотрудники органов предварительного следствия и дознания не смогли проверить и оценить информацию, собранную по уголовному делу. Так, у 5,8% опрошенных данные ситуации возникают постоянно, у 8,3% данные ситуации возникают часто, 39,2% опрошенных иногда сталкиваются с данными ситуациями, 37,9% респондентов сталкиваются с данными ситуациями редко. В связи с этим, наиболее актуальной и имеющей прикладное значение является разработка алгоритма действий сотрудников предварительного следствия и дознания в следственных ситуациях, обусловленных невозможностью проверки и оценки информации с помощью общепринятых организационно-правовых методов[202].

Также, с учетом новейших достижений кибернетики, компьютеризации и цифровизации всех сфер общественных отношений, многие ученые придерживаются мнения о том, что алгоритмы в криминалистике должны быть основаны на программно-целевом методе расследования конкретных видов преступлений, реализовываться на практике посредством разработки и последующего применения специализированных компьютерных программ расследования, раскрывающих последовательность действий следователя (дознавателя) в зависимости от исходных данных складывающейся следственной ситуации и автоматически (на основании обработки имеющейся информации по делу) указывать дальнейшее направление действий следователя (дознавателя)[203]. Признавая, и высоко оценивая современные возможности и достижения кибернетики, следует не согласится с представленной позицией, поскольку все

---

[202] См. Приложение 1 к диссертации.

[203] См. например: Белов О.А. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений. Монография. М.: Юрлитинформ, 2009; Енгибарян В.Г. Расследование массовых беспорядков: теоретические, организационные и методико-криминалистические основы: дисс... д-ра юрид. наук. М., 2015; Чужиков С.Ю. Программно-целевой метод в расследовании преступлений, совершенных в условиях неочевидности // Актуальные проблемы юридической науки: Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: актуальные проблемы юридической науки: материалы V юбилейной междунар. науч.-практ. конф. Ч. 4. Тольятти: ВУиТ, 2008. С. 219; Шаталов А.С. Алгоритмизация и программирование расследования преступлений в системе криминалистической методики // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2, 2017. С. 155-172.

особенности мыслительных процессов проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, основанных на внутреннем убеждении, интеллектуальных возможностях и нравственных основах субъекта оценки не могут быть предусмотрены в рамках определенной компьютерной программы и учтены искусственным интеллектом.

Соответственно, представляется возможным прийти к обоснованному выводу о том, что алгоритм проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, представляет собой научно обоснованное изложение последовательности действий следователя (дознавателя) применительно к складывающимся следственным ситуациям, выполнение которых обеспечивает: оптимальное и эффективное решение задач по расследованию преступлений; недопущение использования в качестве информационной основы расследования недостоверной информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства при производстве следованных действий; и установление истины по делу.

Также важно отметить, что любой алгоритм вне зависимости от сферы его применения и целевого назначения должен обладать определенными унифицированными свойствами, среди которых базовыми, универсальными и общеприменимыми являются:

1) дискретность – наличие последовательных «шагов» в алгоритме, выбор и последовательное осуществление которых зависит результата, полученного на предыдущем «шаге» алгоритма, а также возможность получения требуемого результата на любом из этапов алгоритма и возможность повторного прохождения алгоритма с любого из этапов в случае недостижения поставленной цели;

2) детерминированность – конкретность и однозначность содержания действий и операций в алгоритме, не допускающих их произвольного толкования, а также четкое следование рекомендациям, содержащимся применительно к каждому действию либо на определенном этапе прохождения алгоритма;

3) результативность – конечное количество операций в алгоритме, завершающееся обязательным получением какого-либо результата из возможных, предусмотренных алгоритмом;

4) универсальность – алгоритм должен обеспечить решение любой из однотипных задач, различающихся только исходными данными;

5) выполнимость – достижение результата с заданной точностью за конечное число шагов; репрезентативность (доказанность) получаемого результата. Иными словами, алгоритм не может выполняться бесконечно, и для каждого из его этапов с учетом сложности и специфики исходной следственной ситуации, а также особенностей, решаемых на этапе предварительного расследования задач, время, затрачиваемое на преодоление одного и того же этапа, не может существенно отличаться по продолжительности осуществляемых действий[204].

Разработанный авторский алгоритм проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, логично и последовательно отражает ранее обоснованные в работе теоретические выводы и практические предложения, за исключением рассмотренных в предыдущем разделе работы тактических приемов. Это объясняется тем, что тактические приемы проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, не образуют отдельного самостоятельного этапа проверки и оценки криминалистически значимой информации, применимы на протяжении всего процесса предварительного расследования и могут быть реализованы по усмотрению и инициативе следователя (дознавателя). Для применения при проверке и оценке

---

[204] Перечисленные свойства указаны применительно к рассматриваемой теме на основании результатов изучения и обобщения теоретических источников по теме исследования и адаптированы с учетом специфики данного раздела работы. Иными авторами также рассматриваются и выделяются другие свойства алгоритмов в зависимости от направленности исследований и сферы научных интересов. См., например: Грицаев С.И., Помазанов В.В., Заболотняя Ю.А. Компьютеризация целеопределения и планирования расследования // Научный журнал КубГАУ, № 108 (04), 2015. С. 491-499; Шаталов А.С. Проблемы алгоритмизации расследования преступлений: дисс.... д-ра юрид. наук. М., 2000; и др.

информации тактических приемов (как в совокупности, так и по отдельности) необходимо создание ситуации, в которой проверка и оценка имеющейся криминалистически значимой информации иными способами (последовательно указанными в алгоритме) невозможна или не приносит ожидаемых результатов.

Принципиально важным в общей структуре алгоритма является его подразделение на определенные самостоятельные этапы. При этом принятие следователем (дознавателем) решений в рамках проверки и оценки криминалистически значимой информации, касающихся ее качества, возможно не только по итогам прохождения всего алгоритма, но и на отдельных его этапах. В случаях, когда следователь (дознаватель) путем сопоставления проверяемой криминалистически значимой информации с иной информацией, имеющейся по делу, высокое качество которой не вызывает сомнений, приходит к внутреннему убеждению об отсутствии противоречий и наличию в проверяемой информации совокупности общих и уникальных свойств, то прохождение всех этапов алгоритма не обязательно.

Как справедливо отмечал Е.А. Доля, «нужно всегда иметь в виду, что в ходе проверки создаются условия для возможности осуществления дальнейшего процесса познания по уголовному делу - и самой проверки, и последующей оценки всей совокупности собранных и проверенных доказательств. Как в собирании доказательств уже в зародыше имеются все предпосылки для их последующей полной, всесторонней и объективной проверки, так и проверка содержит предпосылки для оценки совокупности доказательств, обуславливает реальность ее проведения. Отмеченная зависимость между собиранием, проверкой и оценкой доказательств как частями единого органического целого носит объективный характер и обусловлена самим объектом познания по уголовному делу – свойственной ему противоречивостью, невозможностью его познания сразу, в целом. В то же время она выступает одной из предпосылок

возможности постепенного проникновения в его общественно-правовую сущность»[205].

Согласно представленному авторскому алгоритму, содержание **первого его этапа** заключается в анализе криминалистически значимой информации, имеющейся в распоряжении следователя. На данном этапе предполагается осуществление комплекса процессуальных и непроцессуальных действий, направленных на получение, обобщение и изучение информации по делу. Главным образом, данные действия заключаются в:

– изучении источников информации по поступившему сообщению о преступлении (материалы проверки, результаты осмотра места происшествия, заявления, объяснения, материалы явки с повинной, результаты оперативно-розыскной деятельности, протоколы первичных следственных действий);

– осуществлении дополнительных проверочных действий (проведение следственных действий (в том числе повторных), истребование дополнительных сведений от оперативно-розыскных органов, назначение предварительных исследований, выезд следователя (дознавателя) непосредственно на место происшествия, консультации со специалистами);

– сопоставлении типового механизма преступления с фактическими обстоятельствами проверяемого события;

– поэлементном анализе каждого следа преступления и каждого блока информации, заключенного в источниках информации;

– оценке криминалистически значимой информации и построении вероятностной модели механизма преступления.

Криминалистическая диагностика может быть использована при анализе любого из элементов (и связей между ними) при условии их материальной фиксации, несущей определенный информационный потенциал о событии, факте, явлении, объекте. Поэтому **второй этап** заключается в

---

[205] Доля Е.Л. Проверка доказательств в российском уголовном процессе (стадия предварительного расследования) // Правоведение. № 1, 1994. С. 27-28.

дифференциации криминалистически значимой информации в зависимости от ее качественных характеристик.

На данном этапе вся совокупность информации подлежит критической оценке с целью ее подразделения на отдельные информационные отрезки и составляющие, а также обобщение по информационным блокам в зависимости от наличия либо отсутствия совокупности общих и уникальных свойств. Относительно криминалистически значимой информации высокого качества, свойства которой подтверждены по результатам ее проверки и оценки следователем (дознавателем), уже на данном этапе может быть принято решение о том, что она не нуждается в дальнейшей проверке. Более того, данная криминалистически значимой информации в дальнейшем служит ориентиром для проверки и оценки иной информации, полученной при производстве следственных действий, то есть является определенным информационным эталоном.

При наличии криминалистически значимой информации среднего и низкого качества необходимо осуществление комплекса проверочно-оценочных действий. Поскольку применительно к данной информации отсутствие определенных общих и уникальных свойств указывает на возможность ее искажения (умышленного и неумышленного), существуют обоснованные сомнения в ее соответствии действительности.

Таким образом, выявление признаков искажения информации, полученной при производстве следственных действий, составляет основное содержание действий следователя (дознавателя) в рамках **третьего этапа алгоритма**. На данном этапе целесообразно проведение следующих действий: производство судебных экспертиз; привлечение специалистов; самостоятельное использование следователем (дознавателем) собственных знаний в различных областях, а также профессионального и жизненного опыта при необходимости устранения противоречий, имеющихся в сведениях, сообщаемых участниками уголовного судопроизводства.

Подробно содержание и порядок указанных действий описаны во втором параграфе диссертационного исследования. Применительно к разработанному алгоритму важно отметить, что вне зависимости от выбора следователем (дознавателем) формы использования специальных знаний (при этом возможно одновременное применение двух либо всех указанных форм), предпринимаемые на данном этапе действия имеют общую целевую направленность – получение результата применения специальных знаний и его оценка. Соответственно, основной задачей данного этапа является решение вопроса о достоверности / недостоверности криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий и как следствие - определение ее качества и решение вопроса о возможности / невозможности ее использования в качестве информационной основы дальнейшего процесса предварительного расследования.

В случае подтверждения достоверности информации по результатам применения специальных знаний в ходе последующей оценки она может быть отнесена следователем (дознавателем) к криминалистически значимой информации высокого качества. В случае установления по результатам применения специальных знаний фактов сообщения недостоверной криминалистически значимой информации**,** важно установить характер и мотивы сообщения участниками уголовного судопроизводства информации, не соответствующей действительности – умышленно либо непреднамеренно (в виду объективных или субъективных причин). Достижению этой цели, во многом, может способствовать детальное криминалистическое изучение личности участников уголовного судопроизводства.

Анализ возможных мотивов сообщения не соответствующей действительности криминалистически значимой информации является **четвертым этапом алгоритма.**

Порядок действий следователя (дознавателя) применительно к данному этапу алгоритма в зависимости от складывающихся следственных ситуаций был рассмотрен в первом параграфе второй главы. Здесь важно остановиться на

ключевых моментах данного этапа, являющихся общими для всех следственных ситуаций вне зависимости от мотивов сообщения участниками недостоверной криминалистически значимой информации.

Поскольку, криминалистическое изучение личности участников уголовного судопроизводства является значительным по объему и содержанию этапом проверки и оценки криминалистически значимой информации, требующим от следователя (дознавателя) сосредоточения мыслительных и аналитических ресурсов, профессионализма, объективности и желания объективно расследовать преступление, то на протяжении всего этапа необходимо выполнить необходимое количество действий и в последующем оценить полученные результаты, в совокупности. По указанным причинам общими в отношении всех участников уголовного судопроизводства действиями, направленными на установление мотивов сообщения недостоверной криминалистически значимой информации, являются контактные и бесконтактные формы работы с ними следователя (дознавателя).

К общим контактным формам относятся: допрос участника уголовного судопроизводства (в том числе беседа, как непроцессуальный способ изучения личности); допросы свидетелей из числа родственников и близкого круга общения, соседей, коллег по работе, руководителей и пр.; наблюдение (может осуществляться как в естественных условиях, когда изучаемое лицо об этом не знает, так и при непосредственном контакте с изучаемым в специально созданной обстановке). Общим признаком для всех указанных контактных форм криминалистического изучения личности является личная вовлеченность следователя (дознавателя) в процесс получения информации непосредственно от субъекта – носителя информации, возможность наблюдения за лицом и анализа поведенческих особенностей в процессе непосредственного контакта.

Бесконтактные формы предполагают работу аналитического характера применительно к содержанию истребованных документов, ответов на запросы и иных источников биографического, социального и медицинского характера без

непосредственного контакта с лицом, в отношении которого данная информация предоставлена, например:

– изучение биологических, психологических и социальных свойств участника процесса (гражданство, семейное положение, состав семьи, в том числе в период детства и отрочества, взаимоотношения с родственными связями, образование, вид профессиональной деятельности, социальный статус, юридическая грамотность, вероисповедание, сексуальная ориентация и др.);

– изучение личных документов допрашиваемого (паспорта, диплома об образовании, документов о наградах, записной книжки, дневника и т.д.);

– истребование официальных характеристик с места работы, службы, учебы, а также по месту жительства;

– истребование и приобщение к материалам уголовного дела медицинских документов (медицинских книжек, историй болезни, выписок из них);

– направление запросов в информационные центры органов внутренних дел на предмет получения сведений о судимости, фактах привлечения к уголовной ответственности, обращая внимание на квалификации деяний, ранее инкриминируемых участнику следственных действий, и о совершенных правонарушениях, учитывая вид и степень понесенной уголовной и административной ответственности;

– получение дополнительных данных из местных органов полиции (об имевших место задержаниях, криминальных склонностях, выплате штрафов и т.д.).

Важно отметить, что на практике в процессе криминалистического изучения личности участников уголовного судопроизводства редко встречаются в отдельности только контактные либо исключительно бесконтактные формы. Применение только лишь бесконтактных форм криминалистического изучения личности оправдано только в случаях полной невозможности личного контакта с лицом, например, в случае смерти потерпевшего (либо иного участника уголовного судопроизводства). В остальных случаях оправдано применение

контактных и бесконтактных форм в совокупности, поскольку с позиций криминалистики каждая из форм обладает определенной спецификой и образует уникальность восприятия информации субъектом ее проверки и последующей оценки. По этой причине в каждом из блоков разработанного алгоритма, связанных с установлением мотивов сообщения недостоверной криминалистически значимой информации, содержатся как контактные, так и бесконтактные формы ее проверки.

По результатам проверки криминалистически значимой информации на предмет установления причин ее искажения возможно получение следующих результатов:

1) подтверждение соответствия действительности криминалистически значимой информации;

2) подтверждение недостоверности криминалистически значимой информации.

В первом случае информация может быть отнесена к криминалистически значимой информации высокого качества, а во втором – к криминалистически значимой информации низкого качества. Криминалистически значимая информация низкого качества не может использоваться далее в качестве доказательственной, однако может быть учтена как вспомогательная при оценке поведения участников судопроизводства.

Итоговая оценка криминалистически значимой информации на предмет возможности использования ее в качестве доказательственной – это **пятый этап алгоритма.**

Таким образом, цели и задачи проверки криминалистически значимой информации считаются достигнутыми, когда пройдены все этапы алгоритма. Если на одном из этапов возникают сложности, и следователь (дознаватель) осознает, что поставленная цель не может быть достигнута, а задачи не могут быть решены, необходимо вернуться к предыдущему этапу алгоритма и либо скорректировать поставленные задачи, либо выбрать иные средства их решения из числа предложенных в алгоритме. При этом при расследовании конкретного

уголовного дела количество применений данного алгоритма не ограничено и зависит от следственной ситуации в целом, от длительности расследования, его сложности, объективных потребностей следствия и периодичности проявления вновь открывшихся обстоятельств.

Разработанный алгоритм был неоднократно апробирован автором на практике в период работы в должности следователя 2-го отдела СУ УМВД России по г. Калининграду.

Так, например, по материалам уголовного дела № 200015/17, возбужденного в Гурьевском межрайонном следственном отделе СУ СК РФ по Калининградской области по ст. 105 УК РФ, по факту убийства гр. Хотемского П.Т., предварительным следствием было установлено, что в период времени с 20 по 24.01.2017 года в пос. Луговое Гурьевского района Калининградской области у Г. возник преступный умысел, направленный на совершение убийства Х. Об этом он сообщил своему знакомому М. и попросил его помочь отвезти Х. в безлюдное место под надуманным предлогом, а также предоставить обрез охотничьего ружья и боеприпасы к нему, на что М. согласился.

После этого, М. передал Г. ружье и боеприпасы к нему, а затем, по просьбе последнего, из пос. Луговое Гурьевского района М. на принадлежащем ему автомобиле отвез Г. и Х. на территорию военного полигона войсковой части № 54129, расположенного в Правдинском районе Калининградской области, где Г. совершил убийство Х. После совершенного убийства Г. передал М. ружье, которое последний спрятал, при этом зная, что оно является орудием убийства.

Допрошенный в качестве обвиняемого по обстоятельствам уголовного дела, М. вину не признал, пояснив, что убийство Х. было совершено не им, а его знакомым Г. При этом он не отрицал, что к месту, где было совершено преступление, он привез Х. и Г. на принадлежащем ему автомобиле, и что предоставил последнему обрез охотничьего ружья и боеприпасы к нему. На вопрос следователя об осознании его косвенной причастности к преступным событиям, М. подтверждал, что примерно представлял себе преступный замысел Г., хотя и не был до конца в нем уверен. Но при этом указывал, что в

случае его отказа подвезти Г. и Х. к полигону и передать Г. обрез охотничьего ружья, Г. в любом случае исполнил бы задуманное несмотря на отказ М. Допрошенный в качестве обвиняемого Г. вину в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, не признал, пояснив, что убийство Х. было совершено М., при этом указав на отсутствие какого-либо мотива у последнего.

Оценив имеющуюся по делу криминалистически значимую информацию, а также осознавая, что иных источников информации по делу не имеется, следователь пришел к выводу, что обладает сведениями, по совокупности признаков, относящихся к криминалистически значимой информации среднего и низкого качества. В результате чего прибегнул к детальному криминалистическому изучению личности Г. и М. в результате допросов соседей, коллег и знакомых Г. и М. удалось установить, что Г. и М. находятся в длительных дружеских отношениях. Значительных конфликтов за это время между ними не наблюдалось, отношения строились на доверительной и уважительной основе. Более того, Г. в 2014 году спас М. от смерти, когда они вместе с другими знакомыми отправились на охоту, М. провалился в болото и начал тонуть. При этом Г., рискуя собственной жизнью, вытащил М. из трясины, после чего М. на протяжении длительного времени в различных ситуациях говорил, что обязан Г. жизнью и является его должником.

Также на основании свидетельских показаний было установлено, что у М. отсутствовал мотив на убийство Х., в то время как Г. приревновал Х. к своей жене, заподозрил их в интимной связи и неоднократно публично угрожал Х., между ними неоднократно случались драки. Последний конфликт имел место непосредственно перед убийством Х. Назначенные в отношении Г. и М. психолого-психиатрические экспертизы не выявили у подэкспертных каких-либо психиатрических патологий и отклонений, а также состояний, способных оказать влияние на их способность оценивать свои действия и руководить ими.

Таким образом, криминалистическое изучение участников согласно разработанному алгоритму проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, позволило

следователю прийти к ряду обоснованных и подтвержденных выводов: 1) у Г. имелся мотив на убийство Х., в то время, как у М. – нет; 2) и у Г., и у М. имелись мотивы на умышленное сообщение недостоверной криминалистически значимой информации ввиду наличия между ними длительных дружеских отношений; 3) благодарность Х. за то, что Г. спас ему жизнь наложила на Х. моральные обязательства, реализовавшиеся в виде помощи Г. в совершении преступления и дальнейшем сокрытии фактов об этом; 4) у обоих подозреваемых отсутствовали патологии психолого-психиатрического спектра, способные оказать влияние на их действия и способность воспринимать информацию.

Результаты проведенной оценки, полученной по делу криминалистически значимой информации, позволили следователю определить сложившуюся следственную ситуацию, как типовую ситуацию (наличие острых противоречий в содержании криминалистически значимой информации, сообщаемой разными участниками следственных действий, которая может осложниться конфликтом между ними) и принял решение о необходимости прибегнуть к вышеуказанному тактическому приему. В результате чего была проведена проверка показаний на месте с одновременным участием Г. и М. с применением видеозаписи. В ходе чего, в момент, когда М. указывал место, где высаживал из автомобиля, а в дальнейшем – забирал Г. после совершения преступления, следователем был задан вопрос о том, в каком эмоциональном состоянии находился Г. после того, как сел обратно в автомобиль. При этом следователь попросил подозреваемого акцентировать внимание именно на эмоциональных проявлениях Г. в тот момент. На что М. начал пояснять, что Г. был крайне взволнован, у него дрожал голос и тряслись руки, он непрерывно оглядывался, вытирал руками лицо, при этом Г. показалось, что его лицо мокрое от слез и Г. испытывал сильный страх. Неожиданно Г., присутствовавший в месте проведения очной ставки, начал кричать: «Я мужик! Я грохнул этого гада хладнокровно и ни один мускул не дрогнул. И сделал бы это еще раз, если бы он снова появился в нашей жизни! Что ты … несешь про то, что я плакал? Я вытирал пот с лица!». Таким образом, применение данного тактического приема

было полностью оправданным и целесообразным, поскольку в результате его применения удалось получить криминалистически значимой информации высокого качества и установить истину по делу.

Приведенный пример применения на практике разработанного автором алгоритма проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, наглядно демонстрирует его эффективность. Алгоритм является комплексным методом решения широкого спектра задач, связанных с проверкой и оценкой, имеющейся по делу криминалистически значимой информации, недопущения использования в качестве информационной основы расследования недостоверной информации, не соответствующей действительности. Алгоритм имеет универсальный характер и может быть использован при расследовании различных категорий преступлений следователями (дознавателями) с разным уровнем профессиональной подготовки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сформулировать теоретические выводы и практические предложения, направленные на повышение эффективности проверки криминалистически значимой информации при расследовании преступлений.

Теоретические выводы:

1. Организационно-тактические основы проверки криминалистической значимой информации при расследовании преступлений включают: общие положения (содержание криминалистически значимой информации, ситуационный подход к ее проверке при расследовании преступлений; следственные действия, как один из основных способов собирания и проверки криминалистически значимой информации; криминалистические аспекты проверочно-оценочной деятельности лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование); организационно-тактические приемы работы с криминалистически значимой информацией.

2. Криминалистически значимая информация, полученная при производстве следственных действий, характеризуется таким ее свойством, как качество, что и является основанием классификации, влияющей на ее проверку при расследовании преступлений. Качество информации выражается в ее общих и уникальных свойствах. С применением данного критерия криминалистически значимую информацию, полученную при производстве следственных действий, следует подразделять на информацию высокого качества, информацию среднего качества и информацию низкого качества. Информация, в которой в полной мере представлены все общие и уникальные свойства, является информацией высокого качества; информация, содержащая большее количество указанных свойств в отсутствие отдельных из них относится к информации среднего качества; информация, отражающая лишь отдельные из указанных свойств, является информацией низкого качества. При определении качества криминалистически значимой информации не

следует отождествлять понятия «истинность» (соответствие действительности) и «достоверность» (доказанность), которые в криминалистике, науке уголовно-процессуального права, других областях знания принято разграничивать, а также приравнивать оценку качества информации, сообщаемой участниками судопроизводства, к оценке доказательств.

3. «Проверка» и «оценка» криминалистически значимой информации не являются синонимичными понятиями, имеют различную целевую направленность и представляют собой два значительных, самостоятельных этапа работы следователя (дознавателя) с полученной информацией. Проверка криминалистически значимой информации при расследовании преступлений – это деятельность сотрудников органов предварительного следствия и дознания, направленная на распознавание свойств информации, уже имеющейся по уголовному делу, содержащейся в следовой картине преступления, документах, показаниях участников судопроизводства, а также на получение новой информации, которая может быть использована в расследовании. Оценка криминалистически значимой информации – это мыслительная деятельность следователя (дознавателя) по распознаванию и выявлению совокупности общих и уникальных свойств имеющейся по делу информации и принятию решения о возможности (невозможности) ее использования в процессе доказывания. Проверка криминалистически значимой информации имеет объективный характер, осуществляется строго в инициативном порядке при наличии сомнений в соответствии информации действительности. Оценка криминалистически значимой информации имеет субъективный характер, тесно взаимосвязана с внутренними мыслительными (интеллектуальными) процессами субъектов, уполномоченных осуществлять предварительное расследование.

4. Установление достоверности криминалистически значимой информации необходимо связывать с достижением такого результата при ее проверке и оценке, когда делается единственно правильный вывод о соответствии полученных сведений об обстоятельствах уголовного дела объективной действительности и фактическим событиям, составляющим общую картину

совершенного преступления. При этом достижение указанного результата на практике не всегда возможно исключительно процессуальным путем. При расследовании преступления необходимо использовать комплекс тактических приемов при проверке и оценке имеющейся криминалистически значимой информации, что обусловлено спецификой складывающихся по делу следственных ситуаций.

5. Следственные ситуации и обстоятельства расследования конкретного преступления оказывают существенное влияние на тактику проверки криминалистически значимой информации. Проверка и оценка могут осуществляться в неразрывной взаимосвязи либо существовать опосредованно в качестве двух самостоятельных не связанных между собой процессов. Принципиально важным обстоятельством при этом является наличие (отсутствие) у следователя (дознавателя) сомнений в соответствии действительности имеющейся по делу криминалистически значимой информации. При наличии таких сомнений, формирующихся в процессе оценки, информация подлежит проверке, а после проверки – повторной оценке путем сопоставления с исходной информацией и с иными доказательствами, имеющимися по делу. В этом случае проверка и оценка криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, существуют в строгой взаимозависимости и не могут осуществляться отдельно друг от друга. В случае отсутствия сомнений в объективности и полноте имеющейся криминалистически значимой информации, а также отсутствия противоречий доказательств по делу между собой ее проверка может не требоваться. Таким образом, в данном случае оценка криминалистически значимой информации осуществляется согласно внутреннему убеждению следователя как самостоятельный мыслительный процесс.

6. Тактико-психологическое обеспечение проверки криминалистической значимой информации, полученной от участников уголовного судопроизводства, определяется: ситуационным походом к изучению личности участников уголовного судопроизводства (тактика изучения личности в ситуации умышленного сообщения лицом ложной информации; тактика изучения личности в

ситуации сообщения участником судопроизводства ложной информации ненамеренно ввиду объективных обстоятельств; тактика изучения личности в ситуации сообщения участником судопроизводства ложной информации ненамеренно по субъективным причинам); использованием специальных знаний при проверке криминалистически значимой информации; тактическими приемами подготовки и производства следственных действий (вербальных, невербальных, смешанных).

7. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что в ходе проверочно-оценочной деятельности лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование, информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства, при изучении их личности следует принимать во внимание не процессуальный статус, а ситуацию, складывающуюся при расследовании преступления. Ключевым фактором, обусловливающим соответствие действительности сообщаемых участниками уголовного производства сведений, является не их процессуальный статус, а комплекс факторов, как объективного, так и субъективного характера, оказывающих непосредственное влияние на качество и содержание воспринятой и передаваемой информации.

8. Представляется обоснованным самостоятельное овладение сотрудниками правоохранительных органов специальными знаниями в объеме, необходимым для решения диагностических задач при проверке и оценке криминалистически значимой информации, полученной на разных этапах расследования. Это особенно важно при сообщении участниками уголовного судопроизводства противоречивых, взаимоисключающих сведений. Кроме того, поскольку законодательством порядок формирования новых видов судебных экспертиз не определен, контроль за применением передовых технологий при обращении за помощью к специалистам и экспертам косвенным образом возлагается на лиц, несущих бремя доказывания. Результат использования специальных знаний при проверке и оценке криминалистически значимой информации влияет на

содержание мыслительных процессов и аналитической деятельности следователя (дознавателя), поэтому он не всегда должен выражаться в процессуальной форме.

9. Взаимосвязь следственных ситуаций, складывающихся при расследовании преступлений, и доступность имеющихся различных тактических приемов, позволяющих субъекту расследования достичь цели уголовного судопроизводства, обусловливают необходимость использования ситуационного подхода при проверке криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, за счет разработки групп конкретных тактических приемов. Многочисленные современные технологии оценки качества сообщаемой участниками процесса информации являются самостоятельными элементами проверочно-оценочной деятельности лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование. Они имеют разную степень научной обоснованности. Их эффективное использование возможно лишь при наличии у следователя (дознавателя) предварительной теоретической, методической и организационной подготовки, умения распознавать ситуации, когда оправдано обращение к специалистам и экспертам, а когда нетрадиционные тактические приемы могут быть применены должностным лицом самостоятельно.

10. Разработанный алгоритм проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, является комплексным методом решения широкого спектра задач, связанных с проверкой и оценкой имеющейся по делу криминалистически значимой информации, недопущением использования в качестве информационной основы расследования сведений, не соответствующих действительности. Алгоритм носит универсальный характер и может быть применен при расследовании различных категорий уголовных дел следователями (дознавателями), имеющими различные уровни профессиональной подготовки.

Научно-практические рекомендации. Исходя их того, что проверка информации, имеющейся по делу, необходима для того, чтобы она могла быть переведена из разряда криминалистически значимой в доказательственную либо

отвергнута как недостоверная, в целях повышения эффективности расследования преступлений рекомендуется:

1. Внедрение в практику органов предварительного расследования разработанного алгоритма проверки и оценки информации, полученной при производстве следственных действий, практическое применения которого направлено на получение однозначно интерпретируемого результата относительно качества криминалистически значимой информации.

2. Применение следователем (дознавателем) рекомендуемых соискателем тактических приемов призвано обеспечить формирование ситуаций, когда сообщение лицом заведомо ложной криминалистически значимой информации будет для него лишено смысла, а также ситуаций, в которых сообщение лицом информации, не соответствующей действительности (как умышленно, так и ненамеренно), не помешает осуществить ее проверку и оценку во избежание использования в дальнейшем недостоверной информации в качестве криминалистически значимой.

3. Организация на уровне региональных ведомственных центров повышения квалификации следователей и дознавателей по направлению «Методы и средства проверки и оценки криминалистически значимой информации лицами, осуществляющими предварительное расследование преступлений».

Перспективы развития темы диссертационного исследования заключаются в дальнейших: детальном изучении природы и специфики криминалистически значимой информации в качестве самостоятельной криминалистической категории; определении критериев качества криминалистически значимой информации на основе междисциплинарного подхода; научно-теоретической разработке новых результативных способов, приемов и средств проверки и оценки криминалистически значимой информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства.

Список использованных источников

I. Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.12.2021) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.12.2021).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.09.2021) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.12.2021).

4. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об оперативно – розыскной деятельности» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.12.2021).

5. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 11.06.2021) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.12.2021).

6. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.12.2021).

7. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.12.2021).

8. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 02.0.2021) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.12.2021).

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р «О перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.09.2021).

10. Приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 (ред. от 11.09.2018) «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.09.2021).

11. Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» (зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 № 30544) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.09.2021).

II. Книги (монографии, учебники, учебные пособия, курсы лекций)

12. Аверьянова, Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории: для использования в учебном процессе по специальности «Судебная экспертиза» / Т.В. Аверьянова. – Москва : Норма: Инфра-М, 2014. – 479 с.

13. Аверьянова, Т.В. Криминалистика / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская; под общ. ред. Р.С. Белкина. – Москва : НОРМА, 2003. – 368 с.

14. Аудиовизуальная психодиагностика: Практикум для студентов средних и высших педагогических учебных заведений / Авт.-сост. А.И. Ушатиков, О.Г. Ковалев, В.Н. Борисов. – Москва : Издательский центр «Академия», 2000. – 112 с.

15. Багмет, А.М. Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий): научно-практическое пособие / А.М. Багмет, А.Н. Гусев, В.Ф. Енгалычев, Г.К. Кравцова, В.И. Седин, Е.Н. Холопова. – Москва : Московская академия СК России, 2018. – 192 с.

16. Баддли, А. Память / А. Баддли, М. Айзенк, М. Андерсон; пер. с англ.; под ред. Т.Н. Резниковой. – Санкт-Петербург : Питер, 2011. – 560 с.

17. Баев, О.Я. Основы криминалистики: курс лекций / О.Я. Баев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Экзамен, 2003. – 318 с.

18. Баев, О.Я. Тактика следственных действий: учебное пособие / О.Я. Баев. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – 208 с.

19. Белкин, Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т.3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р.С. Белкин. – Москва : Юристь, 1997. – 480 с.

20. Белкин, Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики / Р.С. Белкин. – Москва : Высшая школа МВД СССР, 1970. – 130 с.

21. Белкин, Р.С. Криминалистическая энциклопедия: Справ. пособие для курсантов, слушателей и преподавателей учеб. заведений МВД, адъюнктов, докторантов, науч. сотрудников и практ. работников органов внутр. дел / Р.С. Белкин. – 2-е изд., доп. – Москва : Мегатрон-XXI, 2000. – 333 с.

22. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики: монография / Р.С. Белкин. – Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2001. – 237 с.

23. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике / Р.С. Белкин. – М. : Юрид. лит., 1988. – 302 с.

24. Белкин, Р.С. Криминалистика. Общетеоретические проблемы / Р.С. Белкин, А.И. Винберг. – Москва : Юрид. лит., 1973. – 264 с.

25. Белов, О.А. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений: монография / О.А. Белов. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 136 с.

26. Бессонов, А.А. Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений: монография / А.А. Бессонов. – Москва : Проспект, 2021. – 816 с.

27. Волчецкая, Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография / Т.С. Волчецкая: под ред. проф. Н.П. Яблокова. – Калининград : Калининградский ун-т, 1997. – 248 с.

28. Гучок, А.Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления: монография / А.Е. Гучок. – Минск : Тесей, 2012. – 228 с.

29. Давыдов, В.О. Информация в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений: теория, практика, инновации / В.О. Давыдов. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 248 с.

30. Доспулов, Г.Г. Психология показаний свидетелей и потерпевших / Г.Г. Доспулов, Ш.М. Мажитов; АН КазССР. Ин-т философии и права. – Алма-Ата : Наука, 1975. – 192 с.

31. Драпкин, Л.Я. Криминалистика: учебник / Л.Я. Драпкин, В.Н. Карагодин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 766 с.

32. Дулов, А.В. Основы формирования криминалистической теории доказывания : монография / А.В. Дулов, А.С. Рубис. – Минск : Харвест, 2005. – 264 с.

33. Енгалычев, В.Ф. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий): монография / В.Ф. Енгалычев, Г.К. Кравцова, Е.Н. Холопова. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 328 с.

34. Еремина, Т.И. Визуальная психодиагностика. Экспресс-методы идентификации личности по внешности, мимике и жестам: учебное пособие / Т.И. Еремина. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2012. – 236 с.

35. Заровнева, Г.С. Криминалистические аспекты розыскной и поисковой деятельности следователя: монография / Г.С. Заровнева. – Москва : Проспект, 2016. – 112 с.

36. Зорин, Г.А. Криминалистическая методология / Г.А. Зорин. – Минск : Амалфея, 2000. – 607 с.

37. Кадыров, Р.В. Судебная экспертиза по выявлению психологических признаков достоверности/недостоверности информации по видеозаписям следственных действий: методические рекомендации / Р.В. Кадыров, В.В. Калита. – Ульяновск : Зебра, 2017. – 74 с.

38. Комиссарова, Я.В. Основы полиграфологии: учебник для магистров / Я.В. Комиссарова. – Москва : Проспект, 2016. – 189 с.

39. Комиссарова, Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика / Я.В. Комиссарова. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 368 с.

40. Комиссарова, Я.В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений / Я.В. Комиссарова, В.В. Семёнов. – Москва : Юрлитинформ, 2004. – 224 с.

41. Корма, В.Д. Криминалистическое распознавание: теория, метод, модели технологий: монография / В.Д. Корма, В.А. Образцов. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 416 с.

42. Криминалистика: учебник (уровень специалитета) / Под ред. А.И. Бастрыкина, Е.П. Ищенко, Я.В. Комиссаровой. – Москва : Проспект, 2019. – 616 с.

43. Криминалистическое изучение личности: научно-практическое пособие для магистров / Отв. ред. Я.В. Комиссарова. – Москвас: Проспект, 2017. – 224 с.

44. Криминалистическое обеспечение национальной безопасности: учеб. пособие / Под ред. д-ра. юрид. наук, проф. Е.П. Ищенко. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 480 с.

45. Криминалистические средства и методы собирания доказательств: учебное пособие / Отв. ред. Е.П. Ищенко. – Москва : Проспект, 2016. – 288 с.

46. Крылов, В.В. Современная криминалистика. Правовая информатика и кибернетика / В.В. Крылов. – Москва : ЛексЭст, 2007. – 270 с.

47. Кучевой, И.Д. Соотношение тождества и различия (на материале криминалистики) / И.Д. Кучевой, С.Л. Морозов. – Минск : Наука и техника, 1968. – 200 с.

48. Лабунская, В.А. Невербальное поведение: (Социал.-перцептив. подход) / В.А. Лабунская; Отв. ред. И.П. Шкуратова; Рост. гос. ун-т им. М.А. Суслова. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1986. – 135 с.

49. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1977. – 304 с.

50. Морозов, В.П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация / В.П. Морозов; под общ. ред. В.И. Медведева; РАН. Ин-т психологии, Центр «Искусство и наука». – Москва : Ин-т психологии РАН, 1998. – 164 с.

51. Образцов, В.А. Преступление. Расследование. Проверка достоверности информации : научно-методическое пособие / В.А. Образцов, Н.В. Кручинина. – Москва : Книжная находка, 2002. – 160 с.

52. Организация неотложных следственных действий: учеб. пособие / Под ред. канд. юрид. наук, доц. О.В. Волоховой. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 368 с.

53. Орлов, Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю.К. Орлов. – Москва : Юристъ, 2009. – 174 с.

54. Основы профайлинга в обеспечении безопасности на транспорте: учебно-методический комплекс / Под общ. ред. В.А. Кудина. – Санкт-Петербург : СПбУ МВД России, 2011. – 417 с.

55. Полевой, Н.С. Криминалистическая кибернетика: Теория и практика математизации и автоматизации информ. процессов и систем в криминалистике: учеб. пособие для вузов по спец. «Правоведение» / Н.С. Полевой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Изд-во МГУ, 1989. – 324 с.

56. Россинская, Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» / Е.Р. Россинская. – М. : Юрайт : Право и закон, 2002. – 383 с.

57. Россинская, Е.Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Судебная экспертиза», квалификация «Судебный эксперт» / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской; Московский гос. юридический ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2016. – 367 с.

58. Россинский, С.Б. Следственные действия / С.Б. Россинский. – Москва : Норма, 2018. – 238 с.

59. Савельева, М.В. Криминалистика: учебник / М.В. Савельева, А.Б. Смушкин. – Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2008. – 607 с.

60. Семёнов, В.В. Специальные, правовые и методические аспекты бесконтактной оценки ситуационной осведомленности: учеб.-метод. пособие / В.В. Семёнов, Д.Л. Иванов, Л.Н. Иванов. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 208 с.

61. Соколова, О.А. Криминалистическая диагностика человека в раскрытии и расследовании преступлений: монография / О.А. Соколова, С.В. Бажанов. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 245 с.

62. Степанов, В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлении / В.В. Степанов. – Саратов: Изд-во Сарат. юрид. ин-та, 1972. – 142 с.

63. Столяренко, А.М. Психологические приемы в работе юриста / А.М. Столяренко. – Москва : Юрайт, 2000. – 283 с.

64. Суворова, Г.А. Психология деятельности: учебное пособие для студентов психологических и педагогических вузов / Г.А. Суворова. – М. : Пер Сэ, 2003. – 175 с.

65. Суворова, Л.А. Идеальные следы в криминалистике / Л.А. Суворова. – Москва : Юрлитинформ, 2006. – 196 с.

66. Томас, Х. Кормен. Алгоритмы : вводный курс / Х. Томас Кормен. – Москва : Вильямс, 2014. – 208 с.

67. Топорков, А.А. Криминалистика: учебник: для курсантов, слушателей и студентов высших учебных заведений по специальности «Юриспруденция» / А.А. Топорков. – Москва : Контракт : ИНФРА-М, 2012. – 462 с.

68. Усманов, Р.А. Информационные основы предварительного расследования / Р.А. Усманов; под ред. д-ра юрид. наук А.А. Белякова. – Москва : Юрлитинформ, 2006. – 208 с.

69. Фрай, О. Ложь: три способа выявления / О. Фрай. – Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2006. – 286 с.

70. Хвалин, В.А. Орудия преступления как объект криминалистики и следственной практики : курс лекций / В.А. Хвалин. – Москва : Старая Басманная, 2000. – 64 с.

71. Шаповалов, В.А. Методы психологической оценки достоверности сообщаемой информации: метод. пособие / В.А. Шаповалов. – Киев : Освита Украины, 2016. – 168 с.

72. Шуванов, И.Б. Вербальные и невербальные признаки достоверности информации по видеозаписям следственных мероприятий: учеб. пособие / И.Б. Шуванов, О.С. Клочко, С.С. Новикова, Я.В. Церикидзе; отв. ред. С.С. Новикова. – Сочи : РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2018. – 77 с.

73. Чернышов, В.Н. Технико-криминалистическое обеспечение следствия / В.Н. Чернышов, Э.В. Сысоев, А.В. Селезнев, А.В. Терехов. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. – 80 с.

74. Чубукова, С.Г. Основы правовой информатики (юридические и математические вопросы информатики): учебное пособие / С.Г. Чубукова, В.Д. Элькин. – 2-е изд., испр. и доп.; под ред. М.М. Рассолова, В.Д. Элькина. – Москва : Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2007. – 287 с.

75. Экман, П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь / П. Экман. – Санкт-Петербург : Питер, 2010. – 196 с.

76. Яблоков, Н.П. Криминалистика: природа, система, методологические основы / Н.П. Яблоков, А.Ю. Головин. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : Норма, 2009. – 288 с.

III. Статьи

77. Аминев, Ф.Г. Актуальные проблемы ситуационного моделирования в судебно-экспертной деятельности / Ф.Г. Аминев // Эксперт-криминалист. – 2013. – № 3. – С. 12–14.

78. Асланбекова, Э.Н. Особенности невербального поведения при сообщении ложной информации / Э.Н. Асланбекова // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2013. – Т. 13. Вып. 4. – С. 42–44.

79. Бакин, А.А. Личность обвиняемого (подозреваемого) как объект криминалистического исследования / А.А. Бакин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2008. – № 1 (37). – С. 83–87.

80. Батыщева, Е.В. Актуальные вопросы и проблемы качества предварительного расследования и пути их решения / Е.В. Батышева // Юристъ-Правоведъ. – 2017. – № 3 (82). – С. 55–60.

81. Белкин, А.Р. Допустимость, достоверность, процессуальная пригодность, или еще раз о роли полиграфа в уголовном судопроизводстве / А.Р. Белкин // Уголовное судопроизводство. – 2013. – № 2. – С. 14–20.

82. Белых-Силаев, Д.В. Психофизиологические методы детекции лжи / Д.В. Белых-Силаев // Юридическая психология. – 2017.– № 2. – С. 37–48.

83. Бессонов, А.А. К вопросу о понятии криминалистического мышления / А.А. Бессонов // Эксперт-криминалист. – 2019. – № 2. – С. 17–20.

84. Бессонов, А.А. К вопросу о применении алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистике и расследовании преступлений / А.А. Бессонов // Отечественная криминалистика: вчера, сегодня, завтра: Сборник научн.-практ. статей; под общ. ред. И.М. Комарова. – Москва : Юрлитинформ. – 2020. – С. 37–44.

85. Бессонов, А.А. К вопросу о формировании единых экспертных методик / А.А. Бессонов // Вопросы экспертной практики. – 2019. – № 1. – С. 57–62.

86. Бурмистрова, Н.С. Особенности применения криминалистического профайлинга в период сбора релевантной информации в ходе расследования преступления / Н.С. Бурмистрова, Л.В. Бертовский // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2018.– № 6. – С. 265–272.

87. Васильева, О.А. Использование специальных знаний при проверке и оценке криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий / О.А. Васильева // Эксперт-криминалист. – 2019. – №3. – С. 34–36.

88. Васильева, О.А. Криминалистически значимая информация: понятие, свойства / О.А. Васильева // Закон и право. – 2017. – № 9. – С. 121–122.

89. Васильева, О.А. Содержание проверки и оценки криминалистически значимой информации при производстве следственных действий / О.А. Васильева // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 2 (129). – С. 334–338.

90. Васильева, О.А. Обзор методов выявления психологических признаков искажения информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства / О.А. Васильева, Г.К. Кравцова, Е.Н. Холопова // Эксперт-криминалист. – 2018. – № 2. – С. 15–19.

91. Васильева, О.А. Проблемы развития новых видов судебных экспертиз и экспертных методик / О.А. Васильева, Е.Н. Холопова / Материалы международной научно-практической конференции VI Балтийский юридический

форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»; под ред. С.В. Векленко. – Калининград : Калининградский филиал СПбУ МВД России. – 2018. – С. 89–90.

92. Васильева, О.А. Судебно-психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/ недостоверности информации, как средство проверки и оценки криминалистически значимой информации / О.А. Васильева, Е.Н. Холопова // Сборник научных трудов «Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы». – 2019. – № 1 (45). – С. 131–137.

93. Васильева, О.А. Направления использования специальных знаний и судебной экспертизы при выявлении и расследовании преступлений экстремистской направленности / О.А. Васильева, Е.Н. Холопова, И.И. Прейбис // Ситуационный подход в решении современных проблем противодействия терроризму и экстремизму: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Противодействие терроризму и экстремизму: ситуационный подход (в условиях организации и проведения крупных спортивных мероприятий, с учетом геополитического положения региона) / под ред. Т.С. Волчецкой. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2017. – С. 150–156.

94. Вереникина, Н.А. Профайлинг как средство раскрытия и расследования преступлений / Н.А. Вереникина // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 9 (82). – С. 203–209.

95. Волчецкая, Т.С. Методы познания в уголовном судопроизводстве: современные проблемы / Т.С. Волчецкая // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2002. – С. 34–37.

96. Волчецкая, Т.С. Криминалистический профайлинг в России и за рубежом / Т.С. Волчецкая, А.А. Абрамовский // Известия тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2018. – № 4–2. – С. 3–9.

97. Волчецкая, Т.С., Авакьян М.В. Криминалистические приемы и методы поддержания государственного обвинения / Т.С. Волчецкая, М.В. Авакьян // Законность. – 2016. – № 6. – С. 35–38.

98. Волчецкая, Т.С. Криминалистическое изучение личности свидетеля: основные методы / Т.С. Волчецкая, А.Г. Бедризов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – С. 90–97.

99. Галяшина, Е.И. Современные проблемы экспертного исследования звуковых следов / Е.И. Галяшина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – С. 36–42.

100. Гордеева, Т.О. Мотивация: новые подходы, диагностика, практические рекомендации / Т.О. Гордеева // Сибирский психологический журнал. – 2016. – № 62. – С. 38–53.

101. Григорьев, А.Н. Информация как объект криминалистического познания / А.Н. Григорьев // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел России. – 2016. – № 3(45). – С. 13–15.

102. Грицаев, С.И. Компьютеризация целеопределения и планирования расследования / С.И. Грицаев, В.В. Помазанов, Ю.А. Заболотняя // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 108 (04). – С. 491–499.

103. Гусев, А.Н. Об использовании многоуровневого анализа голоса при производстве комплексных экспертных исследований / А.Н. Гусев, Я.А. Бондаренко // Эксперт-криминалист. – 2020. – № 4. – С. 12–15.

104. Гусеница, Я.Н. О формализации адекватности информации / Я.Н. Гусеница, А.В. Малахов, А.А. Панина // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. – 2018. – № 12. – С. 435–444.

105. Деулин, Д.В. Диагностика ложных показаний в письменной и устной речи на основе описок и оговорок / Д.В. Деулин // Юридическая психология. – 2011. – № 4. – С. 27–29.

106. Ениколопов, С.Н. Психологические особенности криминального профайлинга / С.Н. Ениколопов, Н.А. Ли // Психологическая наука и образование. – 2007. – № 5. – С. 295–299.

107. Жбанков, В.А. Криминалистическая теория изучения личности участников уголовного судопроизводства / В.А. Жбанков // Вестник Российской Таможенной академии. – 2012. – № 2. – С. 52–56.

108. Жиляев, А.И. Актуальные проблемы защиты свидетелей / А.И. Жиляев, С.Н. Данилин // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика: сб. науч. тр. – Москва : Российская криминологическая ассоциация. – 2002. – С. 102–107.

109. Зайцева, О.Н. О необходимости введения понятия «риски адекватности информации» / О.Н. Зайцева // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 1 Ч. 3. – С. 807–811.

110. Зубец, В.В. О качестве сетевой информации / В.В. Зубец, И.В. Ильина // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2016. – Вып. 12 (164). Т. 21. – С. 168–172.

111. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» / С.А. Смирнова, Е.В. Макушкин, А.Я. Аснис [и др.] // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 3 (43). – С. 64–73.

112. Ищенко, Е.П. К проблеме качества предварительного расследования преступлений / Е.П. Ищенко // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 5. – С. 120–134.

113. Ищенко, Е.П. Актуальные проблемы системных исследований в криминалистике / Е.П. Ищенко, В.Я. Колдин, О.А. Крестовников // Lex Russica: Научные труды Московской государственной юридической академии. – 2006. – С.1161–1177.

114. Казаков, В.А. О валидности и эффективности некоторых методов получения доказательственной информации» / В.А. Казаков, А.Б. Пеленицын // Российский судья. – 2021. – № 9. – С. 28–33.

115. Караванов, А.А. Психологические особенности проведения очной ставки / А.А. Караванов, И.Ю. Устинов // Территория науки. – 2015. – № 2. – С. 28–34.

116. Китаев, Н.Н. Нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений / Н.Н. Китаев // Вестник криминалистики. – 2007. – Вып. 4 (24). – С. 48–51.

117. Князьков, А.С. Проблемы доказательственной значимости назначения, производства и оценки результатов судебной экспертизы / А.С. Князьков // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – №4 (14). – С. 38–43.

118. Князьков, А.С. Линия поведения как тактический феномен / А.С. Князьков // Вестник Томского гос. ун-та. Право. – 2012. – №1 (3). – С. 21–28.

119. Кольчурин, А.Г. О допустимости использования информации, полученной «нетрадиционным» способом в процессе формирования доказательств по уголовному делу / А.Г. Кольчурин // Уголовно-процессуальное доказывание и другие актуальные проблемы досудебного производства: сб. науч. тр. – Краснодар. – 2010. – С. 60–61.

120. Комаринец, Б.М. Участие экспертов-криминалистов в проведении следственных действий по особо опасным преступлениям против личности / Б.М. Комаринец // Теория и практика судебной экспертизы. – 1964. – Вып. 1 (11). – С. 21–22.

121. Комиссарова, Я.В. Понятие и классификация следов в криминалистике / Я.В. Комиссарова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 3 (55). – С. 131–141.

122. Комиссарова, Я.В. О проблеме криминалистического изучения личности носителей специальных знаний / Я.В. Комиссарова, В.И. Комиссаров // Lex Russica (Русский закон). – 2014. Т. XCV (№ 10). – С. 1201–1206.

123. Комиссарова, Я.В. О методическом обеспечении производства психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа / Я.В. Комиссарова, О.А. Котова, В.В. Семенов, М.Н. Токарев // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VIII Международной научно-практической конференции. – Москва : РГ-Пресс. – 2021. – С. 132–136.

124. Комиссарова, Я.В. Практика использования полиграфа в уголовном судопроизводстве России / Я.В. Комиссарова, С.Р. Хамзин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – № 6 (35). – С. 363–371.

125. Конин, В.В. Психология допроса и критерии допустимости психологического воздействия в ходе проведения допроса / В.В. Конин, Е.В. Сидоренко, М.Г. Ковалева // Допустимость показаний в уголовном процессе: Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола. – Санкт-Петербург : Центр научно-информационных технологий «Астерион». – 2021. – С. 69–73.

126. Корнакова, С.В. Соотношение понятий «достоверность» и «истинность» доказательств в уголовном процессе / С.В. Корнакова // Всероссийский криминологический журнал. – 2010. – № 2 (12). – С. 69–75.

127. Кремлев, М.В. Актуальность как ключевое свойство криминалистически значимой информации / М.В. Кремлев // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы научно-практической конференции; отв. ред. А.Г. Антонов. – Новокузнецк : ФКОУ ВПО «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний». – 2016. – С. 139–145.

128. Круть, О.В. Мотивация, мотив и цель преступления: соотношение понятий / О.В. Круть // Вестник Института экономических исследований. – 2017. – № 3 (17). – С. 172–177.

129. Кулик, А.В. Понятие профайлинга и сфера его применения / А.В. Кулик, М.А. Мостовюк // Научная перспектива. – 2014. – № 2 (48). – С. 91–93.

130. Лекторский, В.А. Эпистемология, наука, жизненный мир человека / В.А. Лекторский, С.А. Кудж, Е.А. Никитина // Российский технологический журнал. – 2014. – № 2 (3). – С. 1–12.

131. Михайлова, М.С. Криминалистическое исследование личности участника уголовного процесса / М.С. Михайлова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 12-4 (39). – С. 105–108.

132. Мишин, А.В. Проблемы разграничения экспертной ошибки от заведомо ложного заключения эксперта / А.В. Мишин, П.Н. Мазуренко // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 1. – С. 104–106.

133. Образцов, В.А. К вопросу об оптимизации показаний, связанных с припоминанием / В.А. Образцов, Н.Д. Самсонова // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений: межвузовский сборник научных трудов. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России. – 2004. – № 6. – С. 113–116.

134. Палий, А.Ю. Использование специальных знаний при составлении психолого-криминалистического портрета участников организованных преступных сообществ / А.Ю. Палий // Эксперт-криминалист. – 2018. – № 1. – С. 10–12.

135. Пеленицын, А.Б. Так что же все-таки определяет полиграф? / А.Б. Пеленицын, А.П. Сошников, О.В. Жбанкова // Вестник криминалистики. – 2011. – Вып. 2 (38). – С. 7–18.

136. Пермяков, А.Л. Следователь как непосредственный обладатель специальных знаний / А.Л. Пермяков // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 2. – С. 50–55.

137. Пинчук, П.В. Особенности фотофиксации следов крови на месте происшествия / П.В. Пинчук, С.В. Леонов, Е.Н. Леонова // Эксперт-криминалист. – 2017. – № 2. – С. 7–11.

138. Поздняков, М.А. Криминалистические аспекты применения следователем (дознавателем) собственных специальных знаний / М.А. Поздняков // Актуальные проблемы права: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). – Москва : Буки-Веди. – 2015. – С. 247–249.

139. Протопопов, А.Л. Нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений / А.Л. Протопопов // Вестник криминалистики. – 2008. – Вып. 4. – С. 5–9.

140. Ренер, Н.А. О становлении и развитии научной школы криминалистической ситуалогии в Балтийском федеральном университете имени И. Канта / Н.А. Ренер // Эксперт-криминалист. – 2013. – № 1. – С. 23–25.

141. Савельева, М.В. О понятии криминалистической информации / М.В. Савельева, В.В. Степанов // Вестник криминалистики. – 2009. – № 4 (32). – С. 14–21.

142. Сазонова, Т.П. Истребование предметов и документов как способ собирания доказательств / Т.П. Сазонова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2009. – № 19. – С. 48–51.

143. Семёнов, В.В. Использование результатов исследований с применением полиграфа в доказывании по уголовным делам / В.В. Семёнов // Российский следователь. – 2020. – № 10. – С. 8–12.

144. Сидоров, К.Р. Уровневая модель психики: психологическая теория деятельности / К.Р. Сидоров // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – Вып. 2. – С. 62–68.

145. Сидоров, А.А. Криминалистический аспект понятия информации / А.А. Сидоров, Г.Д. Солоха // Экономика. Право. Печать. Всероссийский журнал – 2015. – № 2–3 (66-67). – С. 104–115.

146. Смолькова, И.В. Нетрадиционные методы расследования преступлений и доказывание / И.В. Смолькова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 5. – С. 30–34.

147. Соя-Серко, Л.А. Программирование и творчество в деятельности следователя / Л.А. Соя-Серко // Программирование и творчество в деятельности следователя. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1980. – С. 32–42.

148. Степанов, В.В. Концептуальные проблемы понятия специальных знаний в уголовном судопроизводстве / В.В. Степанов, Л.Г. Шапиро // Вестник криминалистики. – 2004. – Вып. 4 (12). – С. 4–15.

149. Токаренко, Е.С. Признаки следственных действий, связанных с проверкой доказательств / Е.С. Токаренко // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 4 (38). – С. 73–76.

150. Успенский, В.А. Математика – это гуманитарная наука / В.А. Успенский // Троицкий вариант. – 2014. – № 2 (146). – С. 4–6.

151. Фойгель, Е.И. Использование метода профайлинга в оперативной, следственной и экспертной деятельности / Е.И. Фойгель, А.А. Козулева // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2015. – № 2 (8). – С. 223–233.

152. Фролова, О.Е. О языке научного исследования / О.Е. Фролова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 2 (78). – С. 147–154.

153. Хижняк, Д.С. Источники получения криминалистически значимой информации о совершенных транснациональных преступлениях / Д.С. Хижняк // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 4 (87). – С. 161–167.

154. Холевчук, А.Г. Альтернативные направления детекции лжи или как уйти от монополии полиграфа? / А.Г. Холевчук // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 6. – С. 267–274.

155. Холевчук, А.Г. О необходимости применения современных методов детекции лжи в уголовном процессе // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы Междунар. науч.- практ. конф., 25–26 сентября 2014 г. / М-во внутр. дел РФ, Краснодар. ун-т МВД России, Новорос. фил. Краснодар. ун-та МВД России; [под общ. ред. канд. соц. наук В.А. Сосова]. Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2014. – С. 92–96.

156. Холевчук, А.Г. Тактика допроса «Адвокат дьявола» – новый подход в детекции лжи (опыт Великобритании и США) / А.Г. Холевчук // Вестник Академии знаний. – 2015. – № 14 (3). –С. 44–49.

157. Холопова, Е.Н. Экспертные психолого-акмеологические технологии выявления признаков психологической достоверности и недостоверности

показаний участников предварительного следствия по видеоматериалам оперативных мероприятий и следственных действий / Е.Н. Холопова, Г.К. Кравцова // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 2. – С. 264–275.

158. Цветков, В.Я. Информационное соответствие / В.Я. Цветков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 1. Ч. 3. – С. 454–455.

159. Цимбал, В.Н. Роль следственных действий в формировании криминалистически значимой информации / В.Н. Цимбал // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2011. – № 3 (13). – С. 54–46.

160. Шаболтас, А.В. Вербальные характеристики распознавания обмана в разных условиях проведения интервью / А.В. Шоблтас, Ю.В. Гранская, М.В. Халеева, А. Врай // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2019. – Вып. 1. Т. 9. – С. 45–56.

161. Шаталов, А.С. Алгоритмизация и программирование расследования преступлений в системе криминалистической методики / А.С. Шаталов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 2. – С. 155–172.

162. Шейфер, С.А. Трансформация правового регулирования и научных представлений о системе следственных действий / С.А. Шейфер // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 1 (11). – С. 11–22.

163. Шелдон, К.М. Разработка универсальной шкалы типов мотивационной регуляции (UP-LOC) / К.М. Шелдон, Д.Д. Сучков, Е.Н. Осин, Т.О. Гордеева // Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса: сборник материалов III Всероссийской конференции по психологической диагностике. В 2 т. – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – Т. 1. – С. 336–343.

164. Шхагапсоев, К.З. Понятие доказательственной информации и производства следственных действий по ее проверке в районах вооруженного конфликта / К.З. Шхагапсоев // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2017. – № 2. – С. 183–187.

165. Чужиков, С.Ю. Программно-целевой метод в расследовании преступлений, совершенных в условиях неочевидности / С.Ю. Чужиков // Актуальные проблемы юридической науки: Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: актуальные проблемы юридической науки: материалы V юбилейной междунар. науч.-практ. конф. – Ч. 4. – Тольятти : ВУиТ. – 2008. – С. 219–224.

166. Яковлева, О.А. Классификация криминалистически значимой информации и ее роль в досудебном уголовном производстве / О.А. Яковлева // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. – 2016. – № 1. – С. 189–193.

167. Яковлева, Е.Ю. Прогностическая оценка способности потерпевших от сексуальных посягательств давать показания / Е.Ю. Яковлева // Российский психиатрический журнал. – 2009. – № 4. – С. 20–25.

168. Янин, М.Г. Проблемы сбора, проверки и оценки электронных доказательств в уголовном судопроизводстве / М.Г. Янин, К.М. Кочедыкова // Управление в современных системах. – 2019. – № 2 (22). – С. 28–31.

IV. Диссертации и авторефераты диссертаций

169. Аронов, А.В. Расследование преступлений, совершенных с целью незаконного корпоративного захвата : дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Александр Владимирович Аронов. – Владимир, 2011. – 211 с.

170. Ахмедшин, Р.И. Криминалистическая характеристика личности преступника : дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Рамиль Линарович Ахмедшин. – Томск, 2006. – 413 с.

171. Бедризов, А.Г. Личность свидетеля как объект криминалистического исследования : автореф. дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.12 / Алексей Григорьевич Бедризов. – Калининград, 2020. – 23 с.

172. Белов, О.А. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Олег Александрович Белов. – Москва, 2007. – 26 с.

173. Бессонов, А.А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений : дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Алексей Александрович Бессонов. – Москва, 2017. – 456 с.

174. Бишманов, Б.М. Правовые, организационные и научно-методические основы экспертно-криминалистической деятельности в органах внутренних дел : автореф. дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Букенбай Муратжанович Бишманов. – Москва, 2004. – 42 с.

175. Бобраков, И.А. Воздействие преступников на свидетелей и потерпевших и криминалистические методы его преодоления: дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Игорь Александрович Бобраков. – Москва, 1997. – 210 с.

176. Вагабов, Т.М. Теоретические и практические основы криминалистической тактики проверки показаний подозреваемого и обвиняемого в ситуациях противодействия расследованию : автореферат дисс. ... кандидата юридических наук : 12.00.12 / Тарлан Мамед оглы Вагабов. – Москва, 2014. – 26 с.

177. Власов, А.И. Психолого-акмеологические технологии выявления заведомо ложных показаний в следственной деятельности : дисс. … канд. психол. наук : 19.00.06 / Артем Игоревич Власов. – Москва, 2010. – 255 с.

178. Васильева, О.А. Психологический реагент как объект криминалистического исследования и следственной практики : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ольга Александровна Васильева. – Москва, 2008. – 171 с.

179. Галаган, В.И. Использование следователем информации на первоначальном этапе расследования : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Владимир Иванович Галаган. – Киев, 1992. – 239 с.

180. Григорьев, А.Н. Теоретические аспекты информации и ее защиты в предварительном расследовании преступлений : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Анатолий Николаевич Григорьев. – Калининград, 2002. – 223 с.

181. Головин, А.Ю. Теоретические основы и актуальные проблемы криминалистической систематики на современном этапе развития криминалистики : дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Александр Юрьевич Головин. – Тула, 2002. – 460 с.

182. Гучок, А.Е. Криминалистическое учение о материальной структуре преступления : дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Александр Евгеньевич Гучок. – Минск, 2014 – 321 с.

183. Дубровин, С.В. Основы теории криминалистической диагностики : дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Сергей Викторович Дубровин. – Москва, 2005. – 309 с.

184. Енгибарян, В.Г. Расследование массовых беспорядков: теоретические, организационные и методико-криминалистические основы по материалам Республики Армения : дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Ваге Гургенович Енгибарян. – Москва, 2015. – 422 с.

185. Ефремов, Д.А. Научные и правовые основы использования информации при расследовании преступлений : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Дмитрий Алексеевич Ефремов. – Саратов, 2011. – 210 с.

186. Зайцева, Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Елена Александровна Зайцева. – Москва, 2008. – 535 с.

187. Иванов, А.Н. Обыск как средство поиска и предварительного исследования материальных источников криминалистической информации : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Александр Николаевич Иванов. – Саратов, 1999. – 196 с.

188. Ищенко, Е.П. Алгоритмизация первоначального этапа расследования преступлений : автореф. дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Евгений Петрович Ищенко. – Москва, 1990. – 44 с.

189. Ищенко, П.П. Информационное обеспечение следственной деятельности : автореф. дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Пётр Петрович Ищенко. – Москва, 2009. – 26 с.

190. Карпенко, О.А. Криминалистические средства и методы преодоления дачи заведомо ложных показаний свидетелями и потерпевшими : автореферат дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.12 / Ольга Александровна Карпенко. –Карпенко

191. Москва, 2018. – 26 с.

192. Китаева, В.Н. Судебно-психологическая экспертиза при расследовании тяжких преступлений против личности : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Валентина Николаевна Китаева. – Иркутск, 2002. – 241 с.

193. Колесникова, Н.С. Заключение судебного эксперта в системе криминалистически значимой информации : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.12 / Наталья Сергеевна Колесникова. – Москва, 2021. – 258 с.

194. Конин, В.В. Тактика профессиональной защиты подсудимого в суде первой инстанции : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Владимир Владимирович Конин. – Калининград, 2003. – 195 с.

195. Крамская, Е.С. Методика расследования грабежей и разбоев, совершаемых группами несовершеннолетних : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Екатерина Сергеевна Крамская. – Москва, 2008. – 235 с.

196. Кручинина, Н.В. Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации : автореф. дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Надежда Валентиновна Кручинина. – Москва, 2003. – 54 с.

197. Кручинина, Н.В. Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации : дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Надежда Валентиновна Кручинина. – Москва, 2003. – 442 с.

198. Кустов, А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления : дисс. …д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Анатолий Михайлович Кустов. – Москва, 1997. – 355 с.

199. Кучин, О.С. Криминалистическая теория и практика выявления и расследования незаконного оборота ценностей : дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Олег Стасьевич Кучин. – Москва, 2012. – 417 с.

200. Лапшин, В.Е. Место происшествия как объект экспертного исследования : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Вячеслав Евгеньевич Лапшин. – Нижний Новгород, 2003. – 190 с.

201. Лысов, Н.Н. Криминалистическое учение о фиксации доказательственной информации в деятельности по выявлению и раскрытию

преступлений : дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Николай Николаевич Лысов. – Москва, 1995. – 488 с.

202. Макаренко, И.А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого : дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Илона Анатольевна Макаренко. – Саратов, 2006. – 404 с.

203. Макарова, Т.А. Использование в ходе предварительного следствия материалов аудио- и видеозаписи : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Татьяна Анатольевна Макарова. – Ижевск, 2004. – 161 с.

204. Малыхина, Н.И. Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление : дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Наталья Ивановна Малыхина. – Саратов, 2017. – 403 с.

205. Паршина Е.Н. Проблемы информационного обеспечения и защиты информации в предварительном расследовании преступлений : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Елена Николаевна Паршина. – Нижний Новгород, 2004. – 215 с.

206. Полстовалов, О.В. Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Олег Владимирович Полстовалов. – Уфа, 2009. – 642 с.

207. Ратинов, А. Р. Психологические основы расследования преступлений : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Александр Рувимович Ратинов. – Москва, 1967. – 40 с.

208. Рудин, А.В. Проверка доказательств в ходе досудебного производства в российском уголовном процессе : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Артем Владимирович Рудин. – Санкт-Петербург, 2019. – 188 с.

209. Себякин, А.Г. Тактика использования знаний в области компьютерной техники в целях получения криминалистически значимой информации : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.12 / Алексей Геннадьевич Себякин. – Москва, 2021. – 271 с.

210. Сорокина, Т.А. Тактико-психологические приемы получения, проверки и оценки показаний свидетелей и потерпевших : дисс. … канд. юрид.

наук : 12.00.09 / Татьяна Александровна Сорокина. – Санкт-Петербург, 2001. – 219 с.

211. Столбов, А.Н. Методика расследования заведомо ложного сообщения об акте терроризма : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Андрей Николаевич Столбов. – Москва, 2007. – 180 с.

212. Усманов, Р.А. Информационное обеспечение деятельности органов внутренних дел: криминалистическая регистрация : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Рамиль Ахматович Усманов. – Екатеринбург, 2002. – 213 с.

213. Федотов, И.С. Расследование насильственных преступлений, совершаемых в отношении малолетних: правовые, теоретические и организационные основы : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Игорь Славович Федотов. – Воронеж, 2009. – 466 с.

214. Финогенов, Н.А. Фиксация вербальной информации: процессуальный и криминалистический аспекты : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Николай Александрович Финогенов. – Саратов, 2010. – 188 с.

215. Холопова, Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Елена Николаевна Холопова. – Москва, 2006. – 640 с.

216. Чистова, Н.И. Признание недопустимыми доказательств, полученных на предварительном следствии : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Нина Ивановна Чистова. – Краснодар, 2006. – 218 с.

217. Чулахов, В.Н. Криминалистическое учение о навыках и привычках человека : дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Владислав Николаевич Чулахов. – Москва, 2004. – 371 с.

218. Шапиро, Л. Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Людмила Геннадьевна Шапиро. – Саратов, 2008. – 497 с.

219. Шаталов, А.С. Проблемы алгоритмизации расследования преступлений : дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Александр Семенович Шаталов. – Москва, 2000. – 411с.

V. Интернет-ресурсы и иные электронные ресурсы

220. К вопросу об экспертизе идеальной следовой информации: Пресс-релиз, подготовленный по итогам реализации Программы курсов повышения квалификации Федеральной палаты адвокатов РФ в г. Калуге 19 февраля 2019 г. по темам «Проблемы получения, оценки и использования показаний в уголовном судопроизводстве» и «Проблемы оценки и использования заключений экспертов-психологов в доказывании по уголовным делам». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://expert-spfi.ru/k-voprosu-o-ekspertize-idealnoy-sledovoy-informatsii (дата обращения: 13.03.2020).

221. Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://мвд.рф/folder/101762/item/10287274/; https://мвд.рф/folder/101762/item/9338947/ (дата обращения: 10.09.2020).

222. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_table/ (дата обращения: 10.09.2020).

Приложение 1

Результаты анкетирования следователей (руководителей подразделений органов предварительного расследования), дознавателей по вопросам проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий

В анкетировании, проведенном соискателем, приняли участие 324 сотрудника органов предварительного следствия и дознания в девяти субъектах Российской Федерации:

– следственного управления Управления Министерства внутренних России по Республике Крым и городу Севастополю; следственного управления следственного комитета России по Республике Крым и городу Севастополю; Управления Федеральной службы безопасности России по Республике Крым и городу Севастополю;

– следственного управления Следственного комитета России по Чеченской Республике;

– следственного управления Следственного комитета России по Камчатскому краю;

– следственного управления Следственного комитета России по Приморскому краю; Следственного комитета России Тихоокеанского Флота;

– следственного управления Следственного комитета России по Хабаровскому краю;

– следственного управления Следственного комитета России по Еврейской автономной области;

– следственного управления следственного комитета России по Калининградской области; следственного управления Управления Министерства внутренних дел России по г. Калининграду Калининградской области; отдела дознания Управления Министерства внутренних дел России по г. Калининграду Калининградской области; межмуниципального отдела Министерства внутренних

дел России «Гурьевский» Калининградской области; следственного управления Западного Управления внутренних дел на транспорте России по Калининградской области;

– следственного управления Управления Министерства внутренних дел России по Мурманской области; отдела дознания Управления Министерства внутренних дел России по Мурманской области;

– следственного управления Следственного комитета России по Сахалинской области.

Вопросы анкеты	Результаты в процентах	Количество ответивших
1. Должность:		
а. Следователь	79%	256
б. Дознаватель	8,7 %	29
в. Руководитель подразделения органа предварительного расследования	12,3 %	39
2. Пол:		
а. Мужской	55,9%	181
б. Женский	44,1%	143
3. Возраст:		
а. 20-30	36.7%	119
б. 31-40	45,7%	148
в. 41-50	17,6%	57
г. 51 год и старше	-	-
4. Образование:		
а. Высшее юридическое	92,9%	301
б. Высшее иное	8,9%	29
в. Среднее специальное	1,9%	6
5. Стаж работы в должности:		
а. До 1-го года	17,9%	58
б. От 3-х до 5-ти лет	27,8%	90
в. От 5-ти до 10-ти лет	27,1%	88
г. Свыше 10-ти лет	27,1%	88
6. Какое определение криминалистически значимой информации, на Ваш взгляд, наиболее полное и точное?		
а. Фактические данные либо сведения, находящиеся в причинно-следственной связи с расследуемым событием и характеризующие способ его совершения, участников данного события, предметы преступного посягательства, орудия преступления и другие важные для расследования обстоятельства;	26,2%	85
б. Полученная по различным каналам информация, могущая выступать в качестве доказательств по уголовному делу или способствующая получению таковой, а также любая иная	16%	52

информация, имеющая значение для достижения установленных законом целей деятельности по раскрытию и расследованию преступлений; в. Объективная, достоверная и независимая информация, своевременно полученная по различным каналам в приемлемой и доступной форме, и проанализированная субъектом деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, которая может выступать в качестве доказательств по уголовному делу или способствовать получению таковой, а также любая иная информация, имеющая значение для достижения целей деятельности по раскрытию и расследованию преступлений; г. Иное	57,7%	187
7. Как часто в своей работе Вы проверяете и оцениваете информацию, полученную при производстве следственных действий?		
а. Постоянно	63,6 %	206
б. Часто	24,1%	78
в. Иногда	6,2%	20
г. Редко	-	-
д. Не сталкиваюсь	4,6%	15
е. Затрудняюсь ответить	1,5%	5
8. Возникают ли в Вашей работе ситуации, когда Вы не смогли проверить и оценить информацию, полученную при производстве следственных действий?		
а. Постоянно	5,8%	19
б. Часто	8,3%	27
в. Иногда	39,2%	127
г. Редко	37,9%	123
д. Не сталкиваюсь	8,6%	28
е. Затрудняюсь ответить	0	
9. Изучали ли Вы методы проверки и оценки криминалистически значимой информации?		
а. В вузе	65,4%	212
б. На курсах повышения квалификаций	12%	39
в. Самостоятельно	43,8%	142
г. Нет	5,8%	19
д. Затрудняюсь ответить	7,7%	25
10. Какие признаки криминалистически значимой информации, по Вашему мнению, наиболее важные? (не менее 3-х)		
а. Ценность	27,7%	90
б. Объективность	75,9%	246
в. Достоверность	87,9%	285
г. Своевременность	42,9%	139
д. Полнота	52,1%	169
е. Доступность	20,9%	68
ж. Понятность	26,2%	85
з. Защищённость	16%	52
и. Знаковая природа	0	

к. Независимость	13,8%	45
л. Наличие источника криминалистически значимой информации	20,8%	67
м. Наличие своего потребителя	0	
н. Относимость	30,3%	98
о. Множественность и разнообразие	8,3%	27
11. Какие обстоятельства, подлежащие доказыванию, по вашему мнению, наиболее полно нуждаются в проверке и оценке криминалистически значимой информации?		
а. Событие преступления — время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления	82,1%	266
б. Виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы	82,4%	267
в. Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;	31,5%	102
г. Характер и размер вреда, причиненного преступлением	22,5%	73
д. Обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния	17,9%	58
е. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание	17,6%	57
ж. Обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания	11,7%	38
з. Обстоятельства, подтверждающие необходимость конфискации имущества в соответствии со ст. 104.1 УК РФ	57,7%	187
12. При каком способе получения криминалистически значимой информации, чаще всего возникают трудности в проверке и оценке информации?		
а. Вербальный	47,8%	155
б. Невербальный	52,2%	169
13. При производстве каких следственных действий Вы чаще всего сталкиваетесь с необходимостью проверки и оценки полученной криминалистически значимой информации? (укажите не менее 3-х)		
а. Осмотр места происшествия;	66%	214
б. Допросы:	83,9%	272
- потерпевшего;		
- подозреваемого;		
- свидетелей (очевидцев), иных лиц;		
в. Проверка показаний на месте	44,8%	145
г. Обыск	36,1%	117
д. Выемка	23,1%	75
е. Следственный эксперимент	20,9%	68
ж. Назначение судебных экспертиз:	27,2%	88
з. Иные следственные действия (укажите какие)	3,4%	11
14. При производстве каких следственных действий Вы чаще всего сталкиваетесь с необходимостью проверки и оценки полученной криминалистически значимой информации?		
а. Следственных действий, направленных на получение и проверку информации, которой располагают лица попавшие в сферу уголовного судопроизводства;	58%	188
б. Следственных действий, направленных на обнаружение	42%	136

материальных следов, вещественных доказательств и документов. в. Иные (укажите какие)_		
15. Какие следственные действия Вы считаете основными при проверке и оценке криминалистически значимой информации? (укажите не менее 3-х)		
а. Осмотр места происшествия;	66%	214
б. Допросы:	57%	185
- потерпевшего;		
- подозреваемого;		
- свидетелей (очевидцев), иных лиц;		
в. Проверка показаний на месте	74,1%	240
г. Обыск	32,1%	104
д. Выемка	25,9%	84
е. Следственный эксперимент	49,1%	159
ж. Назначение судебных экспертиз	65,1%	211
з. Иные следственные действия (укажите какие)	1,9%	6
16. Какие участники уголовного процесса обладают наиболее значимой информацией по Вашему мнению? (укажите не менее 3-х)		
а. Потерпевшие	75,6%	245
б. Свидетели	82,7%	268
в. Подозреваемые, обвиняемые	65,7%	213
г. Законные представители	16,7%	54
д. Специалисты, эксперты	35,5%	115
17. Какие методы Вы используете при проверке и оценке криминалистически значимой информации?		
а. Организационно-правовые (проверка показаний на месте, очная ставка)	91%	295
б. Инструментальные (например, исследование с применением полиграфа, видеорегистрации параметров движения глаз, автоматический способ и устройство для анализа поведения человека)	16,9%	55
в. Неинструментальные (например, профайлинг)	18,2%	59
г. Не использую	-	-
д. Иные	1,2%	4
18. Как вы считаете, способны ли Вы распознавать недостоверную информацию (ложь, добросовестное заблуждение)?		
а. Да	79%	256
б. Нет	1,2%	4
в. Не знаю	19,8%	64
19. Если да, то что, по Вашему мнению, способствует качественному распознанию недостоверной информации? (укажите не менее 3-х)		
а. Хорошо развитая интуиция	49,1%	159
б. Наличие высоких интеллектуальных качеств	36,1%	117
в. Наличие специальных знаний	59,9%	194
г. Использование технических средств в своей работе для детекции лжи	26,9%	87
д. Применение методик распознания лжи	47,5%	154

е. Помощь специалистов	42,6%	138
ж. Другое (назовите, пожалуйста, что именно)	4,6%	15
20. На что Вы обращаете внимание при распознавании недостоверной информации?		
а. На жесты, позы и телодвижения объекта	62,3%	202
б. На мимику лица объекта	53,7	174
в. На интонацию, тон, стиль речи и языковые заминки	61,1%	198
г. Использую технические средства для детекции лжи	17,6%	57
д. Другое (назовите, пожалуйста, что именно)	1,2%	4
21. Как часто, в своей работе Вы сталкиваетесь с фактами предоставления недостоверной информации?		
а. Постоянно	16%	52
б. Часто.	47,8%	155
в. Иногда.	34,9%	113
г. Редко.	0	
д. Не сталкиваюсь.	0	
е. Затрудняюсь ответить	1,2%	4
22. Используете ли Вы в своей работе следующие методики проверки и оценки криминалистически значимой информации?		
а. Психофизиологическое исследование с применением полиграфа	40,7%	132
б. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий)	16%	52
в. Способ, обеспечивающий оценку психического состояния	20,7%	67
г. Бесконтактный способ контроля психофизиологической реакции человека	17,3%	56
д. Способ оценки психофизического состояния человека, выявление степени неискренности ответов испытуемых с помощью видеорегистрации параметров движения глаз	3,4%	11
е. Способ экспресс оценки психофизиологического состояния человека	13,3%	43
ж. Способ оценки искренности – неискренности говорящего человека	18,8%	61
з. Автоматический способ и устройство для анализа поведения человека	2,2%	7
и. Методика определения психологических признаков достоверности / недостоверности показаний (В.А. Шаповалов)	-	-
к. Способ диагностики ложности сообщаемой информации по динамике параметров невербального поведения человека	12,7%	41
л. Профайлинг	4,3%	14
м. Не использую	23,5%	76
23. Как Вы оцениваете полноту и уровень существующей законодательной базы для использования различных методов проверки и оценки криминалистически значимой информации:		

а. Достаточный б. Недостаточный	52,1% 47,9%	169 155
24. Какие трудности возникают при проверке и оценке криминалистически значимой информации? а. Противодействие расследованию со стороны участников судопроизводства б. Затруднения при использовании специальных знаний специальных знаний в. Недостаток времени г. Иное	 23,1% 53,4% 71,3% 4,3%	 75 173 231 14
25. Изучаете ли Вы научную литературу, посвященную проверке и оценке криминалистически значимой информации? а. Да б. Нет	 68,2% 31,8%	 221 103
26. Нуждаетесь ли Вы в разработке алгоритма проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий? а. Да б. Нет в. Не знаю	 57,1% 17% 25,2%	 185 55 84

Приложение 2

Справка по результатам изучения уголовных дел

В ходе проведения исследования были изучены 158 уголовных дел, возбужденных правоохранительными органами Республики Крым, Калининградской и Ленинградской областей в период с 2017 по 2020 гг.

Основными критериями отбора уголовных дел, составивших эмпирическую базу диссертационного исследования, были принципы относимости к предмету и объекту исследования; возможности проверки основной гипотезы исследования; иллюстративности соответствия достигаемых результатов заявленной цели.

Целевая направленность изученной выборки уголовных дел реализовывалась по трем направлениям:

– выявление ситуаций, обусловливающих необходимость дифференциации криминалистически значимой информации по качеству;

– выявление ситуаций криминалистического изучения личности участников уголовного судопроизводства, обусловливающих содержание проверки и оценки криминалистически значимой информации по делу;

– выявление ситуаций, обусловливающих необходимость использования специальных знаний при проверке и оценке криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий;

Выяснению подлежали следующие вопросы:

1) какие процессуальные, прежде всего, следственные действия производятся при проверке криминалистически значимой информации;

2) какие процессуальные, прежде всего, следственные действия производятся в целях оценки криминалистически значимой информации;

3) проводилось ли криминалистическое изучение личности участников уголовного судопроизводства в целях проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий; если – да, то какими способами;

4) применялись ли специальные знаний при проверке и оценке криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, если – да, то какие именно, кем и в какой форме.

Анализ изученных материалов уголовных дел позволил выявить следующие проблемные следственные ситуации:

1. Обусловливающие необходимость криминалистического изучения личности участников судопроизводства, а также содержание проверки и оценки криминалистически значимой информации:

– сообщение участниками уголовного судопроизводства недостоверной информации умышленно;

– сообщение участниками уголовного судопроизводства недостоверной информации ввиду объективных обстоятельств;

– сообщение участниками уголовного судопроизводства недостоверной информации по субъективным причинам

2. Обусловливающие необходимость использования специальных знаний при проверке и оценке криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий:

– изучение механизма преступления по материально-фиксированным следам;

– установление способности участников уголовного судопроизводства воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания;

– анализ информации, полученной от участников судопроизводства – «носителей» идеальных следов.

Приложение 3

Обзор научно-обоснованных способов проверки информации, сообщаемой участниками судопроизводства (проведен соискателем)

1. Судебная психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа.

Включена в перечни родов и видов судебных экспертиз, проводимых в государственных судебно-экспертных учреждениях и подразделениях, Федеральной службы безопасности России – с 2002 г., Министерства обороны Российской Федерации – с 2004 г., МВД России – с 2017 г., Следственного комитета Российской Федерации – с 2020 г.

Приказом ФСБ РФ от 23.06.2011 № 277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности» (с изм. и доп. от 12.05.2015, 04.12.2017, зарегистрирован в Минюсте России 06.09.2011 № 21744.) утверждены:

Инструкция по организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности (приложение № 1 к приказу);

Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности (приложение № 2 к приказу), в котором под п. 13 указана «Психофизиологическая экспертиза» (типовые задачи, решаемые при производстве психофизиологических экспертиз: диагностика наличия в памяти человека информации о событиях прошлого с использованием полиграфа);

Перечень экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в качестве государственных судебных экспертов в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности (приложение № 3 к приказу).

Приказом МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 27.06.2019) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (зарегистрирован в Минюсте России 23.08.2005 № 6931) утверждены:

Инструкция по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (приложение № 1 к приказу).

Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (приложение № 2 к приказу), в котором под п. 19 указана «Психофизиологическая: 19.1. Психофизиологическое исследование в отношении лица с применением полиграфа».

В пункте 9 Приказа Следственного комитета Российской Федерации от 24.07.2020 № 77 «Об утверждении Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения "Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации" на право самостоятельного производства судебных экспертиз» (зарегистрирован в Минюсте России 11.08.2020 № 59230) указано, что «вопрос об определении уровня квалификации и аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебной экспертизы рассматривается на заседании ЭКК не менее одного раза в квартал в составе председателя ЭКК и (или) его заместителя, секретаря и не менее двух членов соответствующей секции, по следующим родам (видам) экспертиз: …психофизиологическая экспертиза (по специальности: «Психофизиологические исследования с применением полиграфа»)».

Приказом Министра обороны Российской Федерации от 31 октября 2007 г. № 461 «О порядке определения уровня профессиональной подготовки экспертов и аттестации их на право самостоятельного производства судебных экспертиз» на начальника Главного военно-медицинского управления Минобороны России (далее – ГВМУ МО РФ) возложена задача формирования экспертно-квалификаци-

онной комиссии по определению уровня профессиональной подготовки экспертов и аттестации их на право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства обороны России (далее – ГСЭУ МО РФ), а также утверждения перечня родов (видов) судебных экспертиз, производимых в ГСЭУ МО РФ в предстоящем году.

В целях реализации указанного приказа был издан приказ начальника ГВМУ МО РФ от 5 февраля 2008 г. № 10 «О формировании экспертно-квалификационной комиссии по определению уровня профессиональной подготовки экспертов и аттестации их на право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства обороны Российской Федерации».

Данным приказом на начальника 111 Главного государственного центра судебно-медицинских и криминалистических экспертиз МО РФ – Главного судебно-медицинского эксперта Минобороны России возложена задача разработки и ежегодного представления к 25 декабря на утверждение:

– списочного состава экспертно-квалификационной комиссии по определению уровня профессиональной подготовки экспертов и аттестации их на право самостоятельного производства судебных экспертиз в (далее – ГСЭУ МО РФ) на предстоящий год;

– перечня экспертных специальностей, по которым будет производиться аттестация на право самостоятельного производства судебных экспертиз в ГСЭУ МО РФ в предстоящем году;

– перечня родов (видов) судебных экспертиз, производимых в ГСЭУ МО РФ в предстоящем году.

В 2022 г., как и в предыдущие годы в ГСЭУ МО РФ будет производиться «Судебная психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа».

В настоящее время при производстве исследований и экспертиз с применением полиграфа используются:

1. Видовая экспертная методика производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа (2005), в 2006-2009 гг. прошедшая в установленном в органах внутренних дел порядке апробацию в ЭКЦ МВД Республики Татарстан.

2. Единые требования к порядку проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа (2008), разработанные по заявке Бюро специальных технических мероприятий МВД России сотрудниками Академии управления МВД России с привлечением ведущих полиграфологов органов внутренних дел, Минобороны, ФСБ, СВР, ФСКН, ФСИН Минюста России.

3. Методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа (2009), разработанная в Институте криминалистики Центра специальной техники ФСБ России для внутриведомственного применения.

4. Межведомственная методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа (2018), утвержденная руководителями Института криминалистики ЦСТ ФСБ России, ЭКЦ МВД России, 111 Главного государственного центра судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Минобороны Росси, Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации.

5. Методические рекомендации по порядку назначения и производства психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в системе МВД России (2018), подготовленные в ЭКЦ МВД России при участии полиграфологов из экспертных подразделений МВД по Республике Татарстан, ГУ МВД России по г. Москве, ФСБ России, а также Следственного комитета Российской Федерации, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

6. Методические рекомендации по порядку назначения и проведения психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» (2020), подготовленные в целях экспертно-криминалистического

обеспечения раскрытия и расследования преступлений Следственным комитетом Российской Федерации.

7. Методические рекомендации по порядку проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в органах и воинских частях военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации (2021), разработанные в целях оказания помощи в организации служебной деятельности должностных лиц органов и воинских частей военной полиции, на которых в установленном порядке возложены обязанности по проведению психофизиологических исследований с применением полиграфа, а также в подготовке соответствующих специалистов.

2. Способ экспресс оценки психофизиологического состояния человека.

Патент РФ № 2203611 МПК A61B 5/00. Публикация патента: 10.05.2003.

Авторы и патентообладатели: Блескин Борис Иванович, Машков Олег Алексеевич, Новиков Евгений Геннадьевич, Маторин Александр Геннадьевич.

Изобретение относится к медицине. Способ экспресс-оценки психофизического состояния человека используется при прохождении систем официального паспортного, режимного или иного многоступенчатого контроля обычными средствами и приемами, сопоставляя фиксируемые документально и накопленные для сопоставления и анализа данные, характеристики и биофизические параметры психофизического состояния в динамике. Оценка психофизического состояния человека осуществляется программными средствами с выдачей результата для принятия окончательного решения на посту контроля. Способ позволяет быстро и эффективно выявлять и предупреждать действия лиц с измененным психофизическим состоянием, профилактировать скрытно осуществляемые целенаправленно-осмысленные социально опасные неправовые действия.

3. Метод психозондирования.

Патент РФ № 2218867 МПК A61B5/16. Публикация патента: 20.12.2003.

Автор: Смирнов И.В.

Патентообладатель: Закрытое акционерное общество «НИИ психотехнологий».

Изобретение относится к области медицины и может быть использовано в психиатрии, психологии, психоанализе и при решении различных прикладных задач узкоспециального назначения. Предъявляют семантические стимулы в маскированном неосознаваемом и в осознаваемом виде. Регистрируют поведенческие и/или физиологические реакции с определением времени отклика на неосознаваемый стимул. Группируют результаты измерений в соответствии с принадлежностью к одной семантической группе. При этом в неосознаваемом маскированном виде предъявляют две или более семантические группы, по крайней мере одна из которых тестируемая, и контрольную, не несущую смысловой нагрузки и состоящую из ряда цифр. Поддерживают уровень операторской готовности предъявлением стимулов с разновеликими временными интервалами, с заданным правилом ответа. Стимулы, по крайней мере одной семантической группы, предъявляют как в осознаваемом, так и в неосознаваемом виде, содержащей слова разные по смыслу, правило ответа на которые испытуемый определяет опытным путем в процессе исследования по акустическому и визуальному сигналу ошибки. Статистически сравнивают тестовую семантическую группу с контрольной и определяют субъективную значимость по достижению критерия достоверности. Способ позволяет снизить возможность получения случайных результатов, а также более полно раскрыть ядро личности и выявить факторы, которые оказали влияние на ее формирование.

4. Автоматический способ и устройство для анализа поведения человека.

Патент РФ № 2292839 МПК A61B 5/04 A61B 5/16. Публикация патента: 10.02.2007.

Авторы: Ал Бандар Зухаир Гхани, Маклин Дэвид Энтони, О`Ши Джеймс Доминик, Ротуэлл Джанет Элисон

Правообладатель: Манчестер Метрополитан Юниверсити (Manchester Metropolitan University, GB).

Раскрыт способ для анализа поведения человека, включающий следующие этапы: осуществление одного или более измерений или наблюдений за человеком; кодирование измерений или наблюдений с образованием множества каналов; и анализ каналов с использованием искусственного интеллекта, чтобы вывести информацию, относящуюся к психологии человека. Приведено устройство для автоматического анализа поведения человека. Изобретения позволяют быстро получить объективную информацию по анализу поведения человека.

5. Способ оценки психофизического состояния человека.

Патент РФ 2337607 МПК A61B 3/113 (2006.01) A61B 5/16 (2006.01). Публикация патента: 10.11.2008.

Авторы: Усанов Дмитрий Александрович, Романова Наталья Михайловна, Скрипаль Анатолий Владимирович, Рытик Андрей Петрович, Вагарин Анатолий Юрьевич, Самохина Мария Анатольевна.

Патентообладатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского».

Изобретение относится к области юридической психологии, криминологии, криминалистики, психологии труда, медицине и может быть использовано для диагностики функционального состояния человека, для оценки психоэмоционального состояния, в производственных условиях, в быту, для экспресс-диагностики водителей, а также в следственной и судебной деятельности для изучения достоверности показаний подозреваемых, свидетелей, потерпевших. Регистрируют диаметр зрачка, число актов моргания по данным видеоокулографии. Дополнительно регистрируют площадь фигуры, построенной по точкам максимального отклонения центра глаз от видимого среднего положения. Сравнивают полученные данные с контрольными значениями,

полученными при заведомо правдивых ответах. По полученным данным определяют ответы, при которых имело место увеличение числа актов моргания и площади фигуры, а также определяют изменение диаметра зрачка. Устанавливают группу ответов с наибольшей количественной разницей между истиной и предполагаемой ложью. Делают вывод об эмоционально-психофизическом возбуждении, которое может являться следствием факта сокрытия либо искажения информации. Способ позволяет оценить психофизическое состояние человека, выявить степень его правдивости с помощью неинвазивной видеорегистрации параметров движений глаз испытуемого.

6. Способ диагностики ложности сообщаемой информации по динамике параметров невербального поведения человека.

Патент РФ № 2415645 МПК A61B5/16. Публикация патента: 10.04.2011.

Авторы: Романова Наталья Михайловна, Самохина Мария Анатольевна, Семенов Владимир Викторович, Иванов Лев Николаевич.

Патентообладатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского».

Изобретение относится к области психологии и психофизиологии и может быть использовано в судопроизводстве, в подборе кадров, проведении. Проводят структурированное интервью, включающее следующие блоки вопросов: нейтрального, контрольного и проверочного характера, при этом при ответах на вопросы регистрируют параметры невербального поведения человека. Затем осуществляют изучение динамики невербального поведения с выделением наиболее информативных его параметров, сгруппированных на основе факторного анализа в группу вегетативных реакций, группу мимических реакций, группу пантомимических реакций, выявление характерной для исследуемого человека тенденции изменений по каждому параметру и/или группе параметров, по которым делают вывод о ложности/истинности сообщаемой информации путем сравнения реакции на вопросы проверочного блока с реакцией на вопросы

нейтрального и/или контрольного блоков вопросов. При этом появляется возможность дополнительно регистрировать параметры невербального поведения человека при ответах на несколько блоков вопросов нейтрального характера и блок вопросов проверочного характера, детализировать полученную информацию путем сравнения реакции на вопросы проверочного блока с реакцией на каждый в отдельности нейтральный блок вопросов структурированного интервью, учитывать характерные тенденции в реагировании по отдельным параметрам либо детализировать полученную информацию путем сравнения реакций на проверочные блоки вопросов между собой с выделением блока проверочных вопросов, характеризующегося наиболее выраженной реакцией. Способ позволяет повысить точность и объективность распознавания лжи, с возможностью решения задачи одним специалистом по индивидуальным особенностям невербального поведения во время структурированного интервью по динамике выявления тенденции реагирования по всем параметрам, выявления наиболее информативных из них с последующим определением ложности/правдивости сообщенной информации.

7. Способ исследования и оценки психофизиологического состояния человека.

Патент РФ № 2421123 МПК A61B3/113. Публикация патента: 20.06.2011.

Авторы: Вагарин Анатолий Юрьевич, Усанов Дмитрий Александрович, Дарченко Аркадий Олегович, Вагарин Иван Анатольевич, Усанов Андрей Дмитриевич.

Патентообладатели: Общество с ограниченной ответственностью «ВОЛГАМЕТ-ЭКСПО», Общество с ограниченной ответственностью «ВолгаМед-Техно».

Изобретение относится к области психофизиологии и медицинской техники и может быть использовано при исследованиях и регистрации психофизиологического состояния человека по зрачковой реакции. Освещают глаз ИК-излучением, регистрируют зрачковую реакцию в процессе вербальной

коммуникации путем раздельного покадрового измерения длины окружности зрачка глаза, отклонения зрачка от его среднего положения и определения векторной диаграммы направленности отклонения зрачка при ответах на блоки вопросов нейтрального и контрольного характера соответственно. В зависимости от векторной диаграммы определяют тип мышления испытуемого: визуальное, аудиальное или кинестетическое. Вопросы контрольного характера выбирают соответствующими мышлению испытуемого, определяют среднеквадратичное отклонение измеренных параметров от начального положения. Рассчитывают попадание текущих результатов измерений длины окружности и отклонения зрачка в пределы статистических погрешностей для соответствующего текущего результата при ответе на вопросы нейтрального характера. Полученные результаты разделяют на три категории психофизиологической реакции: нейтральную - при попадании обоих значений текущих результатов в пределы среднеквадратичного отклонения, среднюю - при попадании только одного из текущих результатов в пределы среднеквадратичного отклонения для длины окружности и для отклонения зрачка соответственно среднеквадратичного отклонения, и высокую - при выходе обоих текущих результатов за пределы среднеквадратичного отклонения по динамическим изменениям, что позволяет судить о психофизиологическом состоянии человека. Способ обеспечивает возможность проводить скрининговые исследования в реальном масштабе времени и выражается в повышении точности измерений, информативности диагностических признаков.

8. Способ оценки достоверности сообщаемой информации на основе анализа динамики параметров невербального и вербального компонентов экспрессивной речи.

Патент № 2438558 МПК A61B5/00. Публикация патента: 10.01.2012.

Авторы: Иванов Лев Николаевич, Самохина Мария Анатольевна, Осышная Дарья Павловна.

Патентообладатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского».

Изобретение относится к области психологии и психофизиологии и может быть использовано в судопроизводстве, при подборе и расстановке кадров, проведении скрининговых проверок и служебных проверках. Регистрируют параметры вербального и невербального компонентов экспрессивной речи при ответах на блоки вопросов: нейтрального, контрольного и проверочного характера соответственно. Изучают динамику выделенных параметров с выделением наиболее информативных, сгруппированных на основе факторного анализа. Выявляют характерные для исследуемого субъекта тенденции изменений по каждому параметру и/или группе параметров вербального и невербального компонентов экспрессивной речи, по которым делают вывод о ложности/истинности сообщаемой информации путем сравнения количественных параметров реакции на вопросы проверочного блока с количественными параметрами реакций на вопросы нейтрального и/или контрольного блоков вопросов. При этом в качестве регистрируемых параметров используют следующие группы реакций: 1) просодика; 2) экстралингвистика; 3) вербальные признаки; 4) особенности речевой артикуляции: заикание, функциональная дислалия, дизартрия; 5) иные. При выводах не учитывают начальные 25% реакций по всем параметрам невербального поведения первого по счету блока вопросов. Категоричный вывод о достоверности/недостоверности сообщаемой информации формулируют в случае, когда количество параметров с подтвержденной тенденцией в реагировании составляет не менее 70% от выявленных. Способ позволяет повысить точность и объективность оценки достоверности сообщаемой информации за счет регистрации и сравнения реакции на вопросы проверочного блока с реакцией на вопросы нейтрального и/или контрольного блоков вопросов.

9. Способ определения ложности передаваемой информации по динамике параметров невербального поведения человека.

Патент № 2506048 МПК A61B 5/16. Публикация патента: 10.02.2014.

Авторы: Басов Олег Олегович, Саитов Игорь Акрамович.

Патентообладатель: государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (Академия ФСО России).

Изобретение относится к области когнитивной психологии и психофизиологии и может быть использовано для установления достоверности содержания передаваемой человеком информации в интеллектуальных инфокоммуникационных системах, а также при проведении служебных расследований. Проводят структурированное интервью, включающее блоки вопросов нейтрального и контрольного характера, при этом при ответах на вопросы регистрируют параметры невербального поведения человека. Затем осуществляют изучение динамики невербального поведения с выделением наиболее информативных его параметров, сгруппированных на основе факторного анализа в группу вегетативных реакций, группу мимических реакций, группу пантомимических реакций, выявление характерной для исследуемого человека тенденции изменений по каждому параметру и/или группе параметров. Затем регистрируют параметры невербального поведения абонентов в процессе коммуникативного взаимодействия посредством инфокоммуникационной системы, по которым делают вывод о ложности/истинности передаваемой информации путем сравнения полученной реакции с реакцией на вопросы нейтрального и/или контрольного блоков вопросов, зарегистрированной в процессе структурированного интервью. Способ позволяет повысить оперативность определения ложности передаваемой информации в процессе коммуникативного взаимодействия абонентов посредством инфокоммуникационной системы.

10. Методика определения психологических признаков достоверности / недостоверности показаний в юридической практике: метод. пособие / В.А. Шаповалов. Изд. 2-е, перераб. и доп. Киев: Кафедра, 2013. 108 с.

11. Методы психологической оценки достоверности сообщаемой информации: методическое пособие / В.А. Шаповалов. Киев: Освита Украины, 2016. 168 с.

12. Психологические модели получения достоверных показаний подозреваемых и обвиняемых: научно-практическое пособие / А.Д. Белоусов; Всероссийский научно-исследовательский ин-т М-ва внутренних дел Российской Федерации. М.: Проспект, 2017. 80 с.

13. Методика психолого-лингвистического исследования видеозаписей оперативных и следственных действий с целью установления влияния внешних факторов на содержание речи (показаний) / О.В. Гагина, В.О. Кузнецов, Т.Н. Секераж, С.С. Шипшин; ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ. М., 2017. 37 с.

14. Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий): научно-практическое пособие / А.М. Багмет, А.Н. Гусев, В.Ф. Енгалычев, Г.К. Кравцова, В.И. Седин, Е.Н. Холопова. М.: Московская академия СК России, ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна ФМБА Росси, 2018. 192 с.

15. Специальные, правовые и методические аспекты бесконтактной оценки ситуационной осведомленности: учеб.-метод. пособие / В.В. Семёнов, Д.Л. Иванов, Л.Н. Иванов. М.: Юрлитинформ, 2020. 208 с.